

ВЪВЕДЕНИЕ
КОНАН

КОНАН И ЦЕПЬ ОБОРОТНЯ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЪМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОБЛАНТЕАН ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСТИЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОИ 9
КОНАН И КАРУСЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИМКИ 12	КОНАН И ГРОТ АЛЛОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЕДУЩЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛОБИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ 16	КОНАН И ТАЛАНСМАН ЛАА 17	КОНАН И БЫЧ НЕРТАЛА 18
КОНАН И ГОРОД ПАЛЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОРИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРАЗДНИК ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛАЧ ОБ ИЖИ БЕЗДНЫ 27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АМАЗОН ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛЫ ИДОЛА 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ 35	КОНАН И АЛАТАРЬ ПОБЕДЫ 36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОКОНТАН ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЪМЫ 45
КОНАН И ПЬЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДВАНЦЫ ОГНЯ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54
КОНАН И СПЯЩЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ПАДЛЮРА 56	КОНАН И СКАП ХЛОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВИТАНИЕ ПЯТИКОВ 59	КОНАН И ПОБЛАНТЕАН МОЛНИЯ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИК БУРИ 62	КОНАН И САД ИСТОМНИА 63

КОНАН И ЦЕПЬ ОБОРОТНЯ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва • Санкт-Петербург • 2005

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
К64

Серия «Конан» основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использованы
фрагменты работы Ken Kelly*

Подписано в печать 15.07.2005. Формат 84х108¹/₃₂
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 9 000 экз. Заказ № 4095

Конан и цепь оборотня : [сборник] — М.: АСТ; СПб.:
К64 Северо-Запад Пресс, 2005. — 413, [3] с. — (Конан).

ISBN 5-17-032179-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-222-X («Северо-Запад Пресс»)

Конан-кимериец скитается по свету в поисках приключений.
Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некро-
мантами от Вендии до Китая и восстанавливает справедливость по
всей Хайборн, сная невинных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2005
© С. Шинкин, оборот, 2005
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2005

Глава 1

О том, что предрешено

Уже третью бутыль зингарского белого пил Ясуд. Совсем недавно служанка убрала со стола коллекцию пустых сосудов из-под офирского розового и аргосского красного. Иранистанец потерял способность ощущать вкус вина примерно колокола три назад, а может, и все четыре.

Несколько раз к нему спускался Себер и умолял завязывать. Немедийский библиотекарь неизменно посылался к Сету со всеми своими просьбами. Ясуд впервые за долгие годы решил отвести душу, расквитаться, так сказать, с судьбой за все неудачи, последней из которых явилась пропажа Дамара.

Когда до полуночи оставался один колокол, иранистанец потерял последнюю надежду на его возвращение. Если бы предприятие туранца завершилось успехом, он не пропал бы в обители

Хозяев столько времени. Скорее всего, его сейчас там пытаются.

— Себер! — громко позвал товарища иранистанец. Он уже был достаточно пьян, чтобы сообщить немедийцу о том, что их вот-вот придут убивать, и даже был готов насладиться истерикой библиотекаря.

— Прекрати ты его звать, — хлопнул по спине Ясуда огромный лысый пират, один из четырех собутыльников иранистанца. — Спит он. Повтори, если хочешь, и в десятый раз, он всё одно тебя не услышит.

— Правда? — спросил Ясуд, глядя в глаза лысому.

— Иштар клянусь! — ударил себя в грудь кулаком пират.

Выходило так, что набрался иранистанец даже сильнее, чем предполагал. Оказывается, поведать Себеру об их общем горе он порывался уже восемь раз.

— Что с тобой такое сегодня? — спросил у Ясуда маленький шуплый пират с гигантской серьгой в левом ухе. — Либо рассказывай, что стряслось, либо давай веселись, как раньше! Посмотри, какие девицы!

Иранистанец повернул голову в направлении, указанном шуплым. Как нетрудно догадаться, смотреть предстояло на сцену. Туда только что вошла новая группа танцовщиц, их предшественницы, расставшиеся с последними остатками одежды, уже рассредоточились по коленям посетителей «Морского Змея».

— За красавиц Побережья! — громко прокричал Ясуд и приложился к горлышку бутылки. На третьем глотке он поперхнулся и закашлялся, чем вызвал веселье среди своих товарищей.

— Что-то не то с тобой, парень, — тихо сказал самый старый из четверки пиратов. На одном глазу он носил узкую черную повязку.

— Помолчи, — рывкнул на него лысый, заметивший, что Ясуд переключил своё внимание на девиц.

Стройные загорелые тела двигались в такт неторопливой музыке. Девушки словно не просто постепенно обнажали свои прелести, а совершали некое мистическое действие, выраженное посредством танца. Улыбка одной, краешек груди другой, изгиб бедра третьей — все это содержало в себе тайну, грани которой приоткрывались зрителям. Быть может, именно в этом и скрывалась тайна бытия.

«Но куда более вероятно, — подумал иранистанец, — что все эти фантазии ни что иное, как последствие неумеренных возлияний».

Девушки продолжали танцевать, а Ясуд смотрел и наслаждался, предпочитая не замечать иллюзорности той тайны, что он выдумал для себя. Вот слетели на пол последние полосы ткани, и музыка затихла. На сцене появились жонглеры, но они иранистанцу были неинтересны. А вот одна из обнаженных девиц, направившаяся к их столу, завладела его вниманием.

— Иди ко мне, прелестница, — позвал её Ясуд. Девушка не замедлила воспользоваться при-

глашением и уселась иранистанцу на колени. Он тут же припал к её губам. Девушка с радостью ответила на поцелуй.

— Я смотрю, — ухмыльнулся лысый. — Ты в отношениях с бабами не промах. Как у вас с ними в храме дела обстояли?

— Я вам про храм рассказывал? — удивленно пролепетал Ясуд. На лице его отобразилось искреннее удивление. — Видать, совсем плохой стал.

— Ну, ты нас предупреждал, — поспешил утешить иранистанца щуплый, — чтобы мы никому ни-ни и ничего. А мы своё слово держим.

— Да, какая к Нергалу сейчас разница?! — махнул рукой Ясуд.

Ему захотелось рассказать пиратам, что в его обществе в эту ночь находиться чрезвычайно опасно. «Лиловые» могли по ошибке или просто на всякий случай схватить и их. Неприятно, если этим ребятам придется расплачиваться за его глупость. Как он только не осознал днем всех последствий похода Дамара к Хозяевам?! Надо было немедленно бежать из Сартоса сломя голову! Теперь и сам погибнет, и этих людей за собой на Серые Равнины утащит. Не хватит ему смелости в одиночку палачей дожидаться.

— Во-во! Точно так ты и говорил! — подтвердил пожилой пират.

— Так как там с бабами? — вернулся к основной теме четвертый мореход, которого Ясуд про себя окрестил «молчаливым».

Иранистанцу не слишком-то хотелось отве-

чать на этот вопрос. Есть вещи, о которых никогда и никому не рассказываешь, то, что стало не просто отрезком жизненного пути, а частичкой души. Но с другой стороны жить Ясуду оставалось всего один-два колокола, а значит, самое время расстаться со своими секретами.

— Поднимешься ко мне потом, — прошептал иранистанец на ушко девушке, — а сейчас нам надо поговорить.

Девушка кивнула и упорхнула с его колен, получив напоследок легкий шлепок по округлой попке.

Вино у иранистанца кончилось, и он, не утруждая себя передачей просьбы через прислугу, громоподобным голосом потребовал еще зингарского.

Ожидать, пока принесут, не было сил, и иранистанец угостился из бутылки лысого.

— Вообще нам с женщинами общаться, — сказал Ясуд, утирая рот рукавом, — строго-настрого запрещали. Но всё же слабый пол в пределы храма был вхож. Каждый день два десятка милостивых девушек приносили нам товары на продажу. Мы, ученики, считали, что настоятели храма специально просили селян посылать к нам таких красавиц, чтобы вызвать среди новичков искушение, которое те должны были преодолеть.

— И много среди вас таких стойких обнаружилось? — рассмеялся щуплый.

Такая реакция немного обидела иранистанца. Он им практически исповедуется, а в ответ слышит хохот. Но остальные пираты вроде бы поня-

ли, что повесть им предстоит услышать серьезную, и на своего товарища активно зашикали. Лысый даже ударил его ногой под столом.

— Вначале, как ни странно, — продолжил иранистанец, — все держались достаточно стойко, с девицами даже не разговаривали, хотя они нас к общению подбивали. И лишь на второй-третий год, когда с их обществом уже все свыкались, начинали зарождаться легкие интрижки. Беседы при луне, поцелуи в щечку. Постепенно любовь вытесняла из наших сердец страх перед наказанием. Я знаю лишь четверых послушников, что так и не закрутили романа.

— И какой она была? — спросил пожилой. — Та, что ты выбрал.

— Красивой, — вздохнул Ясуд. И вновь перед ним возникло лицо той юной девушки. Сколько лет прошло, а он так и не сумел её забыть. — У неё были очень красивые глаза орехового цвета, волосы она стригла очень коротко, а еще у неё была ни с чем не сравнимая улыбка. Я влюбился в неё сразу, как увидел. Сначала старался побороть свои чувства, делал всё, чтобы избежать встречи с ней, но сердцу не прикажешь. Мы начали встречаться. Я находился на седьмом небе от счастья, хоть в моей душе и зарождалось предчувствие чего-то недоброго. Вскоре я позабыл обо всех своих обязанностях, об учении, о наставлениях, что давали мне старшие. Она стала всей моей жизнью.

Ясуд с трудом выговаривал слова, голос его дрожал.

— Выпей, — сказал молчаливый и сунул иранистанцу в руки свою бутылку.

— Не надо, — отрицательно покачал головой Ясуд. — Я смогу и так. На четвертый месяц наших с ней встреч она исчезла. В храме она больше не появлялась, подруги, которых я расспрашивал о ней, говорили что-то невнятное, лишь бы я поскорее отвязался. Я даже не знал, что и думать. Всё чаще меня стали посещать мысли о бегстве из храма, я должен был найти её во что бы то ни стало. Но вот она вновь пришла. Я кинулся к ней, хотел обнять её, расцеловать, но она меня отстранила. Сказала, что вернулась, чтобы попрощаться. В городе она нашла свою настоящую любовь, а то, что происходило между нами, не более, чем забава. Я не хотел ей верить, но иного выхода у меня не оставалось.

— Всякое бывает, — пожал плечами лысый. — Женщины — создания ветреные, никогда не знаешь, что у них на самом деле в душе творится.

— Погоди, — прервал его философствования пожилой. — Мне кажется, это еще не конец истории. Так ведь, парень?

— Не конец, — согласился Ясуд. Мысленно он был там в своем прошлом. Ему тогда казалось, что хуже быть не может. Вскоре он выяснит, что ошибался. — Дни мои наполнились серостью, радости не стало. В один миг я разучился смеяться. Тогда я словно выпал из потока времени, окружающее перестало быть частью меня, оно уже не затрагивало ни моих чувств, ни моего разума. Наверное, я был близок к тому, чтобы наложить

на себя руки. Окончательно эта мысль так и не оформилась, но постоянно витала призраком на окраинах моего сознания. И я решил обрести для себя спасение через истовое служение Эрлику, надеялся, что огненный бог очистит мою душу от страданий. И вскоре мне действительно стало лучше. Скорее всего не от божественной благодати, а из-за того, что на мысли о собственном несчастье у меня просто не осталось времени. А еще ко мне пришла надежда. Я верил, что когда наконец моё обучение подойдет к концу, я смогу вернуться в города и отыскать там её, убедить в том, что мы созданы друг для друга. Каждый раз засыпая, я представлял себе её, и во сне мы снова были вместе. И вот, когда со дня нашей разлуки прошло уже три месяца, меня вызвал к себе один из наставников. Он объяснил, что у него нелады с желудком, и попросил меня сходить в город к травнику за микстурой, только тайно, чтобы никто не узнал, а то настоятель может разгневаться, узнав, что он предпочел молитвам богу Огня какой-то настой из стебельков и корешков. Я с радостью согласился, шанс увидеть её выпал куда раньше, чем я рассчитывал. Впервые за долгое время я покинул пределы храма, настроение у меня было превосходное. По дороге я вглядывался в лица людей, надеясь обнаружить её, мою любовь. Почему-то я не сомневался, что наша встреча с ней предопределена. Но вот я уже добрался до лавки лекаря, а она всё не появлялась и не появлялась. Понемногу в моем сердце начала возрождаться та самая серая тоска. И когда я

уже покидал город, мое внимание привлекли странные крики. Я свернул на широкую улицу и вышел на площадь. Там казнили воров, насильников, убийц и всяких прочих преступников. Каково же было моё потрясение, когда я узнал в женщине, восходящей на плаху, любовь всей своей жизни. Я прокричал, сам не знаю что. Она услышала мой голос, отыскала меня в толпе. Поднеся руку к губам, она послала мне прощальный поцелуй, а через миг её голова скатилась к ногам палача.

Пираты молчали. Никто из них не решался что-то сказать. По лицу Ясуда было件нятно, что он искренне переживает ту свою потерю, и она до сих пор отдается болью в его сердце.

— Грустная повесть, — произнес молчаливый. — Но кто знает, быть может, однажды ты встретишь ту, что затмит собой воспоминания юности.

— Не встречу, — сказал иранистанец. — Я достаточно возвысился среди слуг Эрлика, что быть достойным узнать всю правду. Но если бы у меня был выбор, то я бы предпочел до сих пор жить в обмане.

— Тем, кто обременен знаниями, всегда тяжелее, — философски заметил пожилой.

— Ты прав, клянусь Эрликом! — признал Ясуд. — Все произошедшее со мной оказалось лишь хорошо разыгранным театральным представлением. Это был один из этапов нашего воспитания. Настоятели считали, что мы должны познать любовь во время ученичества, чтобы на-

ходясь в услужении, не пасть её жертвой. Чувства послушников к девушкам, посещавшим храм, инициировались искусственно, при помощи магии и травяных отваров. Настоятели тщательнейшим образом отбирали кандидаток для создания будущих пар. Помимо легких заклятий, позволяющих контролировать сознание девушек, для верности еще брали в заложники какого-нибудь из их родственников, чаще всего младших братьев или сестер. Если сопротивляемость магии у девицы оказывалась высокой, то она трижды думала прежде, чем своими необдуманными действиями обречь на смерть близкого человека. О том, что финальный эпизод представления с палачом и плахой окажется реальностью, актрис не предупреждали и делали всё, чтобы они не прознали правды.

Ясуд глотнул вина и продолжил.

— Те методы, которые использовали жрецы, дабы пробудить в нас любовь, были если не совершенными, то очень близкими к ним. Я так ни разу за всю жизнь не почувствовал ничего, сколь либо похожего на то, что испытал в те годы. По словам настоятелей ни один прошедший через это испытание не предавал храм ради женщины. Но самым ужасным было даже не то, что во мне убили любовь, а то, что меня лишили надежды. Все те месяцы, которые я прожил, думая, что меня просто бросили, во мне жила вера, что всё может быть изменится к лучшему. Теперь её нет. Я уже был в наивысшей точке любви и страсти, больше мне там не оказаться.

— И много учеников взбунтовалось, — спросил лысый, — когда они узнавали правду?

— Мне такие случаи неизвестны, — сказал иранистанец и вновь приложился к бутылке. — Наши настоятели в точности знали, как мыслит человек, на что надо повлиять: на мозг, на сердце или селезенку, чтобы добиться понимания и послушания. Мы в их руках были подобны мечам, которые они ковали так, как хотели.

— Ты и сейчас служишь храму? — поинтересовался щуплый пират. — Теперь здесь и Эрлику всем городом поклоняться станут? Не боишься, что вас, как митриан, последнего разума лишат?

— Я здесь сам по себе, — ответил Ясуд.

Бутылка, что только что была полной, уже подходила к концу. Иранистанец прокашлялся, готовясь потребовать новую, как кольцо Общества на правой руке услужливо сообщило, что Дамар умер.

Новость была столь неожиданной, что иранистанец аж немного протрезвел.

Туранца по всем выкладкам должны были оставить в живых. Даже если тот человек, чье изображение явилось первым, не имеет никакого отношения к возрождающемуся полубогу, он всё равно непременно бы заинтересовался историей Дамара. Ведь это точно не заурядный обыватель, решивший провести пару колоколов за чтением книг, таких в обитель Хозяев не пускают. Общество имело здесь дело либо с магом, либо с видным стигийским военачальником.

Из своего жизненного опыта Ясуд знал, что

хороший палач в два счета расколет самого стойкого пленника, а на счет Дамара иранистанец в этом плане иллюзий не питал. Получается, что уже в начале вечера у «стражника» на руках имелись все сведения и о задачах Общества, и о его членах. Потому Ясуд и не сомневался, что в «Морского Змея» должны вот-вот ворваться «лиловые» и арестовать их с Себером. И уже имея на руках показания всех троих, Хозяева и таинственный страж из библиотеки смогут спокойно решать, следует ли убить пленников или можно их как-нибудь использовать.

Гибель же Дамара означала, что в поместье Хозяев что-то пошло не так, и он переоценил своих противников. У них с Себером еще оставался шанс выбраться из Сартоса живыми. Получалось так, что если «лиловые» не начинали своих поисков, смерть Дамара вполне может их к этому подтолкнуть, но и в этом случае немного времени у него и библиотекаря еще оставалось.

— Время, — тряхнул иранистанец лысого пирата за рукав. — Сколько сейчас времени?

— Через колокол уже светать будет, — флегматично ответил морской разбойник.

— Вот! — Ясуд достал из кошелька полновесный золотой и с грохотом водрузил его на середину стола. — Выпейте за мое здоровье!.. А можете еще и помолиться...

— Удачи! — недружным хором крикнули пираты поднимавшемуся по лестнице Ясуду. Иранистанца страшно раскачивало из стороны в сторону.

К счастью, дверь в комнату Себер на засов решил не закрывать, и проблем с попаданием вовнутрь у иранистанца не возникло. У Ясуда всё двоилось перед глазами, и он никак не мог распознать окружающие его предметы. Где находится его кровать, он скорее вспомнил, чем увидел.

Немедленно, судя по негромкому, с присвистом храпу, спал.

— Это где-то здесь, — сказал сам себе Ясуд, вываливая на кровать содержимое одной из походных сумок. В основном там были небольшие тряпичные свертки, помеченные краской, чтобы их было удобнее различать. — Который из них?

Иранистанец долго всматривался в свою коллекцию, пытаясь подчинить себе собственную память и зрение. Выходило плохо, и тогда он принялся нюхать сверточки. Когда очередь дошла до пятого экземпляра, Ясуд громко расчихался. Сразу же на лице возникла улыбка, видимо, на такую реакцию своего носа он и рассчитывал.

Ясуд аккуратно развязал мешочек и высыпал себе на ладонь часть содержимого. Это были мелко порубленные листики травы с непроницаемым названием, произрастающей в Вендии и закатной части Китая.

Иранистанец огляделся по сторонам в поисках сосуда с водой или вином. Ничего подходящего не обнаружилось, и он, зажмурившись, положил себе в рот щепотку высушенной травки и принялся её растирать между языком и небом.

Когда начали слегка постанывать верхние резцы, Ясуд набрал в рот слюны и проглотил траву.

Затем он уселся на пол, привалившись спиной к стене. Между зубами зажал рукоять кинжала и стал ждать. Вот-вот должна была нагрянуть боль. Сначала вся ротовая полость утонет в пламени пожара, потом её участь повторит желудок. Если травку запивать, эффект расплаты не такой сильный, но выбирать Ясуду не приходилось.

От боли, захлестнувшей его, иранистанец едва не потерял сознание, тело его билось в судорогах, сознание сотрясали приступы страха.

Зато когда всё закончилось, винные пары выветрились из его головы, вернулась легкость мысли, восстановилась координация. Всё-таки не зря он столько времени изучал мастерство травников, готовясь ко встрече с Дамаром. Помимо противоядий в запасниках у иранистанца имелось несколько восстанавливающих силы снадобий. Одно он уже применил, теперь дело было за вторым.

Себер по-прежнему мирно дремал. Это было на руку Ясуду, он не хотел, чтобы немедиец прознал о травах. Кто знает, на какие мысли это может натолкнуть чудаковатого библиотекаря.

Следующее снадобье находилось в мешочке, помеченном красной и зеленой полосками. Эта была единственная смесь, которой иранистанец еще ни разу не пользовался. Эффект от неё был такой же, как от выжимки из белого лотоса, но зато она не вызывала привыкания. Расплатой за это служили страшнейшие боли во всем теле на следующей день после применения, избавиться от которых не было никакой возможности.

Иранистанец насыпал на лезвие своего кинжала полоску светло-коричневого порошка, находившегося в заветном мешочке. Пару мгновений после этого собирался с силами, а потом, следуя от рукояти к кончику клинка, вдохнул смесь через нос.

Слегка закружилась голова, но Ясуд знал, что так и должно быть, этот эффект скоро пройдет. Теперь он еще примерно сутки сможет обходиться без сна. Мыслительные и физические способности резко обострятся. Вроде бы станет лучше работать и интуиция, но это, скорее всего, досужие домыслы.

Ясуд дождался, пока прекратится головокружение, а потом очень быстро собрал все мешочки назад в суму. Затем подошел к кровати немедийца и принялся самым активным образом тормозить библиотекаря.

— Вставай скорее! — крикнул Ясуд в ухо Себера и добавил уже тише. — Если жить хочешь.

— Что случилось? — поинтересовался немедиец, вставая с постели и натягивая на себя штаны, услужливо протянутые ему Ясудом.

— Возможно, у нас появился шанс пожить еще немного, — сказал иранистанец. Энергия в нем так и бурлила, сказывалось благотворное влияние светло-коричневой смеси. — Избранник Дамара только что отправил туранца на Серые Равнины.

— Этому ты так сильно радуешься? — недовольно спросил немедиец. Ясуд его разве что не выталкивал из комнаты. — Предлагаешь нам ни

свет ни зря отправляться искать остальных людей из пророчества?

— Ты так ничего и не понял? — ответил вопросом на вопрос иранистанец. В это время они уже сбегали вниз по лестнице. Слава Эрлику, библиотекарь внял просьбам убираться из таверны и расспросы вел по ходу дела. — То, что я сказал тебе вчера, полная чушь. Я был слишком измотан, а потому соображал туго. Надо было как можно скорее бежать из Сартоса.

Четверо пиратов, заметившие убегающего Ясуда с немедийцем, отслютовали ему приобретенными на его золотой бутылками вина. Иранистанец тоже махнул им на прощание рукой.

— Думаешь, полубог, вселившись в тело Дамара, — предположил Себер, — расправится с нами?

Иранистанца страшно раздражала глупость и никчемность библиотекаря.

Вновь появилась мысль: а не показное ли всё это? Но немедиец никаких злоумышленных действий пока не предпринимал. Скорее всего, это просто идиот, которому посчастливилось завладеть кольцом Общества.

— Не знаю я, что стал бы делать полубог! — отрезал Ясуд. В конюшне в столь ранний колокол дежурил всего один слуга, оказавшийся к тому же редким упрямым. Он наотрез отказался принимать помощь иранистанца и своими собственными силами подготовил к путешествию лошадь Себера и коня Ясуда, затратив на это целую четверть колокола. — В любом случае, это не он. Если и были какие-то сомнения, то после смерти

туранца стало очевидно, что он ошибся. Этот стражник, скорее всего, один из Хозяев. Может даже, самый главный. И хуже всего не то, что он попытается нас изловить, а то, что в его распоряжении имеется целая армия «лиловых», готовых исполнить его просьбу.

— Почему ты сразу до этого не додумался? — спросил Себер.

Иранистанец не знал, что ответить. Он и сам уже не раз задавал себе этот вопрос.

Несмотря на все знания Ясуда, элементарная мысль о том, что они сами могут стать целью охоты, посетила его лишь после третьей бутылки аргосского. Тогда же он понял, что дергаться уже бесполезно.

— А ты почему? — зло ответил Ясуд.

Немедиец не нашел, что возразить.

— Так-то, — сказал иранистанец, радуясь маленькой победе. К этому времени прислужник закончил возиться с верблюдом и перешел к лошади. — А то, что Дамара убили, нам на руку. Больше он ничего Хозяевам рассказать не сможет, хотя описание внешности у них уже наверняка есть.

— Тогда они нас поймут, — уверено заключил Себер. — Думаю, лучше подготовиться к обороне. Вдвоем в третьей ипостаси мы сможем им сопротивляться.

— Кому? — фыркнул Ясуд. — Одному из сильнейших собраний магов Хайбории?! Они нас по земле размажут, глазом моргнуть не успеешь. Единственный выход — это бегство, тем более,

они почему-то медлят. «Лиловых» еще точно не послали за нами.

— И куда ты предлагаешь нам идти? — спросил немедиец. — Ведь полубог обитает в Сартосе.

— Никуда он не денется, — отмахнулся иранистанец. — Ждал тысячу лет, еще подождет. От того, что нас в плен Хозяева захватят, его освобождение ближе не станет.

Немедиец молчал. Ясуд, почувствовав недоброе, повернул голову и посмотрел на лицо библиотекаря. Тот был весь красный от гнева. Богохульственные слова Ясуда, похоже, затронули какие-то ниточки в его душе.

— Извини, я не это имел в виду, — поправился иранистанец. Лучше так, чем потом получить кинжал между лопаток. — Я думаю, что происходящее тоже вроде части испытания.

— Возможно, ты и прав, — сказал немедиец. Он немного поостыл, но все равно выглядел достаточно грозно. — Ну, а если один из убийц Дамара оденет кольцо? Тогда появится еще один избранный.

— И Сет с ним! — высказался Ясуд. Подобный исход он полагал наилучшим. Через кольцо они смогли бы узнать о том, кто их преследует. — У нас больше опыта, и только мы видели лица на песке.

— Но он через кольцо выйдет на нас! — упорствовал Себер.

— Нет, это мы выйдем на него! — возразил Ясуд. — Ему же потребуется время, чтобы овладеть всеми тонкостями кольца.

— Ты уверен? — спросил немедиец. — Я довольно легко воспринял новые способности.

— Тебя готовили, — ответил Ясуд. — А вот я всё постигал самостоятельно, и поверь мне, дается это очень не просто.

— Хорошо, если так, — согласился библиотекарь.

В этот момент им и подвели животных.

Не обращая внимания на опасность езды верхом в темное время суток, Себер и Ясуд взгромоздились в седла и выехали с постоянного двора.

— Так всё-таки куда мы едем? — спросил Себер. Его лошадка двигалась намного более нервно, чем верблюд иранистанца. Видимо, настроение всадника передавалось животному.

— В Бильнас, — с ходу ответил Ясуд. Иранистанец вряд ли бы смог объяснить, как у него в голове возникло это решение, но по здравому размышлению выходило, что это и вправду чуть ли не единственный приемлемый вариант.

— Так далеко? — удивился Себер.

Иранистанцу очень хотелось поинтересоваться, куда хотел собственно направиться Себер, но он сдержался.

— Своим отъездом из Сартоса... — начал объяснения Ясуд. Делал он это не только для немедийца, но и для себя. Следовало облечь в слова подсказки собственной интуиции. — ...мы дадим понять Хозяевам, что не желаем идти на конфликт и с ними, и после смерти Дамара от своих намерений помочь полубогу в возрождении мы отказались. Если у них в это время на Побережье

будут свои проблемы, что исключать нельзя, на нашу поимку они отрядят не столь значительные силы. И тогда в третьей ипостаси мы сможем отбиться.

— Если мы задержимся в Бильнасе, — сказал немедиец, — Хозяева быстро сообразят, что мы лишь сделали шаг назад, но игры не оставили.

— Ты прав, — признал Ясуд. — Придется что-нибудь выдумывать. Может, инсценируем собственную смерть. Внешность точно придется изменить.

— Ладно, — согласился библиотекарь, — предположим, мы сможем затеряться. Что дальше? Путь в Сартос нам заказан.

— Подождем примерно с седмицу, — ответил Ясуд, — присмотримся, послушаем последние новости. Если всё будет спокойно, я отправлюсь в Сартос и займусь поисками оставшейся троицы кандидатов на роль полубога. Спешить не будем, я узнаю о них всё, что можно, и вернусь в Бильнас. И тогда мы с тобой сделаем выбор, к кому из них направиться.

— Как я узнаю, что ты меня не обманешь? — осведомился немедиец. — Отыщешь полубога и по примеру Дамара отправишься к нему в одиночку. Почему я должен тебе верить?

— У тебя нет выбора, — усмехнулся иранистанец.

На этом разговор завершился.

На улицах, прилегающих к базару, уже появились первые прохожие: торговцы, стремящиеся пораньше подготовить лавочки в преддверии

бурного дня. Еще попадались и нищие, навещающие на себя самый жалостливый вид. Кое-где они дрались друг с другом за право занять более денежное место.

На всех на них Ясуд поглядывал с подозрением. Иранистанец почти физически ощущал нависшую над ними с Себером угрозу. Что-то обязательно должно произойти, судьба не оставит их безнаказанными за проявленную глупость и нерасторопность.

Завидев впереди группу митриан, иранистанец попридержал верблюда и велел библиотекарю сделать то же самое. Осторожность лишней не бывает. Себер и Ясуд дождались, пока безумцы завершат свои измерения, и двинулись дальше, лишь когда они скрылись. Удивительно, но немедиец ни разу не попытался поспорить с Ясудом, видимо, тоже проникся всей серьезностью ситуации.

Чтобы выехать на дорогу, ведущую в Бильнас, нужно было пересечь часть территории базара. Будь его воля, Ясуд ни за что бы туда не сунулся. В этом месте даже в такую рань совсем не мудро натолкнуться на «лиловых».

— Приготовься, — тихо сказал иранистанец библиотекарю, когда они въехали на «Хлебную». — В случае чего перекидывайся в третью ипостась и беги из города. Если повезет, сумеешь укрыться в джунглях.

— Вроде же всё тихо, — удивился Себер. — Не думаю, что нас ищут. Иначе бы по всему городу сейчас «лиловые» улицы перекрывали.

И вновь библиотекарь сказал здравую вещь, правда, не бесспорную.

— Кто знает, что им там Дамар наплел перед смертью, — заметил Ясуд. — Может быть, они нас боятся, и засада всего одна, зато такая, что мало не покажется.

Себер не стал спорить, а просто кивнул.

Ехали по базару достаточно быстро, но не так, чтобы вызвать подозрение. Просто два путешественника, поспешающие по своим делам. Внимания на них никто не обращал, и лишь когда Себер и Ясуд преодолели три четверти пути по базару, к верблюду иранистанца начал цепляться нищий и кланчить монетку.

— Пошел прочь! — крикнул на него библиотекарь, а Ясуд занес руку, чтобы оттолкнуть попрошайку.

Но в этот момент бедняк заскочил на верблюда и поднес к горлу иранистанца нож. Тот не пытался вырваться из его объятий, понял, что имеет дело с профессионалом, а вот Себер потянулся к мечу.

— Не дергайся, — шепотом велел нищий немедицу, заметив, что тот жизнью товарища дорожит не очень-то сильно. — Тебя держат на прицеле. Достанешь меч — получишь арбалетный болт в глаз.

Библиотекарь принялся нервно озираться по сторонам, однако свой меч оставил покоиться в ножнах.

— Я буду править, — сказал нищий Ясуду. Поводья он взял в левую руку, правую с ножом

опустил к спине иранистанца, чтобы не привлекать внимания. — Если ты, конечно, не против.

Теперь они ехали не в сторону Бильнаса, а куда-то на полуденную оконечность Сартоса. Ясуд на всякий случай старательно запоминал дорогу, но вскоре бросил это дело. Даже простимулированный травяной смесью мозг иранистанца был не в силах отличить окружающие их полуразвалившиеся одноэтажные строения друг от друга. Судя по их виду, в них даже бедняки жить, наверное, боялись.

Место для укрытия их захватчики выбрали превосходное: и найти сложно, и оборону держать удобно. Вот только непонятно было, что это за люди такие. На «лиловых» они совсем не походили и вели себя совсем не подобающим для служителей Хозяев образом. Скорее всего, бандиты какие-нибудь. Но откуда они могли прознать про Общество? Быть может, их взяли в плен по чьей-нибудь ошибочной наводке...

— Слезайте, — велел тот нищий, что сидел за спиной Ясуда. Когда они выехали с рынка, на лошадь Себера забрался еще один конвоир. Других видно не было.

Иранистанец и немедиец подчинились. Подмывало попытаться бежать, перекинувшись в третью ипостась, но Ясуд подозревал, что бандиты, или кто они там, предусмотрели такую возможность. Себер вопросительно поглядывал на иранистанца, ему явно не терпелось поскорее покинуть сию теплую компанию, но Ясуд лишь покачал головой.

Тем временем из домиков по соседству повывлазили люди с арбалетами. Бандиты предпочли продемонстрировать свою силу, а не применять её.

— Сложи руки за спиной, — приказал Ясуду его нищий конвоир.

Связал он иранистанца довольно скоро и, следовало признать, качественно. Кровь к пальцам поступала, но пошевелить руками не было никакой возможности.

— Следуйте за мной, — на этот раз команда исходила от одного из арбалетчиков. От остальных его отличало то, что он был глубоким стариком и при ходьбе опирался на палочку.

Ясуда и Себера провели в одно из строений. Внутри обнаружилась тайная дверь и винтовая лестница за ней, ведущая в подвальные помещения. Они Ясуда впечатлили. Иранистанец был уверен, что совсем недавно здесь находилась мастерская по изготовлению различных подделок, ныне покинутая.

— Усаживайтесь сюда, — велел пленникам старик, указав рукой на два стула с ножками, вделанными в пол. Кроме него вниз спустился только один бандит, совсем еще молодой парень. Если бы не связанные руки, можно было бы попытаться перекинуться. — И не думайте дергаться, глаз у меня зоркий, и рука твердости не утратила.

Паренек подобрал с пола моток веревки и примотал ноги и руки пленников к стульям. Теперь Ясуд и Себер оказались полностью обездвижены.

Закончив с обязательными процедурами, оба бандита, старый и молодой, уселись за один из столов и принялись играть в кости. О пленниках они, казалось, позабыли напрочь.

— Зачем вы нас сюда привели? — подал голос Себер. Ясуд пожалел, что лишен возможности отвесить ему подзатыльник. В таких ситуациях чем меньше знаешь, тем лучше, да и надзирающих бандитов лишними расспросами лучше не раздражать.

— Один человек желает с вами побеседовать, — ответил молодой, не отрываясь от игры.

— Кто он такой?! — настаивал библиотекарь. — Кто вы такие, в конце концов?!

— Заткнись, лучше, — тихо посоветовал ему иранистанец.

Эта реплика Ясуда вызвала у бандитов дружный приступ хохота. Когда они отсмеялись, иранистанец продолжил.

— Лично я не хочу ничего знать, — заявил он. — Если нужно будет побеседовать с вашим человеком, я это сделаю, но не нужно вываливать на меня все последние новости о жизни вашей шайки. С ним можете говорить о чем угодно, со мной не надо.

Бандиты уже давились смехом. На такую реакцию иранистанец вообще-то и рассчитывал, и то, что последовало затем, было вполне предсказуемо. Похитители отпустили пару реплик на счет умственных способностей пленников, а о вопросе Себера забыли.

Библиотекарь зверем смотрел на иранистанца,

но помалкивал. Ясуд его понимал. Его и само распирало любопытство, но сейчас его позывы лучше игнорировать.

Но долго мучиться неразрешимыми вопросами пленникам не пришлось. Раздались шаги, и вскоре пред взорами Ясуда и Себера предстал человек, которого иранистанец счел хозяином помещения. Был он смугл, худощав, с седеющими волосами. Он обошел пару раз стулья, на которых сидели пленники, внимательно осмотрел последних. Взгляд у него был нехороший, холодом от него веяло.

— Так вот вы какие, — заключил наконец он. — Не каждый день встречаешь людей, которых боятся сами Хозяева.

Ясуд смолчал, в вот у немедийца терпение подошло к концу.

— Кто вы такой?! — вновь задал он свой главный вопрос. — Вы на Хозяев работаете?!

— Не кричи, — велел библиотекарю бандит. Ясуд думал, что немедиец разродится очередной тирадой, но обошлось. — Спрашивать вас буду я, а вы отвечать. В остальное время помалкивать. Ясно?

— Да, — мгновенно отреагировал иранистанец.

— Ясно, — после небольшой паузы присоединился к товарищу и немедиец.

— Чем вы заинтересовали Хозяев? — спросил бандит.

Ясуд решил, что лучше разговор вести самостоятельно. Немедиец вполне мог сболтнуть чего-нибудь лишнее.

— Нам известен путь к могуществу древнего полубога, — произнес Ясуд. Из формулировок бандита об «испуге» и «интересе», иранистанец сделал вывод о том, что приказано их брать живыми или мертвыми. И надо сделать всё, чтобы предстать в глазах посетителей людьми не опасными, а полезными.

— Выражайся яснее, — потребовал бандит. — Вам известно, где артефакты этого существа хранятся, или вы непосредственно полубога подчинить себе можете?

— Второе, — ответил Ясуд.

— Вот оно как... — задумчиво проговорил организатор похищения. — Это уже интересно. Расскажите мне поподробнее об этом полубоге. Что он из себя представляет?

— Много лет тому назад, — начал иранистанец, — когда очертания Хайбории были еще совсем иными...

— К Нергалу историю, — перебил его бандит. — Мне интересно, где его сейчас найти можно, и каков он из себя.

Вопросы этот человек с седыми висками задавал странные. На миг иранистанцу показалось, что он знает часть правды о пророчестве, о том, что вместо одного полубога их оказалось четыре. Было непонятно, в курсе ли их похититель тех сведений, что Дамар передал магам. Вообще, имеет ли этот человек какое-то отношение к Хозяевам?

— Вы знаете, что случилось с нашим товарищем? — спросил Ясуд. Играть по правилам не

выходило, было слишком много неизвестных, чтобы удачно запудрить мозги похитителям.

— Отвечайте на мой вопрос, — приказал бандит. — Повторять просьбу я не буду.

— Беседу будет легче вести, — ответил ему иранистанец, — если вы поделитесь всем тем, что вам уже известно. Ну, а я по мере сил заполню все пробелы.

— Исмаил, объясни ему, — обратился бандит к подручному.

Из-за стола вышел не молодчик, как предполагал Ясуд, а старик. Опираясь на палочку, он приблизился к иранистанцу и неувимым движением руки врезал ему по печени. Ясуд застонал.

— Он не понял, — сказал человек с седыми висками. — Подоходчивей, пожалуйста.

Дед дважды со всей силы ударил иранистанца в солнечное сплетение. Тот едва сознание не потерял от боли.

Ясуд только и смог, что зажмуриться, ожидая продолжения экзекуции. Но соответствующего приказа не последовало. Наоборот, в помещение повисла странная тишина. По взглядам, обращенным ему за спину, иранистанец сообразил, что к ним пожаловали новые гости.

— Давно вас не было видно, — реплика бандита относилась к человеку, стоящему на лестнице. Развернуть голову в его сторону Ясуд никак не мог, хотя посмотреть было любопытно, кто мог вывести хмурого похитителя из равновесия. Голос у бандита подрагивал. — Почему вы решили нас оставить?

— Так было нужно, — речь незнакомца с лестницы была какой-то плавной и текучей. Еще Ясуду показалось, что он расслышал туранский акцент. — Судьба вновь собрала нас всех вместе.

— Я рад, что вы вернулись, — сказал бандит. Чувствовалось, что он побаивался.

— И совершенно напрасно, — ответил ему незнакомец. Иранистанец с легкостью представил, как на его губах возникла улыбка. — Мы пришли, чтобы убить вас.

Старик и молодчик схватились за свои арбалеты, человек с седыми висками потянулся к ножам, но буквально через мгновение все трое уже катались по полу и царапали руками горло, словно пытались кого-то отцепить от своей шеи. Длилась эта агония совсем немного, вскоре бандиты отправились на Серые Равнины.

Ясуд не сомневался, что явились незнакомцы сюда именно за ним и за библиотекарем. Оставалось выяснить только, кто они: друзья или враги.

В мастерскую неспешно вошли трое мужчин средних лет, богато одетых. Судя по упитанным физиономиям занимались они не тем, что выполняли заказы на убийство. При такой работе необходимо держать себя в хорошей форме, даже если ты могущественный клирик или маг. Эти являлись сами себе и наниматели, и исполнители.

Но когда Ясуд увидел, что за перстни носят эти трое на руках, остальные детали их облика перестали иметь значение. Перед ним были поклонники Золотого Павлина Саббатеи, культа, исповедующего каннибализм.

— Займитесь ими, — сказал один из незнакомцев. Именно он разговаривал с главарем бандитов.

Двое саббатеицев подчинились его приказу. Они достали из заплечных мешков топоры и огромных размеров ножи для разделки мяса и принялись рубить на куски тела бандитов.

Человек с туранским акцентом тем временем освободил пленников от веревочных уз. И Ясуд, и Себер были настолько потрясены увиденным, что не могли вымолвить ни слова. Туранец, казалось, воспринимал их молчание как должное.

— Мы должны поблагодарить вас, — первым тишину нарушил Себер.

— У вас будет для этого возможность, — ответил туранец. — Но чуть позже. Мы должны спешить, скоро сюда нагрянут «лиловые». Поговорим, когда будем в безопасности.

— Конечно, — кивнул головой немедиец.

Двое саббатеицев уже покончили с расчленением бандитов. Скорости их работы позавидовал бы любой, даже самый ловкий мясник. Впрочем, ничего удивительного не было. Саббатеицы за долгие годы своего поклонения Павлину успевают хорошенько изучить строение человеческого тела и то, как с ним следует обращаться.

Кусочки, на которые поделили тела трех бандитов, саббатеицы собрали в пять матерчатых мешков. Цифра эта вызвала у иранистанца нехорошие подозрения, которым вскоре суждено было оправдаться.

— Не поможете нам? — поинтересовался туранец. — Очень ценный материал, терять его не хо-

чется, а втроем нам его не донести. Вы не беспокойтесь, на мешках лежат заклятья. Они не пропустят ни кровь, ни запах.

Иранистанец стоял и тупо смотрел на предложенный ему мешок. Он понимал, что просьбу лучше бы исполнить, но никак не мог справиться со своей брезгливостью. Себер же напротив, видать, так напереживался за это утро, что уже ничто не могло его затронуть. Он перекинул свой груз через плечо и с раздражением поглядывал на Ясуда.

— Эрлик, прости меня, — прошептал себе под нос иранистанец и взвалил себе на спину страшную ношу.

— Идемте, — сказал туранец и устремился вверх по лестнице. Двое других саббатеицев двинулись за ним. Похоже, следить за Себером и Ясудом никто не собирался.

Иранистанец воспринял это как добрый знак. Лучше уж такая незначительная свобода, чем совсем никакой.

Конечно, за ними наверняка тайно присматривали другие почитатели Золотого Павлина, но они всё же стремились показать добрый характер своих намерений.

Идти пришлось не очень долго, чуть больше четверти колокола. Большую часть этого времени саббатеицы и Себер с Ясудом потратили на то, чтобы покинуть бедняцкий квартал с его неказистыми домами-близнецами.

Конечной целью путешествия оказался богатый дом, укрытый за белокаменным забором.

Последний, правда, служил скорее декоративной деталью.

— Побеседуем в саду? — спросил туранец. Мешки с мясом они сгрузили сразу у ворот. — Или пойдем в дом?

— В саду, — не раздумывая ответил иранистанец. Он знал, что на открытом воздухе саббатеицы своих обрядов не справляют.

— Как вам будет угодно, — согласился туранец и указал гостям на деревянный стол, расположенный под сенью старой яблони. Вокруг стояло пять стульев. — Сейчас принесут выпить и перекусить, если желаете.

— Было бы неплохо, — ответил Ясуд, занимая один из стульев. Немедиец молчал и вообще выглядел неважно. Наверное, постепенно доходило, что за груз он тащил через город. — Если можно, фруктов и рыбы.

— Обижаете, — сказал туранец. — Насильно мы никого к обрядам не причащаем, все исключительно добровольно и в соответствующих условиях.

— Я знаю, — кивнул Ясуд. — Я любое мясо сейчас есть не смогу.

— Понимаю, — согласился туранец. — Но, надеюсь, наш запас вин вы оцените по достоинству. Я слышал, вы большой знаток.

Иранистанец позволил себе улыбнуться.

— У вас нет лекаря? — спросил он чуть погодя у саббатеица. Вид библиотекаря Ясуду совсем не нравился. Тот был страшно бледный, качал головой из стороны в сторону, шептал что-то себе под

нос. Какой бы бестолочью не был немедиец, терять его сейчас Ясуду совсем не хотелось. — Я бы хотел, чтобы он осмотрел моего друга.

— Я в порядке, — неожиданно подал голос Себер. — Спасибо.

И в самом деле после этих слов лицо у немедийца слегка порозовело, и бредить он прекратил.

— Думаю, ему просто нужен отдых, — заключил туранец.

— Так и есть, — согласился с ним Ясуд.

Тут саббатеец громко хлопнул в ладоши и плотоядно уставился куда-то за спину Ясуда.

— Вот и наш завтрак, — провозгласил он.

Через мгновение четверо слуг, тоже с кольцами Золотого Павлина, заставили стол разнообразной снедью. В основном это были фрукты и овощи, но имелось и блюдо с жареной рыбой. Мяса, как и просил Ясуд, им не принесли.

— Угощайтесь, прошу вас, — сказал туранец. — Все разговоры оставим на потом.

Иранистанец поблагодарил хозяина и приступил к трапезе. Травяная смесь, которую он принял в гостинице, позволяла длительное время обходиться без пищи, но тогда эффект расплаты еще немного увеличится. А вот если снабдить организм веществами, содержащимися в некоторых видах овощей, он предстоящие мучения перенесет значительно легче. По этой же причине Ясуд попросил принести ему вместо вина сока, чем немало удивил саббатеица.

Аппетиту немедийца оставалось только поза-

видовать. Он запросто разобрался с огромной порцией бобов, двумя неизвестными иранистанцу рыбками и горой томатов. Пил он свое традиционное молоко. Вообще, выбор предложенных напитков наводил на мысли, что последователи культа Золотого Павлина успели хорошо изучить вкусы своих будущих гостей.

— Теперь десерт! — провозгласил туранец, когда иранистанец и немедиец перестали проявлять к представленным блюдам хоть какие-нибудь признаки интереса.

В сад внесли огромное блюдо с ореховым шербетом, халвой и засахаренными бананами. Также каждому из гостей предложили чашку с горячим травяным напитком. На вкус он оказался приятным, с легкой горчинкой, и самое главное, действовал на организм бодряще.

— Кормите, как на убой, — заметил иранистанец.

— Надеюсь, это комплимент, а не намек? — улыбнулся саббатеец. Ясуду показалось, что края резцов у него заточены.

— Разумеется, — ответил Ясуд. И в самом деле для трапез в честь Золотого Павлина не имело значения, насколько хорошо упитана жертва. Считалось, что саббатеицы насыщаются духовной составляющей человеческого тела. Ясуд читал сложную теорию, объясняющую все тонкости данного процесса, но вникнуть в то, что хотел сказать автор, не сумел и поверил ему на слово. — И всё-таки вы не просто так пригласили нас в гости.

— Почему? — удивился туранец. — Мне доставляет удовольствие иногда побеседовать о вечном с умными людьми вроде вас.

Иранистанец поднял вверх правую бровь.

— Ладно, — согласился саббатеец. — Есть и другие причины, чтобы искать вашего общества.

Последнее слово туранец, как показалось Ясуду, выбрал специально.

— Боюсь показаться невежливым, — сказал иранистанец, — но в последнее время события развивались столь стремительно, что я несколько потерялся в их круговороте. Так прежде чем узнать о причинах вашего к нам интереса, я бы попросил вас рассказать о тех людях, в плену которых мы пребывали в момент нашего знакомства.

Немедиец неодобрительно посмотрел на Ясуда. Вряд ли он остался недоволен заданным вопросом, скорее ему не нравилось, что иранистанец единолично выбирал направление разговора.

— Это была шайка воров с базара, — сказал туранец. — Недавно мы работали с ними на пару, но наши пути разошлись и, как я думал, навсегда.

— Зачем мы им понадобились? — спросил Ясуд. — Откуда они вообще узнали, кто мы такие?

— Всё просто, — ответил саббатеец. — Их главарь — один из высших чинов в иерархии «лиловых». Думаю, только он и знал правду о вас и о вашей миссии. Остальные, скорее всего, были не в курсе дела, даже те двое подручных — старик и его внук.

— Получается, «лиловые» нас всё-таки ищут? — нахмурился иранистанец.

— Да, но к поискам они приступили недавно, — ответил туранец, по ходу попивая свой травяной напиток. — Примерно за колокол до рассвета они получили приказ доставить в поместье Хозяев двух приезжих из «Морского Змея». Описание, насколько я в курсе, им дали никудышное, но достаточное, чтобы опознать вас. В принципе, вам совсем немного не повезло. Еще полколокола, и вы бы успели покинуть Сартос.

— Этот главарь вел себя довольно странно для «лилового», — заметил Ясуд. — Как-то он не сильно спешил сдавать нас Хозяевам. Не поверю, что маги спокойно относятся к подобному самоуправству.

— Он вообще был неординарным человеком, — сказал саббатеец. — Я так и не понял, чьи интересы для него были важнее — Хозяев или своей шайки. Он пытался усидеть одновременно на двух стульях и надеялся, что ему удастся избежать за это расплаты. И порой мне казалось, что эти надежды были оправданы. Очень интересный был человек. У нас будет замечательная трапеза.

— Вы говорите, что «лиловым», — Ясуду показалось, что он обнаружил несостыковку в словах поклонника Павлина, — дали очень примерное описание меня и Себера. А главарь вел беседу так, словно точно знал, кто мы такие и зачем прибыли в Сартос.

— Ходят слухи, — сказал туранец, — что он

состоял в близкой дружбе с одним из высокопоставленных Хозяев. Чаше других называли имена Карфота и Арзареса, если они вам что-нибудь говорят.

— К сожалению, нет, — признался Ясуд.

— Поверьте, они оба могущественные маги, — сказал туранец. — Вероятно, допросив вас, главарь принял бы решение официально доставить вас в поместье или организовать тайную встречу со своим высокопоставленным другом. Не исключая, что он мог и просто убить вас.

— Тогда тем более мы должны вас поблагодарить, — высокопарно произнес иранистанец.

— Мы действовали в наших общих интересах, — ничуть не менее возвышено ответил на это туранец.

— Приятно слышать, — кивнул ему Ясуд. — И в чем же они выражаются?

— Дело в том, — начал саббатеец, — что в священных книгах нашего культа упоминается ваше Общество.

— Вот как? — изумился иранистанец. О фоллиантах, хранящихся где-то в закромах Золотого Павлина, ходило множество легенд, но, что показательно, в глаза их никто не видел. К тому же, Ясуд был уверен, что культ Саббатеи основали значительно после смерти полубога. Точной даты он назвать не мог, но о возможных временных границах имел представление.

— Не удивляйтесь, — попросил Ясуда туранец. — Наше учение намного древнее, чем принято об этом думать. Мы знаем всё о полубоге и

о его смерти, и о его учениках, что несли знание о павшем сквозь века.

— И вы нас не боитесь? — ухмыльнулся иранистанец. — Хозяева, и те испугались, когда узнали от Дамара правду.

— Но вы же не собираетесь превращаться в не-человека? — то ли спросил, то проконстатировал туранец. — Или, как вы это называете, перейти в третью ипостась. Кстати, а где вторая?

— Один из первых учеников, — впервые влез в разговор Себер, — занимался изучением проблемы оборотней. Он и сравнил нашего не-человека с их переходной формой. С тех пор и пошло название третьей ипостаси.

Туранец старательно делал вид, что это для него новость. Может, и правда, а может, пытается убедить гостей, что об Обществе узнал и впрямь из книг, а не от какого-нибудь ученика-ренегата.

— И что же обещает вам ваше пророчество? — поинтересовался у поклонника Павлина Ясуд. — Что вы получите от того, что полубог вернется в наш мир?

— Власть, — слово это туранец произнес очень сладко. — Когда возродившийся полубог получит тело избранного ученика, ему понадобятся слуги. Свита. Мы и станем ею. Это будет величайший момент в истории нашего культа.

— Значит, вы нам поможете? — спросил Себер.

— Конечно, — ответил туранец, — мы возьмем на себя все заботы о вашей безопасности.

Можете не беспокоиться о Хозяевах и «лиловых». Культ Золотого Павлина умеет хорошо прятаться.

— Но есть еще одна проблема, — начал Ясуд. Иранистанец решил рассказать саббатеицу, что полубог не один. Хочешь — не хочешь, а придется работать вместе с этими людоедами.

— Потом! — твердо сказал туранец. — Продолжим наш разговор, когда вы отдохнете и наберетесь сил. У вас была тяжелая ночь и очень неприятное утро.

— Это важно, — настаивал Ясуд.

— За два-три колокола ничего не изменится, — упорствовал и саббатеиц. — Вам обязательно нужно хоть немного поспать. На свежую голову все проблемы не будут казаться столь страшными.

Иранистанец решил, что в словах саббатеица есть крупинка здравого смысла. Отдых ему, может, и ни к чему, а вот осмыслить всё произошедшее в тишине и одиночестве не повредит. Рассказать о четырех полубогах он еще успеет.

— Согласен, — улыбнулся Ясуд. — Проводите нас в наши комнаты?

— Не лично, — уточнил туранец. — А вот слуги укажут вам путь.

И тут же из-за угла вышел долговязый смуглый парень с неизменным перстнем на пальце. Он попросил гостей следовать за ним. Спальня располагалась на втором этаже дома. Эта была большая светлая комната с двумя огромными кроватями, шкафом и множеством столов, столиков и стульев.

— Располагайтесь, — произнес слуга, пропуская Ясуда и Себера внутрь комнаты. — Если вам что-нибудь понадобится, дергайте за веревочку у двери.

Иранистанец дождался, пока парень выйдет, а потом запрыгнул на кровать, не снимая ни одежды, ни сандалий. Сладко потянулся и перевалился на бок, наслаждаясь мягкостью перина. Ясуду не верилось, что после всего случившегося они остались живы. Совсем недавно он считал себя покойником.

— Что думаешь? — спросил он у Себера. Иранистанцу не верилось, что в голове у библиотекаря созрела стоящая теория об участии культа Саббатеи в делах Общества, но он решил сделать немедийцу приятное, показать, что ценит его мнение.

— Думаю, ты мне больше не нужен, — как-то праздно произнес Себер.

Библиотекарь растопырил пальцы на руках, направил их в сторону иранистанца и бросил короткое слово на одном из древних языков. Тут же с кончиков его пальцев сорвалось десять лезвий и устремилось к Ясуду. Два насквозь пробили голову иранистанца, остальные изрешетили туловище.

Ясуд даже не успел понять, что произошло.

Глава 2

О новой жизни.

Впервые за долгое-долгое время Монтейро радовался наступлению нового дня. Его сны этой ночью были чисты от смертей, ужасов и несчастья. Наконец ему удалось обрести свободу от того кошмара, что преследовал его в последние дни.

С улицы в его келью проникали звонкие трели птиц. Монтейро какое-то время просто сидел на постели и наслаждался их голосами. В Зингаре он бы без труда распознал каждого пернатого певца, но на Побережье гнездились совсем другие птицы, и Монтейро еще не успел познакомиться с ними со всеми.

Но этот пробел вскоре можно будет восполнить. Митрианцы часто направляли в джунгли исследовательские экспедиции, и Монтейро твердо решил для себя, что обязательно присоединиться к следующей.

Монах в глубине души поразился той жажде жизни, что проснулась в нем после разговора с Хозяевами.

Даже в Зингаре он особо никогда не интересовался природой, а сейчас его так и тянуло прикоснуться к каждой окружающей его травинке, послушать птичьи голоса, понаблюдать за теми животными, что обитали в джунглях.

Легкое дуновение ветерка, проникшего в комнату через приоткрытое окошко, всколыхнуло волосы на голове зингарца. И Монтейро понял, что солнце, небо, ветер, океан манят его к себе с той же великой силой, что и живая природа. Митрианец вдруг вспомнил, что он очень давно не смотрел на небо. Ему показалось, что он забыл, как выглядят облака.

— Вот, что значит обрести жизнь, — сказал он себе, — когда тебя все приговорили к смерти.

Боги и люди в этот момент казались ему ничтожными, жалкими песчинками в океане мироздания. Монтейро не было никакого дела до Митры, Сета, их слуг и распрей между собой. Он помнил о той опасности, что исходила от Карфота и «лиловых», но воспринимать её всерьез он был просто не в состоянии. Не позволяла та эйфория, что он испытал после пробуждения.

— Что же я лежу?! — привычки разговаривать с самим собой раньше за Монтейро не водилось. Видимо, еще один эффект от внезапного спасения. — Я должен столько успеть!

Зингарец допил ту воду, что оставалась на доньшке кувшина, и быстрым шагом, с трудом

сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, отправился в умывальню.

Здесь уже никого не было, всё-таки встал сегодня Монтейро, по меркам обители, достаточно поздно. Зингарец налил воды в таз, умылся, прополоскал рот. Потом пошел к начищенному зеркальному блюду побриться.

И вновь ему показалось, что черты лица его претерпели изменения: скулы опустили еще ниже, глаза стали практически черными, немного погустели брови. Зингарец внимательно всмотрелся в новый облик и остался доволен. Так он выглядел намного симпатичнее, а насчет необычности происходящего он не волновался: скорее всего, имел место еще один эффект от освобождения от проклятья.

Брился Монтейро как никогда тщательно, не жалея ни времени, ни сил на борьбу с щетиной. Мысль о присутствии растительности на лице вызывала у монаха приступ резкого отвращения. В такой знаменательный день он просто обязан выглядеть соответствующим образом, и не имеет значения, что раньше он никогда не придавал большого значения тому, насколько хорошо он выбрит.

Находиться дальше в обители Монтейро уже не мог, ему хотелось поскорее попасть на свежий воздух, ощутить кожей тепло солнечных лучей. Потом он вспомнил, что вчера обещал себе соблюдать все предосторожности, так, чтобы со стороны выглядеть образцовым монахом. Значит, никак нельзя пропускать утреннюю молитву.

— Проклятье! — прошептал себе под нос зингарец и отправился исполнять свой долг.

В молельне он провел целую четверть колокола, истово отбивая поклоны перед статуей Митры. Старые монахи, глядя на это, лишь довольно кивали головами. Им казалось, что буйный юнец наконец решил искать спасение не во гневе, а в милости Пресветлого.

«Потом другим несчастным, — подумал Монтейро, — меня в пример приводить станут. Уверовал, мол, всем сердцем в Митру, и бог оградил его от магии стигийской, а ведь по всем признакам ряды безумцев должен был пополнить. И главное, поверят в эту чушь! Тьфу!»

К выходу из обители Монтейро двигался неспешно, кивая всем встречным и благословляя новоприбывших. Был в этом поведении один положительный момент. Остальные монахи, глядя на благость, пропитавшую их брата, не осмеливались подойти к нему и завести разговор.

— Наконец! — произнес Монтейро, когда оказался за пределами обители. — Как же мне этого не хватало.

Зингарец жадно вдыхал в себя солоноватый воздух Побережья и был просто вне себя от счастья. С трудом взяв себя в руки, он сдвинулся с места и подошел к небольшому деревцу, росшему рядом с обителью. Монтейро сорвал с ветки листик и принялся им любоваться, потом растер его между пальцами и зачем-то слизнул образовавшуюся зеленую кашицу.

Горечь на языке немного привела его в чувст-

ва. Он сплюнул остатки листка и принялся озираться по сторонам, надеясь, что никто из монахов не видел той дурости, что он учинил.

В этот миг из-за туч выглянуло солнце. Зингарец улыбнулся ему, как старому знакомому, и зашагал по направлению к океану.

По дороге Монтейро вспомнил, что кое-какие видения его этой ночью посещали. Но злыми он не были, никто в них не умирал. Наоборот, они были исполнены некоего неземного умиротворения. Зингарец напряг память, пытаясь вновь вернуться в эти сны, там было что-то очень важное для него.

Вначале он снова оказался в той темноте, что казалась ему осязаемой, словно вода или даже кисель. Опять где-то вдали горел тот синий огонек. Монтейро вспомнил, что на этот раз ему удалось приблизиться к нему, а может, даже проникнуть внутрь.

Что было дальше, зингарец вспомнить так и не успел. Ход его мыслей прервал нищий, уцепившийся за конец рясы Монтейро.

— Крепкого здоровья вам, брат митрианец, — прошептал бедняк зингарцу. — Кошмары не мучают?

— Нет, спасибо за беспокойство, — ответил Монтейро и постарался отделаться от пристающего голодранца. — Советую вам попросить милостыню у кого-нибудь другого, нам обет запрещает без особой необходимости деньги при себе носить.

— Ничего, брат митрианец, — тем же шепо-

том продолжил нищий. — Мы и без денег как-нибудь выдюжим, о них, собственно, и разговору-то и не было. Вас совсем о других вещах вчера просили.

Монтейро внимательного оглядел попрошайку. Ни одной лиловой тряпки на нем не наблюдалось.

— Прямо вот так и выйду на службу без конспирации, — усмехнулся нищий. — Вы, брат, меня совсем за идиота держите? Пойдемте лучше, нечего посреди улицы торчать, люди уже глазеть начинают.

Зингарец послушно последовал за бедняком. Тот, однако, предпочитал рясу Монтейро из руки не выпускать.

— Как я узнаю, — настаивал зингарец, — что вы тот, за кого себя выдаете?

— Убедитесь сами примерно через четверть колокола, — ответил нищий. — Меня не посвящали в детали ваших с Карфотом договоренностей.

Произнесенное вслух имя зеленоглазого «лилового» немного успокоило Монтейро, и больше вопросов он не задавал.

Подозрения вновь ожили в душе зингарца, когда он понял, что нищий ведет его в сторону бедняцкого района. С чего бы могущественному «лиловому» назначать встречу в таком месте?

— Мы, в отличие от вашей братии, испачкаться не боимся, — нищий словно прочитал мысли зингарца, хотя, скорее всего, просто обратил внимание на то, что Монтейро замедлил шаг, и дога-

дался, чем это могло быть вызвано. — Если надо, в эту клоаку всей конторой переедем и в лохмотья обрядимся, а Карфот себя еще и помоями обольет.

«Лиловый» провожатый, сам того не желая, сболтнул лишнего. Выходило так, что зеленоглазый — крупная шишка среди Хозяев. Вполне возможно, именно он возглавляет организацию «лиловых». Монтейро, конечно, подозревал нечто подобное, но всегда полезно подкрепить мысли фактами.

— Я у вас теперь за своего? — неожиданно для «лилового» зингарец задал столь прямой вопрос.

— Не совсем, — смутился нищий. — Если хорошо себя проявите, брат, вольетесь в нашу дружную кампанию. Карфот не отличается страстью к бессмысленному кровопролитию, возможно, он даже поможет вам стать самым молодым настоятелем за всю историю митрианской обители Сартоса.

— Хорошая перспектива, — ответил зингарец.

Его сознание постепенно начало заполнять то безразличие к миру людей и их проблемам, что обуюало его после пробуждения. В этот момент Монтейро нисколько не интересовало престижное место отца-настоятеля, да и до нынешних проблем стигийцев, из-за которых его вызвали, ему особо никакого дела не было. Он мечтал побыстрее разобраться со своими обязанностями и отправиться к морю. Эта муравьиная возня не идет ни в какое сравнение с его бесконечным величием.

— Постой! — внезапно нищий выставил руку перед зингарцом. Замечтавшийся Монтейро окрика не услышал, а вот в препятствие ткнулся и сразу же вернулся в бранный мир Сартоса.

Перед зингарцем и «лиловым» стояло человек пятнадцать безумных митриан, но взгляды их, к счастью, были обращены не на путешественников, а на окружающие строения. Блаженные продолжали измерять город.

— Ходят слухи, — заговорщицки сообщил «лиловый» Монтейро, — что это они мерки для гроба снимают, мол, скоро от города нашего не останется ничего.

— Вы этому верите? — на мгновение к нему вернулись страхи прошлых дней.

— Нет, но всё равно страшно, — сказал нищий. — Карфот велел нам к ним близко не подходить, хотя и так бы никто не сунулся.

— Они просто сумасшедшие, — усмехнулся Монтейро. Сейчас мысли о том, что эти несчастные — наивернейшие слуги Пресветлого, казались зингарцу болезненным бредом. Ему было даже стыдно, что его сознание смогло породить подобную чушь.

— Думай, что хочешь, — сказал «лиловый», — но пока они не уйдут, я с места не тронусь и тебя не пущу.

Монтейро расхохотался. Про себя. Ни к чему обижать расположенного к нему слугу Карфота.

Митрианцы же явно никуда не спешили, все измерения производили с завидной аккуратностью и прилежанием. «Лиловый» постепенно вы-

ходил из себя, наблюдая за ними, но отправиться в обход не предлагал. Значит, целью их путешествия является один из близлежащих домиков.

Когда блаженные наконец убрались, Монтейро убедился в точности своих предположений. Тайный штаб «лиловых» располагался как раз в том строении, что измеряли митрианцы, когда зингарец впервые их заметил.

Провожатый «лиловый» пару раз ударил кулаком по двери. На пароль это походило слабо.

— Заходите, — произнес молодой паренек, высунувшийся из дома. — Эти уже убрались?

— Только что, — ответил нищий, проталкивая Монтейро внутрь штаба. — Карфот уже здесь?

— Давно, — сообщил парень. — Ждет вас, нервничает.

— Понятно, — кивнул бедняк и снова схватил Монтейро за рукав. — Нам на второй этаж. Следуй за мной.

Последней фразы можно было и не говорить, благо особого выбора «лиловый» зингарцу не оставил.

Он протащил Монтейро вверх по узкой каменной лестнице, остановился отдышаться перед проходом, занавешенным драной синей тряпкой, потом затолкнул туда монаха и вошел сам.

Зингарцу подобное обращение особых проблем не доставляло, прежняя апатия в нем только усиливалась. Надо как можно скорее разобраться со стигийцами и их просьбами-требованиями и отправляться к океану, а потом в джунгли.

— Ты в порядке? — голос Карфота оторвал Монтейро от мечтаний.

Он понял, что так и стоял, застыв прямо у двери, уставившись куда-то в пространство. Зингарец тряхнул головой и принялся обозревать комнату. Хотя смотреть особо было не на что, внутренний вид дома вполне соответствовал внешнему. Жить здесь могли только совсем уж опустившиеся нищие. Карфота, впрочем, это особо не смущало. Зеленоглазый Хозяин полулежал на давным-давно оприходованной семейством клопов тахте и попивал какой-то дымящийся напиток. Во взгляде его читалось любопытство, вызванное странным поведением Монтейро.

— Более чем, — кивнул зингарец, пытаясь по ходу найти, куда бы можно было усесться. Единственной зримой кандидатурой на эту роль являлся стул, но клопов, похоже, там было еще больше, чем в тахте, да и ножки выглядели ненадежно. Так что Монтейро решил постоять. Нищий «лиловый» тем временем, подчинившись мановению руки Карфота, покинул комнату. — Благодарю вас за освобождения от проклятья.

— У тебя есть замечательная возможность, — сказал зеленоглазый, — к тому, чтобы приступить к возвращению долга. По правде говоря, я не хотел столь рано тебя беспокоить, хотел дать время пообвыкнуться, но обстоятельства против нас. Я вынужден действовать.

— Я слушаю вас, — Монтейро не желал тратить драгоценные мгновенья на глупые расшаркивания. Стигийцы помогли ему и теперь жела-

ют получить возмездные услуги. Ничего необычного.

Карфот, похоже, так не считал. Он приподнялся на локте и отставил чашку в сторону. Вид у него был самый подозрительный. Монтейро продолжал его удивлять, а человеку его профессии подобное нравиться не может.

— Ты не говорил никому о заключенной сделке? — спросил зеленоглазый маг. — Я ведь всё равно узнаю, так что лучше признайся, тогда получишь еще один шанс.

— Я ни на шаг не отступил от наших договоренностей, — ответил Монтейро. Этот «лиловый» начал его раздражать. — Расскажите лучше, за чем вы меня сюда вызвали.

— Это потерпит, — нервно сказал Карфот. По нему было видно, что ждать-то ему как раз не очень хочется, но профессиональное чутье призывает к бдительности. Монтейро про себя втихую потешался над подозрениями мага. — Ты ведешь себя очень странно, и я желаю выяснить причину этого.

— Все очень просто, — ответил монах. — Теперь я совершенно новый человек, готовый жить и наслаждаться жизнью. Меня больше не мучают кошмары, и я не боюсь, что завтра превращусь в блаженного, снимающего мерки с города.

— Я все это прекрасно понимаю, — отмахнулся зеленоглазый, — и знаю, что ты мне не врешь, заклятье «истинного слова» работает с момента твоего появления, но всё-таки с тобой произошли очень уж разительные перемены. Советую тебе

обратить на это внимание, иначе братья в обители могут заподозрить нечто неладное.

— Они слепы, как новорожденные кутята, — усмехнулся Монтейро.

— Плохо, очень плохо, — заключил Карфот. — Обязательно надо выяснить, что на тебя так подействовало. У меня ощущения, что я разговариваю с другим человеком. Я лично займусь этим... после того, как ты исполнишь для меня одно поручение.

— Вот и замечательно, — порадовался Монтейро. Скоро он сможет уйти отсюда.

— Дело довольно деликатное, — сказал «лиловый», — и запутанное. Мне бы не хотелось поручать его тебе, особенно учитывая твоё нынешнее состояние, но выбора у меня не остается.

— Что я должен буду сделать? — бойко спросил зингарец.

Карфот при этих словах болезненно поморщился. Зеленоглазому магу совсем не нравился нездоровый энтузиазм, проснувшийся в митрианце. Он немного помолчал, взвешивая все «за» и «против» в вопросе поручения Монтейро задания, и всё-таки решился.

— Сегодня утром, — сказал он, — при весьма загадочных обстоятельствах пропал один из моих людей. Опытный, осторожный и очень умный человек. Не хочу посвящать тебя в детали его образа жизни, потому только скажу, что просто так он бы к себе никого не подпустил, поверь мне. Его исчезновение совпало по времени с началом исполнения одного из планов Хозяев, в котором

должны быть задействованы все «лиловые». Признаться честно, я бы предпочел уделить больше внимания не ему, а расследованию обстоятельств, при которых исчез мой подчиненный. А сейчас я вынужден отрядить на решение этого вопроса очень незначительные силы. Тем не менее, нам удалось отыскать место, где скрываются предполагаемые похитители или, что вероятнее, убийцы. Это богатый особняк в центре Сартоса.

— Так в чем проблема? — поинтересовался Монтейро. — У вас же есть полномочия, чтобы провести там обыск. Для чего вам я надобен?

— Ты думаешь, эти люди сначала взяли, — с иронией в голосе произнес Карфот, — и похитили одного из самых опасных «лиловых», между делом перебив всю его охрану, а потом уселись у себя в убежище, сложив лапки на животе в ожидании, когда мы придем за ними?

— Сомневаюсь, — признался Монтейро, но он по-прежнему не понимал, куда ведет зеленоглазый «лиловый».

— И правильно делаешь! — Карфот постепенно перешел на крик. Похоже, у него и впрямь голова раскалывалась от навалившихся проблем. — Мы прочесали особняк сверху донизу. Всё чисто, прямо-таки идеально. Но я склонен верить своему источнику, который указывал на этот дом. Возможно, там имеются тайные помещения или действует заклинание «искажения пространства» высшего порядка. К сожалению, у меня нет сил и времени, чтобы проверить эти версии, поэтому нам придется пойти другим путем.

— Желаете, чтобы я проник внутрь под предлогом проповеди? — предположил Монтейро. Зажиточные жители Сартоса имели обыкновение привечать последователей всех имевшихся в городе культов. В повседневной жизни им приходилось иметь дело с выходцами со всех концов Хайбории, и они предпочитали поддерживать теплые отношения с их небесными покровителями.

— Нет, конечно! — ужаснулся Карфот. — Если мои люди ничего не сумели там обнаружить, тебе и подавно не справиться. Тебе предстоит действовать на своей территории, в обители. Дело в том, что официально дом принадлежит митрианской общине Сартоса, но уже двадцать лет жрецы сдают его в аренду. Нынешний клиент третий по счету. Зовут его Касир Нахмей. По происхождению он замориец, в Сартос прибыл восемь лет назад. Больше о нем ничего не известно, но тебя его личность и не должна волновать, им занимаются другие люди. Твоя задача — добыть все документы на этот особняк со всеми планами и приложениями.

«Лиловый» достал из кармана небольшой кусочек папируса и протянул его Монтейро.

— Здесь записан адрес дома, — пояснил он, — и, на всякий случай, имена всех трех его арендаторов. Где у вас в обители хранят подобного рода документы, я понятия не имею. Тебе самостоятельно предстоит их обнаружить и изъять.

— Я знаю, где их искать, — сказал Монтейро. Отец-настоятель в отношении всего того, что было связано с деньгами, был крайне осторожен и

мнителен. Все важные документы он держал у себя в покоях, бумаги на аренду этого особняка наверняка лежат там же.

— Отлично, — сказал зеленоглазый. Особой радости на его лице заметно не было. Карфот имел все основания предполагать, что уж место хранения документов в митрианской обители молодому монаху точно известно. — Главное, помни об осторожности. Никто не должен видеть тебя. Перепроверь всё десять раз и только тогда действуй, опыта у тебя никакого, так что постарайся компенсировать это внимательностью.

— Мне и самому не улыбается быть пойманным, — согласился Монтейро.

— Если бы я у меня был выбор, — сказал Карфот, — я бы послал за бумагами одного из своих людей. При хорошей подготовке он бы прошел. Куда, кстати, предстоит пробираться?

Зингарец на мгновение задумался. Раскрывать все секреты зеленоглазому он не собирался, но потом вспомнил о завете «истинного слова» и решил, что врать не стоит.

— В покои отца-настоятеля, — ответил он.

— Проклятье! — выругался Карфот. — Ты справишься? Если попадешься, ни мне, ни тебе толку не будет.

«Лиловый» ждал ответа. Монтейро, конечно, мог сказать, что дело ему не по силам. Вот только это было бы явной ложью.

При определенной наглости пробраться к настоятелю проблем не составит, особенно если припомнить зингарские похождения по приле-

гающим к монастырю деревням. Тогда тоже пришлось вволю попрятаться.

— Я достану бумаги, — сказал Монтейро. В конце концов, если он докажет свою полезность, быть может «лиловые» немного обождут с его устранением.

— Хотелось бы верить, — вздохнул зеленоглазый маг. — Когда будет хоть какой-нибудь результат, положительный или отрицательный, найдешь моего человека там же, где он тебя сегодня встретил. Он передаст мне всё, что нужно, или организует встречу. Теперь можешь идти.

— Удачного дня, — пожелал Карфоту Монтейро и покинул комнату.

На лестнице и на первом этаже никого из «лиловых» видно не было. Зингарец только пожал плечами и вышел из готового развалиться сооружения, служившего тайным штабом для слуг Хозяев Побережья.

Желание немедленно отправиться к морю после разговора с Карфотом только усилилось, но Монтейро понимал, что за ним следят, а потому был вынужден идти в сторону обители.

В сознании митрианца алым клубком пульсировала ненависть к стигийцам, что ради мелких проблем отрывают его от познания окружающего мира. Из-за них он будет вынужден пробыть в городе самое меньшее еще три колокола. По дороге в обитель Монтейро развлекался тем, что выдумывал способы казни для Карфота и его прислужников.

Еще зингарца страшно раздражали прохожие

на улицах. Они старательно искали тень, стремясь скрыться от лучей жаркого полуденного солнца. Эти глупцы не понимали, чего себя лишали! Светило в отсутствие моря, джунглей и свежего воздуха было для зингарца единственной отрадой. А они от него прячутся!

Когда Монтейро достиг обители, он был уже вне себя от ярости. Ему испортили такой великолепный день.

Сначала зингарец намеревался напрямик направиться к покоям отца-настоятеля и взять оттуда всё, что нужно, но в последний момент через завесу гнева пробилась мысль о соблюдении предосторожностей. Для начала следовало успокоиться. Приходить в себя Монтейро решил там, где его никто не побеспокоит, в своей келье.

Зингарец закрыл поплотнее дверь, залез с ногами на кровать и прильнул головой к окошку. Так, наблюдая за скольжением облаков по ярко-голубой поверхности небосвода, Монтейро простоял почти полколокола. Созерцание и впрямь способствовало успокоению. К монаху вновь вернулась способность трезво мыслить.

В покои к настоятелю лучше всего было пытаться проникнуть во время обеденной молитвы. В это время все находящиеся в обители монахи собирались в молельне и возносили хвалу Пресветлому. А отец-настоятель иногда, если у него было хорошее настроение, читал проповеди.

Монтейро еще раз глянул на солнце, но уже не ради удовлетворения эстетических потребностей, а чтобы понять, сколько сейчас времени.

Выходило так, что в запасе у него оставалось чуть больше трети колокола. Если поторопиться, то можно успеть отыскать бумаги на заинтересовавший Карфота особняк и ускользнуть незамеченным.

Зингарец бегом направился к покоям настоятеля. Как он и предполагал, по пути ему никого не встретилось. Оставалось решить проблему с замком на двери главы митрианской обители Сартоса. Навыками взломщика Монтейро не владел, и войти без ключа не было никакой возможности, но, по счастью, зингарец догадывался, где его можно искать. В первый день пребывания молодого зингарского монаха на Побережье настоятель затеял с ним долгую душещипательную беседу, завершившуюся ровно на том месте, где стоял сейчас Монтейро. Тогда он обратил внимание на странный жест старика. Настоятель было потянулся к одному из камней в стене, но потом передумал и одернул руку. Спустя некоторое время Монтейро узнал, что настоятель в силу возраста стал невероятно рассеян. Сопоставив эти два факта, зингарец пришел к выводу, что за тем самым камнем находится ниша, в которой старый монах держит запасной ключ от двери.

Сейчас представился шанс это проверить. Если он ошибся, ничего страшного, к старику можно будет и завтра наведаться, запасшись на базаре соответствующим заклятьем. Карфот потерпит, ничего с ним не случится.

Но нет, камень легко подался руке зингарца и повернулся по своей оси, явив взору митрианца

маленький железный ключ. Монтейро вставил его в замочную скважину, сделал два оборота, и дверь в покои отворилась. Замечательно!

В жилище старого монаха странным образом переплетались аскетизм и любовь к удобству. Каких столько кресел, скамеечек, табуреточек, ящичков и столиков здесь не стояло?! Но все эти предметы выглядели, мягко говоря, убого. Создавалось впечатление, что изготавливали их мастера со специально искривленными руками из самых низкокачественных материалов. Потом все это добро два десятка лет пылилось на дальних полках торговых лавок, пока отец-настоятель или, может быть, его порученец не выкупили это и не перенесли сюда.

Зрелище было настолько шокирующее, что Монтейро на несколько мгновений застыл в дверном проходе с широко открытым ртом. Очутившись, обругал себя за впечатлительность и вошел внутрь, закрыв дверь на ключ.

Самым подходящим местом для хранения важных записей, по мнению Монтейро, являлся большой деревянный шкаф со слегка перекосившейся правой створкой. И действительно, внутри нашлось великое множество бумажек, вот только по какому принципу они были сгруппированы, зингарец уловить не сумел. Поддавшись внезапному порыву, он вытряхнул содержимое всех ящичков на пол. Вновь его мысли крутились вокруг неба, солнца и океана. Ему было нужно как можно скорее обнаружить документы на дом, указанный стигийцами, а то, что старый монах

обнаружит разгром и поймет, что в комнате побывал вор, это дело третье.

Зингарец достал из-за пояса папирус с адресом дома и принялся копать в разбросанных на полу записях, надеясь найти среди них идентичные строки. Как назло, ничего похожего и близко не было. Монтейро бесился, скрежетал, зубами, посылал проклятья. Уже проверенные бумаги он начал комкать и отбрасывать в дальний угол комнаты, чтобы они не мешались.

Когда монах готов был послать к Нергалу стигийцев с их дурацкими просьбами и отправиться наконец к морю, в руки ему попали записи о том самом доме. Большого значения этому Монтейро не придавал, он и так был уже готов покинуть комнату, чуть раньше, чуть позже — какая разница. Зингарец поднялся с колен, сунул бумагу за пазуху, и в этот момент дверь отворилась.

В комнату вошел отец-настоятель, вернувшийся из молельни. Округлившимися глазами он обозрел учиненный в покоях беспорядок и его создателя. Монтейро также непонимающе уставился на старого монаха, в его сознание никак не укладывалось то, что его могли поймать.

— Что ты здесь делаешь, сын мой? — промолвил отец-настоятель.

Монтейро понял, что пытаться оправдываться смысла не имеет, преступление его слишком очевидно. Зингарец приблизился к старику, не говоря не слова, схватил его за волосы и начал колотить его лицом о поверхность стены.

Настоятель кричал, извивался, пытался вы-

рваться из рук Монтейро, но силы были явно не равны. Вскоре старик с криков перешел на стоны, потом затихли и они. Но зингарец на звуки внимания не обращал, ему надо было выплеснуть накопившуюся ярость, и до того, жива его жертва или уже нет, ему дела не было. Когда он закончил свою экзекуцию, у отца-настоятеля вместо лица была кровавая маска.

Сожаления или раскаяния зингарец не испытывал, равно как и страха. Он спокойным шагом вышел из комнаты, растолкал собравшуюся на крики настоятеля толпу и двинулся к выходу из обители. Никто так и не попытался его остановить. Мало того, с ним и заговорить не решались. Через несколько мгновений сзади раздались крики. Похоже, монахи решились войти к настоятелю и обнаружили бездыханное тело.

Однако погони не было. Монтейро расхохотался. Ему понравилось убивать, а еще понравилась та беспомощность, что охватила братьев.

Можно было пойти на встречу с утренним нищим и тем самым разделаться с заданием Карфота, но зингарец решил немного повременить с этим. Он заслужил отдых.

Монтейро шел к морю, на лице его застыла дурацкая улыбка. Городской шум и суета больше его не касались, он был полностью отрешен. Ветер играл с волосами зингарца, тепло от солнечных лучей проникало, казалось, прямо внутрь души монаха.

Вот впереди показалась морская гладь. Улыбка Монтейро стала еще шире, потом он наконец

заметил людей вокруг себя, бегающих, спешащих по каким-то своим делам, галдящих. Это зрелище заставило его поморщиться. Он не мог слиться с океаном в такой обстановке, и потому побрел прочь из города в сторону полуночи.

Даже когда Сартос остался далеко позади, Монтейро мерещились голоса его обитателей. Он их ненавидел. Всех. Почему они не оставят его в покое?

Кончик набегающей на берег волны коснулся левой сандалии Монтейро, и монах вмиг забыл все свои неприятности и обиды. Жизнь продолжалась, и она была прекрасна.

Не снимая рясы, монах медленно вошел в океанские воды. Он наслаждался их прохладой и чистотой. Зайдя в воду по пояс, монах положил ладони на поверхность океана и принялся разводить круги вокруг себя. Потом плеснул себе на лицо горсть соленой воды, облизал губы, чтобы почувствовать её вкус.

— Я вернулся, — сказал он сам себе. — Я снова здесь, кончилось ожидание.

Что он имел в виду, Монтейро не понял. Слова эти шли откуда-то из глубины его сознания, они просто не могли быть не произнесены. А смысл не важен.

Останавливаться на достигнутом Монтейро не собирался. Он сделал еще один шаг по направлению к глубине, другой, третий. Зингарец ощущал, что творит таинство, не сравнимое ни с одним из обрядов в обители. Он чувствовал, как вода касается его живота, груди, шеи. Монтейро

погружал в воды великого Западного Океана все свои проблемы и несчастья.

В его душе в этот момент рождалось такое множество слов, живописующих его нынешнее состояние, что он терялся, не в силах выбрать подходящие. Хотелось смеяться в полный голос, но это казалось монаху кощунством, и он сдерживался.

Вода достала зингарцу до подбородка, и он вновь остановился. Затем медленно опустил лицо в воду и держал его там, пока хватало дыхания. Вынырнув, Монтейро раскашлялся, легкие его пронзил неприятный жар, но зингарец был рад и ему. Он тоже был частичкой того, что звалось жизнью.

Монах еще долго стоял по горло в воде с широко раскинутыми руками. Солнце обжигало его мокрое и соленое лицо, а к ногам подбирался холод океанских вод. Монтейро держал глаза закрытыми, полностью отдавшись охватившим его новым ощущениям.

Когда холод стал совсем пронизывающим и распространился на добрую половину туловища, зингарец развернулся и побрел к берегу. Там он отряхнулся, подобно тому, как это делают собаки, и растянулся на горячем от солнца песке. Постепенно холод в телесах зингарца сменялся приятным теплом, идущим из самого центра земли.

Монтейро и сам не заметил того, как заснул.

Снов он не видел, да и пребывал в забытие не особо долго. Но даже за столь короткое время солнце успело припечь голову зингарца, и теперь

в висках появилась несильная, но назойливая боль. Монтейро поморщился и попенял себя за легкомыслие.

После визита к океану сознание Монтейро немного просветлело, появились мысли, затрагивающие иные области жизнедеятельности, помимо необходимости единения с природой. Нет, монаху по-прежнему не было никакого дела до Карфота и его поручений, а тем паче до гибели отца-настоятеля. Просто Монтейро вспомнил свои последние грезы, те, где он блуждал в темноте в поисках огонька. Тогда утром, когда его отвлек «лиловый» нищий, ему практически удалось восстановить картину своих странствий.

Странно, но эта часть его прежнего бытия не вызывала в Монтейро того отвращения, что всё остальное. Эти видения скорее предназначались ему нынешнему, а в прошлое их осколки попали по чистой случайности. Конечно, темнота и огонек имели совершенно другую точку восприятия по отношению к океану, солнцу, небу и прочему, но они являлись положительным элементом, и зингарец не желал от них избавляться. Наоборот, он к ним стремился.

Монтейро присел, обняв колени руками, и попытался вернуться в грезы.

Получилось. Прошлой ночью ему действительно удалось достичь огонька. Вопреки его надеждам лицо, скрывавшееся внутри него, так и не обрело четкости. Станный, но до боли знакомый образ. Монтейро не сомневался, что встретить он его на улице, он бы непременно его узнал.

Этот человек и вправду жаждал как можно скорее встретиться с Монтейро, зингарец практически физически ощущал это его желание.

И он показал ему путь! Монтейро точно помнил, что в огоньке отражались ориентиры, следуя которым, он может найти этого человека. Но куда именно надо было направиться, зингарец не знал. Он чувствовал, что узнает эти знаки только тогда, когда увидит их. То же самое, что и с незнакомцем. Это означало, что придется возвращаться в Сартос, но другого выхода не было.

Плохо.

Монтейро бросил печальный взгляд в сторону набегающих на берег белогривых волн. Захотелось вновь погрузиться в морские воды. С трудом подавив это желание, Монтейро поднялся на ноги и принялся отряхивать от песка успевшую подсохнуть рясу. Головная боль усиливалась.

В Сартос зингарец добрался, уже когда на город опускались сумерки. Монтейро боялся, что из-за подступающей темноты не сможет различить те ориентиры, что явились ему во сне. Но стоило ему ступить на улицы города, как где-то в глубине сознания начало зарождаться ощущение узнавания, не имеющее никакого отношения к зрительным образам.

На реально существующий город словно нахлобился еще один, призрачный, состоящий из той же непонятной субстанции, что и темнота в его грезах. Вот только этот Сартос не был черным, он переливался всеми цветами радуги. Монтейро следовал по дороге из золотых вспы-

шек, сквозь серебро окружающих его строений, минуя красные, синие и зеленые образы спешащих по своим делам людей.

Новый мир захватывал зингарца, притягивал к себе, приказывал, просил, умолял остаться в нем и следовать его знакам, но какая-то часть Монтейро по-прежнему находилась в плену привычной реальности. Зингарцу не доставало сил, чтобы сделать последний шаг, а без этого было никак нельзя. Ориентиры стали исчезать, терять четкость, зов их сделался до невыносимости жалостливым, казалось, они понимали, что теряют Монтейро.

— Смотри под ноги, придурок! — кулак влетел в грудь Монтейро. Зингарец не удержался на ногах и повалился на спину.

Призрачный мир исчез. Краски померкли окончательно. Смотреть на прежнюю реальность было больно, слишком серой она была.

— Ублюдок! — человек толкнувший монаха, теперь пнул его сапогом по печени. — Развелось вас, тварей пустоголовых! Поубивал бы!

Монтейро скрючился от боли. Те ощущения, что сейчас проносились по его нервным окончаниям от печени к мозгу, переплелись с трагедией утраты нового Сартоса, пришедшего к нему из видений.

Постепенно в зингарце просыпалась ушедшая было ненависть ко всему роду людскому.

Монах понял, что хочет убить ударившего его наглеца. Он просто обязан это сделать.

Человек занес ногу, чтобы еще раз врезать по

валявшемуся в пыли монаху. И тут Монтейро взметнулся в прыжке, которому позавидовал бы бывалый акробат, и вцепился обидчику в плечи руками, одновременно хватая зубами кадык.

Мощное движение назад головой, и из шеи незнакомца хлещет поток крови. Но зингарец этого словно не заметил и продолжал рвать зубами глотку врага. Лишь добравшись до позвонка, он остановился.

К этому времени обидчик Монтейро был давно мертв, в глазах его застыл ужас.

Зингарец поднялся с трупа, сплюнул, отряхнулся и огляделся по сторонам. Как ни странно, но на звуки драки никто не сбежался. Улица была пустынна. Единственным объяснением тому было то, что он находился в бедняцком квартале, где народ и не такое повидал и знает, что излишнее любопытство бывает наказуемо.

— Проклятье, — процедил сквозь зубы зингарец.

Всё-таки по сравнению с утренним своим состоянием сейчас он поддерживал, пусть и небольшую, но связь с реальностью. Монтейро понимал, что если и дальше будет направо и налево убивать людей, то его рано или поздно поймут и повесят. Надо обязательно избавляться от приступов ненависти. Зингарец был уверен, что ему хватит сил побороть их, они представлялись ему не более чем побочным эффектом от возрождения. Убеждало его в этом то, что после купания в океане ярости в его душе практически не осталось, а после погружения в призрачный мир она исчезла окончательно.

Этому встречному незнакомцу просто не повезло, что покинул цветную реальность Монтейро именно после столкновения с ним. Теперь он понимал, что на убийство его подвигли не удары, которыми осыпал его мертвец, а потеря связи с миром знаков.

Но это дело прошлое, от того, что он осознал истинные причины произошедшего, Монтейро в данный момент было ни жарко, ни холодно. Предстояло решить, что делать дальше.

Можно было отправиться в джунгли, как он хотел утром, а можно было попытаться совершить еще одно путешествие в призрачный мир. Второй вариант казался Монтейро более заманчивым. Зингарец понимал жизненную необходимость следования знакам, а посещение джунглей было всего лишь капризом, который может и подождать.

Монтейро закрыл глаза и попытался вообразить краски призрачного мира, в первую очередь серебряные и золотые, составлявшие суть души самого города, а не людей, его населявших. Но сколько зингарец ни старался, ничего не выходило. Видения, если и возникали, то через мгновения блекли. Иногда Монтейро казалось, что они не более чем игра воображения, стремившегося угодить желаниям зингарца.

Тогда к митрианцу пришло окончательное понимание того, что он еще не готов. Он осознал это уже тогда, когда знаки начали оплакивать его скорый уход из их мира, просто принять этот факт сумел только сейчас.

— Я вернусь, — сказал он сам себе. — Обязательно вернусь.

И он даже знал, что нужно для этого. Он должен снова погрузиться в грезу, пройти сквозь темноту к свету огонька. Сон укажет ему путь.

Оставалось решить, куда отправиться на ночевку. В обитель возвращаться было глупо. Братья наверняка решили, что в него вселился демон, и даже если его не поволокут сразу на обряд очищения, то поспать не дадут точно. А может статься, просто добавят яду ему в питье, чтоб ни проблем, ни разговоров.

Внезапно Монтейро пришла в голову одна интересная идея. Можно было наведаться в тот дом, где его сегодня принимал Карфот. Штаб у «лиловых» там, скорее всего, организован был временный, и сейчас здание покинуто. Там его искать никто не подумает, особенно учитывая то, что судя по внешнему виду дом вот-вот развалиться.

Зингарец осмотрел окружающие строения, пытаясь отыскать среди них знакомые, и несказанно удивился тому, что стоит на том же самом месте, где они утром с нищим «лиловым» встретили митриан. Значит, до означенного дома совсем рукой подать.

Следовать утренней дорогой Монтейро не хотелось, всё-таки жили в его душе подозрения, что «лиловые» могли оставить дозорного у своего прежнего укрытия. Боковыми улочками Монтейро пробрался к задней стороне дома.

Остановился. Прислушался.

Вроде бы было тихо, никаких звуков изнутри не доносилось. Однако митрианец решил не рисковать. Вспомнив молодость и походы к сельским девушкам, Монтейро плюнул на руки и полез по стене на второй этаж. Забраться наверх труда никакого не составляло, кладке дома, наверное, было лет сто, не меньше. Монтейро поднялся практически как по лестнице.

Прильнув к стене головой, Монтейро через оконный проем принялся осматривать часть комнаты. На первый взгляд, пусто. Но помимо того, что просто было темно, так еще и большую часть комнаты укрывала стена. В конце концов, Монтейро мысленно махнул на всё рукой и, не таясь, залез в окно.

Дом был пуст. Ничто не говорило о том, что совсем недавно здесь располагался штаб «лиловых», даже слой пыли был глубоким, многомесячным. Похоже, стигийцы постарались, заматаив следы. На всякий случай Монтейро обошел весь дом сверху донизу, проверил засов на двери.

После всего этого монах поднялся в комнату, где встречался с Карфотом, и, расположившись на клоповом обиталище, прогрузился в сон.

Глава 3

О следах и знаках

Время уже перевалило за полночь. «Вестрел» мерно покачивался на волнах и вообще хранил внешнее благополучие. Корабль за последнее время успели знатно подлатать, благо два дня назад на деньги Конана и Сигурда закупили достаточно дерева, гвоздей и парусины.

Никто бы не заподозрил, что сие благоденствие несколько не соответствует царящим среди матросов «Вестрела» настроениям. Эти бравые ребята, прошедшие со своим капитаном сквозь огонь, воду и прочую дрянь, насылаемую на них колдунами, на большую мозоль которых пираты умудрялись наступать, сейчас были совершенно потеряны, не понимали, что происходит, и не знали, что предпринять.

Сначала боцмана неизвестный маг обратил в беспородного вислоухого кобеля, потом капитан

и его первый помощник, решившие вызволить товарища из плена, ввязались в какую-то непонятную и опасную историю. Во всяком случае, такой вывод можно было сделать из того, что и один, и другой непрерывно перемещались из города на корабль и обратно, и лица при этом у них были одновременно встревоженные и заинтересованные.

Пытаться разговорить капитана на предмет того, что с ним и Сигурдом творится, представлялось занятием совершенно бесплодным. Конан старался поддерживать субординацию и посвящать команду в дела, которые её не касаются, ни за что бы не стал. Оставался Сигурд. Рыжеволосый первый помощник среди пиратов слыл своим парнем и от разговоров, даже самых неприятных, предпочитал не увливать.

Вот и сейчас ваниру налили огромных размеров рог вина, усадили за стол и стали расспрашивать о том, что они с капитаном задумали. Но Сигурд, вопреки обыкновению, к разговорам расположен не был, и даже вино не помогало развязать ему язык. А когда вопросы команды стали звучать совсем уж настойчиво, первый помощник сослался на больную голову и отправился к себе в каюту.

Сигурду было немного стыдно за своё поведение. Ребята, конечно же, имели право знать хотя бы часть правды, но что он может им рассказать, если сам по всем еще не разобрался. Оставалось слишком много вопросов.

Сначала Сигурд решил немного поразмыш-

лять на той головоломкой, что представляли из себя последние события на Побережье, но тут и впрямь в висках застучало. Думать стало невозможно. Ванир взял со стены укрепленную там флягу с ромом, сделал пару глотков, повесил на место.

«Может, и в самом деле поспать немного, — подумал ванир. — Отдохнуть не повредит, а Конан раньше четвертого-пятого колокола точно не объявится».

Ванир повалился на бок, сбил поудобнее подушку и закрыл глаза. В этот момент раздался стук в дверь.

Сигурд обругал себя за то, что не велел команде его не беспокоить.

— Входите!

Дверь отворилась, на пороге показался Грув.

— Это я, первый помощник, — сказал седой пират. — Можно?

— Усаживайся, — Сигурд указал рукой на стул, затем перевел и своё тело из лежачего положения в сидячее. — Дверь только поплотнее закрой. Дует.

В последних словах ванира звучал неприкрытый сарказм. Сигурд почти не сомневался, что сейчас рядом с каютой увивается пара ушастых и не в меру любопытных матросов.

— Не дует, — отозвался Грув. — Я позаботился.

— Даже так, — ухмыльнулся ванир. — Интересно. Значит, ты у нас вроде официального посла?

— Команда волнуется, — доверительно сообщил седой матрос.

Сигурд развернулся, снял со стены флягу, отвинтил крышку и протянул Груву. Пират сначала понюхал, потом приложился. Фыркнул, улыбнулся, вернул флягу Сигурду.

— Хорош ром, — вынес вердикт Грув.

— Я больше люблю вино, — сказал Сигурд. — И пиво, но на полдне хорошего не варят.

— Ром тоже штука вкусная, — поспорил седой пират.

— Мне Конан однажды рассказывал, — переменял тему рыжеволосый первый помощник, — что ты у нас не с бухты-барахты, а из тайной службы выходец. Умный, стало быть.

Грув неприязненно поморщился.

— То дела прошлые, — сказал он.

— Я и смотрю, прошлые, — заявил Сигурд. — Раньше-то ром, наверное, не особо пользовал. При твоём занятии этого никак было нельзя, а то все секреты выболтаешь. А сейчас вот хлещешь да нахваливаешь, потому что у тебя всех соображений — за снастями приглядывать. Здесь навык необходим, а головой думать не обязательно.

— Понимаю, к чему ведете, — признался Грув. — Хотите сказать, что, мол, дела не нашего разума творятся.

— Именно, — сказал Сигурд. — Вот, как увидишь, что мы с Конаном ромом по самое не могу заправляемся и песни похабные орем, тогда и ходи к нам с посольством.

— По морде дадите, — высказал предположение седой пират. — Да и не припомню, чтобы вы перед выходом в море надирались.

— Я же это, иносказательно, — уточнил ванир. — Нам пьянствовать много нельзя, иначе распуститесь, а то еще и бунт поднимите.

Сигурду вспомнилось, как Конан жаловался, как ему не хватает прежней вольной жизни, когда он ни за кого не отвечал. Есть, конечно, такие капитаны, которым на команду плевать, но Сигурд крепко помнил каждого матроса, погибшего вследствие его недомыслия. Конан — тоже, ванир был поспорить готов.

— Придет время, — сказал ванир, — всё узнаете. Мы же всё как лучше сделать стараемся, и, помнится, удача нам до сих пор благоволила.

— Разумные речи ведете, — признал Грув, — вот только думаю, лучше бы вам рассказать всё, как есть. Ребята нервничают, боятся, как бы на нас Хозяева не разгневались. Вы не подумайте, Зелтрана бросать никто не собирается, но всё одно страшно и непонятно совсем. Перебросились бы парой слов с командой, глядишь, приободрили бы.

— О чем мне говорить, — закричал на моряка Сигурд, — если я сам ничего не понимаю?!

Той части правды, которые знал сам ванир, матросам лучше было не знать. Всюду опасность, и неизвестно откуда ждать помощи. Союзники такие, что враги лапочками казаться начинают.

— Соврите что-нибудь, — предложил Грув.

— Сколько лет уже не конфидент, — отмахнулся Сигурд, — а привычки те же! Иди отсюда. Я подумаю.

— Спасибо вам, — сказал Грув, поднимаясь со стула.

— Дверь закрой! — крикнул ему вслед первый помощник, хотя необходимости в этом и не было.

Сигурд сидел и мрачно смотрел на своё отражение в зеркале, пляшущее в свете фонаря. Ему не нравилась та настойчивость, которую проявляла команда в вопросе поисков правды. Пираты постепенно теряли веру и в него, и в киммерийца. Это было, мягко говоря, странно. Случалось и не в такие переделки попадать, команда «Вестрела» стойко встречала все невзгоды, с гордо поднятой головой.

Ванир видел в происходящем последствия пребывания в Сартосе безумного духа. По словам Коратцо, люди, долго находящиеся поблизости от него, порой начинали творить совсем несусветные вещи. Вспомнить хотя бы шемитов, отдавших пиратским капитанам заказ на транспортировку пшеницы. Конечно, они потом образумились, но это можно было списать на то, что дух покинул Сартос. Коратцо считал такой вариант весьма вероятным, но не сомневался в том, что безумец возвратится в город.

И вот, похоже, этот момент настал. Не думал ванир, что среди пострадавших окажется их с киммерийцем команда. Но раз оно так получилось, необходимо было что-то предпринимать.

— Может, глупости это всё? — спросил у своего отражения ванир. — Выдумываю не пойми что, ребят просто любопытство замучило.

Тут в дверь снова постучали.

Сигурд только собрался велеть стукачу проваливать куда подальше, как внутрь каюты про-

скользнул матрос. Это был аквилонец Рикки. Ванир аж поморщился, и даже не от проявления наглости, а от сочетания визитеров. Рикки и Грув, те двое, чьими личинами пользовались убийцы в Бирафире.

— Чего тебе?! — осведомился ванир. — Почему без приглашенияходишь?!

— Команда вас уже заждалась, — ухмыльнулся Рикки. — Мы желаем знать правду!

— Пошел вон, пока не прибил! — крикнул ванир и потянулся к кинжалу.

Аквилонца как ветром сдуло.

Выходило так, что визит безумного духа в Сартос — не глупости и не выдумки. С командой и впрямь творилось что-то необычное. Но вроде часть разума они еще сохранили, а, значит, и к словам прислушаться смогут.

Вертелась где-то на задворках сознания ванира еще одна мысль, которой он никак не желал дать воли. Сигурд не понимал, почему безумие не затронуло его и киммерийца. А если затронуло? Ничего необычного ванир не ощущал, но кто знает, как оно происходит. Ну, допустим, он нормальный, сказалось постоянное пребывание вблизи от Коратцо, а Конана что защитит? Ох, и неприятный же расклад выходил...

Но дальше медлить было нельзя. Раз команда ждет, то ни к чему заставлять её томиться.

Ванир вышел на палубу, огляделся по сторонам. Никого. Пожав плечами, первый помощник направился в столовые помещения. Что-то подсказывало Сигурду, что все именно там.

И в самом деле, людей внутри набилось, как сельдей в бочке. Длины лавок на всех не хватило, и многие стояли, но для Сигурда местечко схоронили. Хорошее, во главе стола, вернее, столов.

— Грув, налей мне воды, — попросил ванир седого пирата. — У меня в горле что-то пересохло.

На самом деле из телесных недугов в данный момент Сигурда донимала исключительно усилившаяся головная боль, но первый помощник решил, что для пущего эффекта следует выдержать паузу. Он сюда пришел не оправдываться, а говорить. Если пиратам его речи интересны, они могут подождать, пока он пьет воду.

— Пожалуйста, — протянул Грув кружку первому помощнику.

Ванир сделал только несколько глотков, вода была неприятная, теплая.

— Гадость какая, — сказал он. — Не мог принести чего получше... Ладно, ребята, вам интересно какого Нергала здесь творится. Я расскажу вам.

— Мы слушаем, — заявил Рикки. Он стоял неподалеку от ванира.

— Тот шторм, в который мы попали, — начал свой рассказ Сигурд. Что именно он будет говорить, первый-помощник не знал и просто импровизировал, — как легко догадаться, возник не сам по себе. Мерзость эта на поверку оказалась вполне себе рукотворной. Его вызвали Хозяева, чтобы не дать одному из кораблей достигнуть берега.

Сигурд взял паузу, кто-то обязательно не выдержит.

— Какому кораблю, первый помощник? — самым нетерпеливым, к великому удивлению ванира, оказался Грув. Впрочем, что странного, если команда попала под влияние безумного духа.

— Кофийскому, — ответил Сигурд помощнику Зелтрана. — Маги этой страны откопали на одном из островов Западного Океана сосуд, в который был заключен могущественный джинн. Они собирались использовать эту тварь в войне против Черного Круга, но стигийцы, прознавшие об их плане, нанесли упреждающей удар. Но что-то у них не вышло, корабль кофийский они потопили, а вот джинн неведомым образом освободился и помчался к тому месту, откуда исходило заклятье шторма. К Сартосу. Это существо затаило злобу на стигийцев, решивших ни за что лишить его жизни, и принялось одного за другим убивать Хозяев и наводнять город блуждающими заклятьями. От одного из них и пострадал Зелтран. Сидеть и смотреть на творящиеся зверства маги, разумеется, не могли, но сами они против этого джинна оказались бессильны. Почему, я и сам не разобрался, но это точнее точного — вреда этой твари от них никакого не будет. Вот они и организовали для начала ту лавочку, где сто золотых обещают. Но это исключительно для поисков джинна, а вот для отправления в бездну они выбрали вполне конкретного человека, а точнее, двух человек.

Снова пауза.

— Кого? — вопрос задали сразу чуть ли не пять моряков.

— Вас с капитаном? — Предположение сие взросло в головах матросов еще через несколько мгновений. И озвучило его порядка десятка человек.

— Да, — подтвердил версию Сигурд. — А Зел-трана они держат в заложниках, чтобы мы не сбежали, не исполнив работы.

— Вы им верите? — спросил Грув. По глазам седого пирата было видно, что он поверил Сигурду, несмотря на то, что сам не столь давно предлагал ему рассказать сказку.

— Настолько, насколько можно вообще верить магам, — ответил ванир. — Они клялись Сетом, а это что-то, да значит. Бог-Змей, как известно, чаще других в людские дела суется да и простой трепотни не любит. К тому же, что толку им нас обманывать? Денег мы с них не так много запросили, не разорятся, а ссориться с нашей командой — дело накладное. Так ведь?

— Так! — дружным хором взревели все собравшиеся пираты.

— А теперь все разошлись! — рявкнул первый помощник капитана. — Дел мало?! Спросите Грува, он подыщет вам, чем себя занять! И еще, того, кто побеспокоит меня этой ночью, лично на рее повешу.

Последнее предложение Сигурд произнес нарочито тихим голосом, чтобы ни у кого не возникло подозрений, что он просто в приступе ярости покричать решил.

Не дожидаясь, пока пираты разбредутся, ванир отправился к себе в каюту. Головная боль стала почти невыносимой. Если он не поспит хотя бы три колокола, можно будет самому на рее лезть.

Но некоторое время Сигурд всё-таки к себе сон не подпускал, прислушивался к тому, что происходит на палубе. Судя по звукам, жизнь вернулась в привычное русло, сказка подействовала. Но до полной победы над аурой безумца было еще далеко. Сигурд решил непременно узнать у Коратцо, есть ли какой способ оградить команду от влияния духа.

Наконец ванир уверился, что больше ничего не произойдет, и попытался заснуть. Получилось не сразу, донимала проклятая боль в висках. Примерно полколокола Сигурд ворочался с боку на бок, пытаясь отыскать положение, в котором молотки в его голове будут стучать не так сильно. Но в итоге усталость поборола боль, и первый помощник капитана погрузился в сон.

Выспаться, однако, толком не удалось. Ванир то и дело просыпался, блуждая где-то на границе между сном и реальностью. Несколько раз он пытался встать, но так и не решался. В результате, когда на пятый колокол появился Конан, Сигурд был совершенно вымотан и плохо соображал с недосыпу. Одна радость — голова прошла.

Киммериец вошел в каюту тихо, без стука и чуть было не получил от ванира стулом по голове. В последний момент Сигурд разглядел, что визитер никто иной как капитан.

— Хорошо встречаешь, — поприветствовал первого помощника Конан.

— Стучаться надо, — проворчал ванир и зажег лампу. — Как сходил?

— Нормально, — сказал киммериец, усаживаясь на стул, чуть было не превратившийся в оружие в руках Сигурда. — Заказанную безделушку отыскал без труда. Единственное, пришлось прирезать двух стражников, но тут иного выхода не было.

— К Нергалу стражников и безделушки! — ванир непонимающе смотрел на капитана. Конан нес какую-то чушь. — Где Зелтран?! Тебе удалось его отыскать?

— Нет, — покачал головой киммериец. — На это не хватило времени.

— Ты что с дуба рухнул, медведь киммерийский?! — заорал на Конана Сигурд. Лишь многолетняя дружба помешала ваниру наброситься на капитана с кулаками. — На какую-то дребедень магическую у тебя, значит, время нашлось, а Зелтрана вызволить было некогда?! Какого демона там произошло?!

— Не кричи на меня, — очень тихо и зло сказал Конан.

— Объясняйся, — потребовал Сигурд. Его выводило из себя не то, что Конан потерпел неудачу, а то, насколько спокойно он к этому отнесся.

— Ситуация сложилась так, — сказал Конан, — что после посещения сокровищницы мне пришлось срочно уносить ноги.

— У вас же с тем вором был план, — настаи-

вал Сигурд. — Ты же клялся, что сделаешь всё, чтобы Зелтрана вызволить, а на деле даже не попытался.

— Я не самоубийца! — теперь уже киммериец перешел на крик. — Стража подняла тревогу. Если бы я попытался проникнуть в комнату, где держат Зелтрана, ничего бы не добился, только проявил бы свои истинные цели. А так у меня будет еще один шанс.

Сигурд смотрел на капитана и не узнавал его, он разговаривал с совершенно другим человеком. Так и есть, влияние безумного духа распространилось и на киммерийца.

— Ты понимаешь, какую чушь ты несешь? — спросил ванир. — После твоего сегодняшнего визита к Хозяевам к поместью будет не подступиться, охрану, самое меньшее, удесятят.

— Я пройду, не беспокойся, — уверенно сказал Конан. — Зелтран вернется на корабль.

Сигурд достаточно хорошо знал киммерийца, чтобы понимать, что тот не врет. Капитан искренне верил во всё, что говорил, и считал, что поступил правильно и разумно, сбежав из поместья.

— Конан, пойдем к Коратцо, — предложил ванир. В знак того, что прогулку надо совершить прямо сейчас, Сигурд поднялся с кровати, подошел Конану и положил тому руку на плечо. — Он сильный маг, если не больше. Он тебе поможет.

— С чего ты решил, будто бы мне нужна помощь? — спросил киммериец, разворачиваясь к

своему первому помощнику. В глазах у него застыл страх, смешанный с гневом. Страшное выражение. — Я в полном порядке.

— В тебе зарождается безумие, — постарался как можно спокойнее произнести Сигурд. — Вся наша команда попала под влияние одного из духов. Я не знаю, что делать, а Коратцо должен знать. Пошли к нему.

— У меня есть более срочные дела, — твердо заявил Конан. — Я собираюсь спасти Зелтрана.

— Нергал тебя возьми! — закричал на друга Сигурд. Слова не действовали на Конана. — Если ты уж решил лезть к Хозяевам еще раз, то хоть согласуй свои действия с Коратцо. В поместье спрятался один из тех духов, и зингарец собирается нанести ему визит. Вместе у вас будет больше шансов.

— Он не должен этого делать! — теперь голос киммерийца звучал по-настоящему испуганно.

Безумие, охватившее Конана, похоже, в разы превосходило то, что распространилось среди команды. Реакции киммерийца стали совершенно непредсказуемыми. Дальше медлить было нельзя.

Сигурд без размаха, зато хорошенько вложившись, ударил киммерийца в челюсть. Конан, не ожидавший подвоха, увернуться не успел и отправился в полет на пол каюты. Сознание киммериец не потерял, но способность руководить своими действиями утратил. Ванир наклонился над ним, расстегнул рубаху киммерийца и вытащил из-за пазухи карты поместья. Добровольно Конан с ними ни за что не расстался бы.

— Что это ты делаешь? — проговорил Конан, пытаясь сфокусировать взгляд на первом помощнике.

Вместо ответа Сигурд еще раз врезал капитану по челюсти. На этот раз тому сознания сохранить не удалось.

— Извини, Конан, — тихо сказал Сигурд, покидая каюту.

Стоявшим на палубе матросам ванир сказал, что Конан остался у него и просил его пока не беспокоить. Пираты только закивали головами.

Ванир не сильно беспокоился за разум киммерийца. Случай с шемитами показал, что влияние духа на мысли людей отнюдь не вечно. Стоит безумцу покинуть город, а лучше того скопытиться, как капитан и вся команда вернутся в нормальное состояние. И тогда можно будет спокойно объяснить Конану, что планы поместья ему, Сигурду, в тот момент были нужнее.

Если не начать действовать этой ночью, вполне может статься, что засевший среди Хозяев дух решит использовать Зелтрана для поисков братьев или составления заклятий против них. Тем более что в Сартос вернулся околдовавший боцмана безумец.

Конечно, если получится, то было бы неплохо раздобыть для киммерийца амулет, защищающий от влияния духов, если таковые водятся у Коратцо, или он их может сотворить. Конан в своем нормальном состоянии стал бы очень полезным союзником в борьбе с духами. Но если ничего из затеи с оберегом не выйдет, то страш-

ного мало. Сигурд не сомневался, что даже нынешний не совсем адекватный Конан в обиду себя не даст. Главное, чтобы он по глупости не помешал их с зингарцем охоте.

Солнце только-только поднималось над Сартосом, и улицы городка прохожими не изобиловали. Сигурд со всем тщанием вглядывался в лица каждого встречного, стараясь уловить там отголоски безумия, охватившего матросов. Ничего путного из этой затеи не вышло. Команду свою первый помощник капитана знал уже много лет, а людей этих первый раз в жизни видел и понять, что с ними не так, был не в состоянии.

«Зато хоть время убил», — подумал он подходя к дому Бродо-оружейника, в котором гнездились Коратцо, Черс и Тара.

Ванир на удачу дернул дверь дома. Закрыто. Вдобавок еще и заклеено каким-нибудь для надежности запечатано. Значит, придется будить.

— Черс! Открывай! — взвопил первый помощник. Звать следовало именно бывшего юнгу, он рано вставать приученный и командам подчиняться привык. Не то, что Коратцо и Тара.

Выучка у парня оказалась превосходной. Ни ждать, ни повторять призыва Сигурду не пришлось. Дверь отворилась, и из-за неё показалась заспанная физиономия Черса.

— Что так рано? — поинтересовался он, пропуская ванира внутрь.

— Меня с корабля выгнали, — почти не соврал ванир.

— Что, правда? — удивился Черс.

— Почти, — зевнул Сигурд, присаживаясь за стол, на котором мерзли остатки вчерашнего ужина. Ванир взял с блюда с овощами морковку и начал и её грызть.

— Угощайся, — сказал Черс, — а я спать пойду.

— Не, я так не согласен, — возразил ванир, похрустывая корнеплодом. — Давай, лучше буди остальных. У нас дел сегодня много.

— Ладно, — кивнул юнга, — хоть не мне одному страдать.

Черс сладко зевнул и пошел на второй этаж.

Криков и мольбы дать еще поспать слышно не было, доносилось лишь деловитое шевеление. Всё-таки серьезные люди Коратцо с Тарой, профессионалы.

Первой вниз спустилась девушка, уже умытая и с расчесанными волосами, кивнула Сигурду и присела за стол. Пробежав по еде глазами, она остановила свой выбор на большом зеленом яблоке. На мясное что-то никого не тянуло.

Почти сразу вниз за Тарой сбежал Черс, следом появился Коратцо в своей неизменной белой рубаше с золотым шитьем.

— Что произошло, Сигурд? — спросил зингарец. — Я не ждал тебя так рано.

— Команда «Вестрела» начала сходить с ума, — сказал ванир. — Думаю, безумный дух вернулся в Сартос.

— Плохо, — недовольно поморщился Коратцо. — Я надеялся, что он лишит нас своего общества на более длительный период. Что с твоими парнями произошло?

— Ничего серьезного, — ответил Сигурд. — Просто стали вести себя несколько странно. Я сначала испугался, что они бунт могут поднять, но потом поговорил с ними, и всё успокоилось.

— Ненадолго, — разочаровал первого помощника Коратцо. — Первые три дня люди обычно находят силы противиться безумцу, некоторым, правда, перепадает столь сильно, что у них, как у тех шемитов, планка серьезно крениться начинает. А вот начиная с четвертого дня сохранивших разум почти не останется. И будет их безумие выражаться не в простом выражении недовольства, а чем-нибудь более серьезном.

— Боюсь, уже сейчас у нас есть такая жертва, — с недовольством произнес Сигурд. — Конан. Капитан от Хозяев вернулся совершенно другим человеком.

— Я только собирался тебя о нем спросить, — сказал Коратцо. — Но боюсь, что ты ошибся. На такого человека, как Конан, влияние духа распространиться не может. Из того, что ты рассказывал о нем, следует, что у твоего капитана воля крепче стали. С такими если что и случиться, то не раньше четвертого дня. В первую очередь теряют контроль над разумом люди серые, ни чем не примечательные.

— Но я всё своими глазами видел, — возразил Сигурд.

— Поверь, исключений быть не может, — покачал головой Коратцо. — До такого человека, как Конан, духу не добраться. Относительного этого пресловутого влияния, по-моему, вообще

имеет место быть не некий магический процесс, а изменения в веществах, образующих телесную оболочку.

— Все ж люди одинаковые! — удивился Черс. — Две руки, две ноги, голова, туловище, ну еще что-нибудь, смотря как повезло.

— Это только на первый взгляд, — ответила ему Тара. — На самом деле всё куда сложнее, даже кровь у разных людей разная. В Черном Круге многие маги полагают, что, изучив, какие процессы протекают внутри человеческого тела, можно будет более рационально применять существующие заклятья и даже разработать новые. Вполне может быть так, что люди, обладающее большей волей или разумом, имеют отличное от остальных строение сердца, печени, поджелудочной железы или даже мозга.

Коратцо, Черс и Сигурд слушали девушку, не в силах произнести ни слова.

Ванира в дрожь бросало, когда он представлял, какими именно методами стигийские маги изучают строение сердца, печени и поджелудочной железы.

— Так или иначе, с Конаном случилось что-то другое, — развивать тему изысканий Черного Круга Коратцо не пожелал.

— Может, его маги околдовали? — предположил Черс.

— Разумно, — кивнул Коратцо.

— Возможно, — Сигурду не очень хотелось верить, что Конан попал под власть Хозяев или заставшего в поместье духа.

— Что именно с ним произошло? — спросила у ванира Тара.

— Вел он себя странно, глупости говорил, — скупно отозвался Сигурд, но потом всё-таки решил дополнить ответ. — Зелтрана даже не попытался спасти, утверждал, что еще раз к Хозяевам полезет, к Коратцо идти отказывался.

— Мог его дух из поместья подчинить? — спросил Черс зингарца.

— Легко, — ответил Коратцо. — Но он бы это делать не стал, испугался бы, что Конан по случайности наведет братьев на его убежище. Если бы киммериец попался в руки духа, тот бы прикончил его, не раздумывая. Скорее всего, капитан пал жертвой одного из Хозяев. Если это и в самом деле так, то думаю, что сумею помочь.

— Тогда тебе придется отправиться со мной на корабль, — сказал Сигурд. — Конан сюда не пойдет.

— Обойдемся и без моего присутствия, — подмигнул ваниру Коратцо. — Если киммериец столь сильно не желает меня видеть, возможно, в наложенном на него заклятье имеется какой-нибудь эффект, заточенный на мою персону или другого сильного мага. Ни к чему устраивать эксперименты. Лучше будет соорудить амулет, который ты, Сигурд, задействуешь на Конана.

— Это безопасно? — спросил ванир. Он бы предпочел, чтобы Коратцо лично осмотрел киммерийца.

— Вполне, — твердо сказал зингарец. — Если сейчас займусь его созданием, то к обеду закончу

работу. Наверное, лучше всего будет использовать какой-нибудь клинок. Один легкий укол, и киммериец в порядке. Согласен?

— Да, делай, — ответил Сигурд. — После того, что произошло сегодня утром, Конан вряд ли позволит мне одеть ему на шею бусы или кулон какой.

— Так что у вас там случилось? — встрепнулся Черс, вспомнивший слова Сигурда о том, что его выгнали с корабля.

— Я не очень хорошо обошелся с капитаном, — признался ванир. — Он бы не отдал мне планы поместья Хозяев, и мне пришлось его приложить.

— Ого! — воскликнул Черс. Он отлично знал, что такое поднять руку на капитана корабля. — На «Вестрел» тебе лучше не возвращаться. Если хочешь, я могу попытаться Конана амулетом расколдовать, меня он не видел и подозревать навряд ли станет.

— Я сам, — отмахнулся Сигурд, хотя за предложение был благодарен. — Он мой друг, и это моя обязанность.

— Как знаешь, — пожал плечами Черс.

Коратцо и Тара, судя по хмурым лицам, придерживались того мнения, что киммерийцу лучше послать Черса.

— Я уже всё решил, — еще раз сказал Сигурд и полез в сумку за планами поместья.

Зингарец было потянулся к ним, но потом одернул себя.

— Потом посмотрю, — объяснил он. — Не хо-

чу, чтобы лишние мысли в голове крутились, пока амулет создавать буду. Всё равно еще вся вторая половина дня в запасе. В поместье если полезем, то ночью, за несколько колоколов до полуночи.

— Почему? — поинтересовался Сигурд. Он не был против означенного времени визита, просто было непонятно, чем обоснован сей выбор.

— В полночь магия этого духа особенно сильна, — сообщил Коратцо. — Вполне может так сложиться, что он затеет этой ночью какое-нибудь сильное заклятье, и лезть в гости лучше тогда, когда он будет целиком поглощен подготовкой к ворожбе.

— Хорошо бы расколдовать киммерийца, — сказала Тара. — Без него туда соваться в любое время смертельно опасно. Неизвестно, насколько сильно Конан расшевелил это гнездо.

— С магией Хозяев я справлюсь, — заявил Коратцо. — А если всё-таки капитан находится под властью духа, то амулет на него просто не подействует. Вреда он ему точно не причинит.

— А сейчас что делать будем? — спросил окончательно уже проснувшийся Черс. В начале беседы он безбожно зевал.

— Завтракать! — безапелляционно ответила Тара. — На голодный желудок дела не делают. Да и времени у нас в запасе полно, полгорода еще преспокойно спит в своих кроватях. К ним ваниры на пятый колокол не заявляются!

Сигурд виновато улыбнулся.

— Черс, пошли поможешь мне с готовкой! —

сказала белокурая воительница и ушла на кухню, увлекая за собой юнгу.

Коратцо и Сигурд остались вдвоем. Зингарец подмигнул первому помощнику и достал из-под стола бутылку розового аргосского. Сигурд хмыкнул, вспомнив ту лекцию, что он прочитал Груву. Вот так он сейчас будет противоречить своим словам.

— Всё будет нормально, — уверил колеблющегося ванира Коратцо. — Я хмель потом заклятьем прогоню.

Так, пока воительница и юнга корпели над приготовлением завтрака, Сигурд и Коратцо наслаждались вином, утренней тишиной и остатками сыра на столе. Ванир время от времени еще сгрызал то морковку, то яблоко, вещи, с вином сочетающиеся слабо. Зингарец в такие мгновения смотрел на него с нескрываемым любопытством, словно на диковинную зверушку.

— Полезно, — оправдывался Сигурд.

Коратцо только ухмылялся и передавал ваниру бутыл. Бокалами себя они не утруждали.

Тара вернулась с кухни буквально через мгновение после того, как зингарец исполнил обещание и освободил сознание ванира и себя от винных паров. Пустую бутылку он просто растворил в воздухе.

Взгляд, брошенный воительницей на Сигурда с Коратцо, был неодобрительный. Тара нутром чувствовала, что они здесь развлекались, пока она и Черс занимались готовкой. А то, что следов никаких нет, это еще ничего не значит.

— Вкусно пахнет, — сообщил о своих ощущениях Сигурд, глядя на кусочки обжаренного мяса в ананасовом соусе, блюдо с которыми Тара расположила на столе.

— А то! — хмыкнула воительница. — Нас в Луксуре готовке обучали, чтобы знали, куда какой яд лучше добавлять.

— Ничего там нет, — авторитетно сообщил Сигурду Коратцо. — Опасного для жизни, во всяком случае.

Тем временем в комнате появился Черс с лепешками, свежими фруктами и напитками. Судя по всему, соками.

Трапезничали молча, лишь изредка Сигурд с Коратцо вставляли комплименты кулинарным способностям Тары. Воительница благодарно кивала головой, но, похоже, от подозрений, что в её отсутствие эти двое здесь чем-то не тем занимались, не отказывалась.

А еда и в самом деле была замечательная, причем Сигурду понравилось не столько мясо, сколько лепешки. Свежие, мягкие, с хрустящей корочкой, в редкой таверне подавали такие. На овощи и фрукты ванир также налегал, в основном, в силу старой привычки. Все выходцы из Ванахейма, попавшие в теплые края, по первости истинными деликатесами почитали именно фрукты, что не росли в их суровых краях. Некоторые потом возвращались к рыбно-мясной диете, а некоторые, подобно Сигурду, оставались любителями ананасов и фиг.

Позавтракав, стали решать, кто чем займется.

— Черс пусть отправляется в «Сто золотых», — предложил Коратцо. — Конечно, прошло уже много времени, и шансов, что духи позволят пиратам себя обнаружить, практически нет, но и отбрасывать этот вариант не стоит.

— Я согласен, — сказал юнга. — Моряки могут рассказать что-нибудь интересное о зарождающемся в городе безумстве. Не думаю, что пострадал только «Вестрел».

— С тобой разобрались, — отрезюмировал Коратцо. — Со мной в общем-то тоже всё ясно. Я сижу здесь до обеда и готовлю амулет для киммерийца.

— А мы пройдемся по излюбленным местам «моего» духа, — сказала Тара, заработала удивленный взгляд ванира и поспешила объяснить. — Противник он, несмотря ни на что, очень опасный, и на охоту отправляться лучше вдвоем. А тебе, рыжий, до обеда всё равно делать нечего, а так хоть пользу приносить будешь.

— Убедила, — хмыкнул Сигурд. — Коратцо, на нашем оружии сохранились заклятья?

— Да, пока тебе не попадетсЯ какая-нибудь магическая тварь, — ответил зингарец, — эффект никуда не пропадет. Ножики Тары я, кстати, уже заколдовал.

— Вот так, рыжий! — довольно сказала Тара. — Давай, поднимайся! Нечего рассиживаться, раз все роли уже распределили.

Коратцо и Черс рассмеялись, глядя на то, как девица командует здоровенным ваниром.

Сигурд махнул им рукой и пожелал удачи

Вслед за Тарой он покинул дом.

— Куда отправимся? — спросил у своей прекрасной спутницы ванир.

— В бедняцкие кварталы, — сказала девушка, уже следуя в озвученном направлении. — Там есть пара мест, куда наш дух особенно сильно любил наведываться. Будем надеяться, что он не изменил своим привычкам.

Сигурд чувствовал себя очень неудобно. Сопровождать Тару ему совсем не хотелось. Им предстояло вернуться во времена, когда воительница не была хозяйкой своего тела. Ванир догадывался, через какую грязь пришлось пройти девушке, и понимал, что удовольствия от того, что он узнает все подробности её приключений, Тара не получит. Но, похоже, наемная убийца столь сильно ненавидела духа, что была готова пойти даже на такое унижение, лишь бы прикончить тварь.

— Не хмурься, рыжий! — сказала девушка, когда молчание стало совсем невыносимым. — И не такое приходилось сносить! Я же не княжна какая-нибудь.

— Мы обязательно его убьем, — пообещал Таре Сигурд.

— Договорись, — улыбнулась девушка. Но только улыбка у неё получилась грустная.

— Не просишь права первого удара? — по-доброму поинтересовался Сигурд.

— Зачем мне тебя о чем-то просить, рыжий?! — хмыкнула Тара. — Думаешь, ты сумеешь опередить меня? Не выйдет. Во-первых, ты слиш-

ком неповоротливый. Во-вторых, ты не знаешь его повадок.

— Ну, так расскажи мне, — попросил ванир.

Они уже успели миновать значительную часть ремесленного района и сейчас приближались к обиталищам нищих жителей Сартоса. Встречные прохожие выглядели, как обычно, никаких признаков безумия. Вот только «лиловых» на улицах было непривычно много. Вид у них был злой и загнанный.

Мимолетом ванир бросал взгляды в сторону своей спутницы. Держалась девушка хорошо, да и вообще симпатичная она. Сигурду показалось, что он постепенно в неё влюбляется.

— Он дилетант, — сказала Тара, — и это приговор. Ни одна, даже самая умелая оболочка, ему не поможет. Он видит угрозу там, где её нет, а по-настоящему опасные вещи не замечает. Считает, что охотиться за ним могут исключительно сильные маги или его братья. Еще он игнорировал возможность использования против него лука или арбалета, потому тем двоим и удалость застать его врасплох, хоть они и были магами. Близо к нему они ни за что бы не подошли. Нам же это удастся без труда, и тогда главное — не промедлить.

— Он может узнать тебя, — заметил ванир.

— Здесь направо, — указала девушка на узкую боковую улочку. — Естественно, он узнает меня, если увидит. Это неизбежный риск. Зато и я различу его, в чьем бы теле он ни находился.

— Стигийский опыт? — спросил Сигурд.

— Приходилось принимать заказы, — ответила Тара, — на людей, способных менять личины. Я изучала их манеру говорить, двигаться, держать себя и, когда наставал заветный момент, никогда не ошибалась.

— Уверена? — хмыкнул ванир.

— Не до конца, — то ли в шутку, то ли всерьез ответила воительница.

В квартале, в который завела их Тара, было исключительно многолюдно. По улицам носились чумазные дети в непонятных лохмотьях вперемишку с бродячими псами. Из домов доносились крики и ругань, причем местные женщины влегкую перекрикивали мужчин.

— Где-то здесь, — сказала Тара. — Он наведывался во многие дома, но имелся у него один любимый.

Сигурд только пожал плечами.

Пытаться помочь было бессмысленно, для ванира все местные строения были на одно лицо и различал он их лишь по тональности исходивших из них криков.

— Вот этот! — указала Тара на один из домов. Отличительных признаков он вообще не имел. — Держись за мной, говорить буду я.

— Хорошо, — согласился Сигурд.

Стучаться воительница не стала, просто толкнула оставленную открытой дверь и вошла внутрь. Сигурд последовал за ней. Если на улице стояло такое благоухание, что Нергалу плохо бы сделалось, то внутри дышать оказалось практически невозможно. Ванир тут же зашелся в приступе

кашля. Тара остановилась, дожидаясь, пока он придет в себя. Наконец Сигурд немного свыкся с атмосферой и махнул рукой Таре, чтобы она продолжала путь в недра этой преисподней.

Страшно подумать, но дух, должно быть, получал удовольствие от царившей здесь обстановки. Похоже, безумец среди них не один.

Все внутреннее пространство в доме было поделено на неравные части свисавшими с потолка засаленными тряпками, к которым и прикасаться было противно. Сигурд и Тара продвинулись вперед на два таких участка и вправо на четыре, в некоторых из них находились люди, другие были пусты. Тот, в котором путешествие завершилось, оказался заполненным по завязку. На небольшой площади, два с половиной шага на полтора, умещалось двое женщин, трое детей и один мужчина.

При виде Тары женщины принялись стаскивать с себя платья, мужчина потянулся к завязке на штанах, дети замерли, словно ожидая команды.

— Я не за этим, — сказала Тара.

Раздеваться обитатели дома прекратили. Сигурд возблагодарил за это Имира: От одного вида лиц этих людей, несших на себе следы большей части известных человечеству заболеваний, ванира подташнивало. Что бы с ним стало, увидь он их тела, первый помощник предпочитал не думать.

— Мне нужно поговорить, — продолжала воительница. — Скажите мне, была ли я у вас вчера днем или этой ночью.

— Нет, но мы тебя ждали, — ответил мужчина. — Ты даришь нам радость, ты не отвергаешь нашу плоть.

К Сигурду подполз один из детей, ванир не решался определить его пол, и принялся карабкаться вверх по ноге. Первый помощник попытался его стряхнуть, но ничего не получалось. Ребенок улыбался беззубым ртом и тянул вверх свои ручонки.

— Оставь его! — приказала Тара.

Дите послушалось и отпустило Сигурда, напоследок показав ему язык.

— Если я вернусь, — сказала воительница прокаженным, — не говорите мне о моем визите, это испортит удовольствие.

— Как скажите, — сказали женщины.

Тара развернулась, взяла Сигурда за руку и потащила к выходу. Оказавшись на улице, они прислонилась спиной к стене одного из домов и присела на корточки. Сигурд же просто стоял и пытался наполнить легкие чистым воздухом. Потом подошел к Таре, уселся рядом с ней и попытался заглянуть девушке в глаза.

— Молчи, рыжий, — очень тихо сказала она. — Умоляю тебя, Сигурд, молчи. Не говори ни слова.

Ванир покачал головой, взял руки девушки в свои и стал ждать. Главное, чтобы Тара не приняла его действия за проявление жалости. Этого чувства воительница по отношению к себе не потерпела бы. Но Тара, похоже, поняла всё правильно.

— Всё в порядке, — сказала она, поднимаясь. — Здесь его не было.

— Куда дальше? — спросил Сигурд. В том, что девушка решится продолжить поиски, он не сомневался.

— Тут неподалеку, — ответила Тара. — Живет один.

От дальнейших расспросов Сигурд воздержался.

Тара вела ванира меж убогих строений бедняцкого квартала. Сигурд про себя охарактеризовал их, как гниющие. Обитатели этих мест давным-давно перестали быть людьми. Конечно, вины их в этом не было, жизнь вынудила их к этому, разрушив разум и, главное, сломав дух. Сигурд не мог смотреть на них без содрогания.

— Гадко здесь, — сказал он.

— Я тоже так считаю, рыжий, — согласилась Тара. — А духу нравилось захаживать в это место. Мне кажется, он не видел разницы между нами и этими существами. Слишком высоко он стоит над людьми.

— Ничего, скоро он узнает, — сказал ванир, — что некоторые представители рода человеческого чего-то да стоят.

— Не строй иллюзий, — охладила воительница пыл первого помощника. — У него куда больше шансов выйти победителем из схватки.

— Я знаю, — ответил Сигурд. — Но предпочитаю надеяться, что нам удастся одержать верх. В бой идти надо с гордо поднятой головой.

— Красиво болтаешь, — улыбнулась Тара.

Постепенно народу на улицах становилось все

меньше. Несмотря на обилие пустующего жилья в этом районе, люди предпочитали селиться кучно.

«Сбиваются в стаи», — невольно пришла на ум ваниру аналогия.

А вот собак заметно поприбавилось, здесь они могли не бояться, что их изловят и пустят на приготовление жаркого или на бульон. На Сигурда и Тару псы косились и даже пару раз тявкали, но напасть не пытались, хотя ванир не сомневался, что эти оголодавшие твари способны на такое.

В нескольких кварталах позади густонаселенных районов царилла если не гробовая тишина, то нечто очень её напоминающее. А вот в тех местах, по которым сейчас проходили ванир и воительница, слух путешественников тревожили довольно странные звуки. Завывания ветра перемежались с человеческим пением и перестуком камней, могущим иметь как естественное, так и искусственное происхождения.

Для своих развлечений, по мнению Сигурда, дух умудрялся отыскивать самые препоганые места. Сначала помойка, теперь пустырь, в котором по непонятной причине душа начинает трепетать, словно у загнанного зайца. Ваниру хотелось ворваться в первый попавшийся дом, отыскать там проклятого певца и свернуть гаду шею. Может быть, он бы и осуществил первую часть задуманного, если бы не страх, что внутри он никого не встретит.

Расспросить Тару об этом месте первый помощник тоже никак не мог решиться. Ему каза-

лось, что стоит ему заговорить, как его голос вольтется в безумную симфонию, и тогда случится что-то страшное. Воительница тоже хранила молчание и не изъявляла желания переброситься парой слов, просто молча указывала дорогу.

Остановилась она перед крепким на вид двухэтажным домом из серого камня. Как и в прошлый раз, стучаться она не стала. Внутри дома составляющие звуков немного изменились в пропорциях. Стук камней и вой ветра стали не столь отчетливо слышны, а вот пение обрело силу, правда, различить слова по-прежнему не получалось.

Сигурд думал, что Тара последует на второй этаж, в гости к неведомому обладателю голоса, однако воительница прошла в одну из комнат на первом. Дверные проемы и здесь были огорожены тряпками. Тара резким движением отодвинула ткань и проскользнула внутрь комнаты, Сигурд в точности повторил её маневр. Со стороны эта картина, наверное, выглядела забавно.

Но парень, обитавший в комнате, заходиться в приступах хохота не спешил. На его невероятно бледном лице блуждала странная потусторонняя улыбка, но вряд ли она имела хоть какое-то отношение к визиту гостей.

— Я давно тебя не видел, — сказал парень Таре, поднимаясь со стула, на котором он сидел.

Движения его были неторопливыми и до возможности плавными.

Когда парень оказался на ногах, Сигурд смог различить, насколько тот худ и высок. Руки, но-

ги и шея хозяина комнаты даже при его росте казались чрезмерно длинными.

— И когда же мы с тобой в последний раз встречались? — спросила воительница.

Парень медленно подплыл к ней, перебирая руками и ногами так, словно отталкивался от воды. Пальцы правой его руки коснулись подбородка девушки и плавно опустились сначала по шее, потом по груди.

— Сегодня ты не похожа на себя, — сказал он, целуя Тару в щеку. Воительница не шевелилась. Сигурд тоже не вмешивался, хотя был наготове. — Не знаю, нравится мне это или нет.

Губы парня скользнули к губам Тары, и двое слились в невероятно плавном и тягучем поцелуе. Потом обитатель комнаты стал неспешно оседать на пол. Из живота его торчал один из ножей Тары. Падал он, словно тонул, и губами пытался поймать воздух. При всем при этом он не издал ни звука.

Странное и пугающее зрелище. Сигурд не подходил в себе сил отвернуться, гибель длинноногого существа завораживала.

— Пошли, — сказала Тара.

От звука её голоса Сигурд пробудился. Воительница уже шла прочь из комнаты, и ванир устремился за ней, не желая оставаться ни на мгновение в одной помещении с этим трупом.

На второй этаж Тара так и не поднялась.

Сигурду не суждено было увидеть загадочного певца, хотя особо сильно ванир к этому не стремился.

— Зря мы сюда пришли, — произнесла Тара, оказавшись на улице. — Он бы всё равно ничего не сказал.

Сигурд в очередной раз промолчал. Но уже не потому, что боялся ранить Тару. Ванир просто не желал знать, что за существо отправила на Серые Равнины воительница, слишком уж странным был тот парень.

— До обеда есть время сходить еще в одно место, — сказала Тара, глядя на солнце. Увидев, какую рожу скорчил Сигурд, поспешила добавить. — На этот раз не в бедняцком районе, в ремесленном.

— Пошли тогда отсюда побыстрее, — предложил ванир.

— Не любишь музыку? — съязвила Тара.

— Такую нет, — серьезно ответил Сигурд. — Песни должны быть быстрыми, веселыми и про войну.

— А про любовь? — уточнила предпочтения ванира воительница.

— Можно и про любовь, — согласился Сигурд.

Настроение у ванира немного улучшилось. Он был рад, что Тара спокойно относится к периоду своей жизни, проведенному под властью духа. Если она и переживала что-то, то держала это в себе и на окружающих не выплескивала. В компании с этой белокурой воительницей Сигурд чувствовал себя на удивление легко и непринужденно. Всё чаще мысли ванира крутились не вокруг охоты за духом, а устремлялись к образу его прекрасной спутницы.

По-настоящему за свою жизнь Сигурд любил лишь дважды, интрижки с портовыми шлюхами не в счет.

Первый раз это произошло, когда он только-только начал выходить в море, ему еще не было и четырнадцати зим. Тогда, в один прекрасный день, он неожиданно понял, что думать способен лишь о дочке конунга, рыжеволосой голубоглазой красавице. На празднике летнего солнцестояния юный Сигурд отыскал её меж других девиц и увлек за собой на берег моря, где и признался ей в своих чувствах. И они, как выяснилось, были взаимными. Но счастью их не суждено было длиться долго, уже в начале зимы девушку выдали замуж за сына одного из соседних вождей. Сигурд до сих пор клял себя за то, что не набрался смелости и не выкрал девушку, и не сбежал вместе с ней из Ванахейма. Пять зим тому назад первый помощник капитана «Вестрела» гостевал в том племени, где его несостоявшаяся невеста стала женой вождя. Видел он и свою первую любовь. Она превратилась в величественную и степенную правительницу, неустанно бдящую за благополучием мужа, детей и прочего населения деревни. В ней не осталось ничего от той бойкой, ясноглазой девушки, с которой Сигурд был готов отправиться на край света.

Во второй раз ванир влюбился уже в более зрелом возрасте. До помощника капитана он еще не поднялся, но моряком был уважаемым и рубакой слыл знатным. Возвращаясь из набега по Черным Королевствам, их корабль столкнулся в

океане с потрепанным зингарским военным фрегатом. Глядя на то, в каком состоянии находится эта посудина, капитан дал приказ взять её на абордаж. Следует отдать должное зингарцу, билась его команда отчаянно и дорого продала свои жизни. Среди прочих сокровищ, обнаруженных на фрегате, присутствовало трое симпатичных зингарских дворянок. Кто-то сразу предложил пустить их под нож, мол, женщина на корабле к несчастью, но капитан воспротивился этому кровопролитию. За сих высокородных дам он надеялся получить в Кордаве выкуп от их родственников. Может быть, всё у него и получилось бы, будь девицы чуть страшнее на лицо и фигуру, но всё трое, как назло, оказались писаными красавицами. Уже на третий день моряки ходили сами не свои от одолевающего их желаний, разговоры о том, что девиц можно и между собой «поделить», стали вестись чуть ли не в открытую. Сигурд тоже не находил себе места, но отнюдь не из-за желания покувыркаться с зингарками. Напротив, он хотел, чтобы с ними ничего такого не произошло, по крайней мере, с одной. Чем она ему приглянулась, Сигурд и сейчас бы не смог объяснить. Каштановые волосы, карие глаза, правильные черты лица, аккуратненькая фигурка, но если задуматься, то ничего особенного, а ему она в тот момент казалась самой прекрасной женщиной Хайбории. И когда, в конце концов, вспыхнул бунт, ванир вместе с капитаном, первым помощником и боцманом встал на защиту пленниц. Сражались они тогда яростно, отправив

на Серые Равнины множество бунтовщиков. Первым от сабли матроса пал капитан, потом первый помощник.

Тогда боцман, оставив Сигурда одного защищать подступы к каюте, отправился к пленникам и тремя короткими ударами меча оборвал нити их жизней. Еще какое-то время они вдвоем сдерживали матросню, потом почти одновременно Сигурд получил саблей в живот, а боцмана ранили в шею. Добивать ванира бунтовщики не стали, почитая за своего. Они решили, что Сигурда околдовала одна из пленниц, заставив поднять руку на своих товарищей. Порой ванир думал, что оно и в самом деле так было.

Третий дом, который предстояло посетить Сигурду и Таре, находился поблизости от того, где жил Бродо, ныне переехавший в подвал. Ничего общего с двумя предыдущими лачугами это красивое красное здание не имело. Даже в ремесленном районе сей домик смотрелся несколько неуместно из-за своей чрезмерной вычурности. Миниатюрные балкончики, декоративные завиточки и рюшечки на фасаде — все это вкупе с цветом рождало ощущение кисельности.

Внутри такой прелести Сигурд ожидал увидеть что угодно, кроме того, что оказалось там в реальности.

Стоило Таре и ваниру переступить порог, как на них обрушился безумный гам, порожденный, казалось, сотнями голосов. По помещениям ходили, бежали и медленно перемещались десятки людей с синими бородами и темными глазами. В

руках у каждого все непременно находился какой-нибудь папирус, хранимый хозяином, как зеница ока.

— Шемская торговая контора? — то ли спросил, то ли проконстатировал Сигурд.

— Угу, она самая, — сказала Тара, пробираясь сквозь плотный поток шемитов.

— Чего он здесь-то забыл? — удивился Сигурд.

— Тебе в подробностях? — ядовито уточнила воительница.

— Прости, не надо отвечать, — извинился ванир. — Не смог сдержаться.

— Ну, как знаешь, — усмехнулась Тара.

В комнату, избранную белокурой воительницей в качестве конечной цели, стояла длинная очередь переругивавшихся меж собой шемитов. Тара прошла меж них, как нож сквозь масла, никто не посмел преградить ей путь. Сигурд только и успел, что пристроиться за наймиткой из Черного Круга, пока толпа шемитов не поглотила и не затянула его в свои воды. Этих торгашей не смутили бы ни мускулы, ни вооружение ванира. Сигурд не представлял, чего такого сумел сотворить дух-любовник, что к его оболочке эти жадные лишь до денег люди стали испытывать такое благоволение.

— Здравствуй, моя дорогая, — обратился к Таре толстый шемит в дорогом шитом золотом наряде, восседающий за столом у окна. Своему собеседнику он жестом велел оставить его, и тот немедленно покинул пределы комнаты. — Чем я

обязан твоему визиту? Мы же планировали встречу на завтра...

— Я решила немного разнообразить наши вечера, — сказала воительница и, покачивая бедрами, приблизилась к шемиту, — и потому придумала кое-что новенькое.

— Это связано с тем северянином, что ты привела? — спросил купец. — Я ничего не имею против твоих замыслов, они всегда великолепны, но всё-таки мне не хотелось бы допускать к нашим играм человека не шемитских кровей. Молодой человек, у вас ведь мать не шемитка?

— Тише, тише, — проговорила Тара и приложила свой палец к губам купца. — Мой спутник не имеет никакого отношения к моим замыслам. Он моя игрушка исключительно на сегодня.

— Дорогая, прости мою горячность, — повинился купец. — Но ты же знаешь все эти предрассудки, я бы, может, и понял, но многие наверняка бы воспротивились.

— Я нашла бы способ их переубедить, — сказала воительница, присаживаясь к шемиту на колени. Сигурд признался сам себе, что начинает испытывать легкую ревность. — Можешь не сомневаться, мой котенок.

Купец обнял Тару за талию и попытался поцеловать её, но воительница со смешком его отстранила.

— Не сейчас, — сказала она. — Завтра. Я отдаю тебе главную роль в нашем представлении.

Шемит вздрогнул, в глазах его вспыхнули искорки страха.

Тара звонко рассмеялась при виде такой реакции на свои слова.

— Не беспокойся, глупый, — обратилась она к купцу. — Я не собираюсь тебя убивать, для этого предостаточно тех людей, что отбирают твои люди. Стоит заметить, в последнее время у них появился вкус. Но то, что я приготовила для тебя, и в самом деле связано со смертью. Тебе предстоит убить меня. Я уже очень давно не испытывала ничего подобного, пришла пора исправить это упущение.

— Но ты потом вернешься к нам? — спросил купец. Сигурд понял, что этот человек осведомлен о сверхъестественных возможностях духа, некогда обитавшего в теле Тары. Это облегчало задачу. Задуманный воительницей трюк имел шансы на успех.

— Конечно же! — сказала Тара и снова рассмеялась. Получилось это у неё вполне естественно. — Но помни, если не хочешь испортить мне удовольствие, ты должен действовать очень аккуратно.

Купец был весь внимания. Тара сняла с пояса один из обработанных Коратцо кинжалов и протянула его шемиту.

— Возьми его, — сказала воительница. — Именно им ты должен будешь нанести мне удар. Выбери то мгновение, когда я меньше всего буду этого ожидать. Смерть должна быть внезапной. Ты понял меня, котенок?

— Да, дорогая, — ответил шемит и вновь попытался поцеловать Тару.

— Ну, и замечательно, — пролепетала воительница и соскочила с коленок купца. — Завтра мы сполна насладимся друг другом, а пока можешь продолжать заниматься своими скучными делами.

— Я буду весь в ожидании, — пообещал купец удаляющейся Таре.

Сигурд приоткрыл перед воительницей дверь. Тара сделала шаг через порог и замерла, будто что-то забыла.

— Еще одно, — сказала она, обернувшись к купцу. — Завтра я буду в другом теле. В каком, пока не знаю.

— Хорошо, дорогая, — улыбнулся купец.

Тара послала ему воздушный поцелуй и вышла в коридор. Сигурд, не теряя времени, последовал за ней, памятуя о стене шемитов по ту сторону двери.

Оказавшись на улице, Сигурд еще раз окинул взглядом дом, из которого только что вышел. И чем-то ему эта красотилина с балкончиками и рюшечками приглянулась?! Разве что низкой платой за сдачу в наем. В этом случае синебородые могли потерпеть все прелести фасада.

— Мерзкая шайка, — сказала Тара ваниру, когда они отошли чуть подальше. — Надо будет непременно сдать их властям, если живы останемся. Они и без духа такие непотребства творили, что плохо делалось, а теперь вообще границ не стало. Столько жизней ни за что, ни про что загубили.

— Им по силам прикончить нашего подопеч-

ного? — спросил Сигурд, не желая вдаваться в подробности шемитских злодеяний.

— Думаешь, я бы просто так стала унижаться? — губы Тары скривились в нехорошей ухмылке. — На руках у этого толстяка не меньше двух десятков трупов, так что опыта ему не занимать, и момент нужный он сумеет точно выбрать. Оружие тоже не проблема, его на этих собраниях предостаточно. Не думаю, что дух обратит внимание на один маленький ножичек. Главное, чтобы эта тварь завтра туда пришла. Честно говоря, я в это не сильно верю, но это местечко он любил, и кто знает...

— И много таких ловушек, — поинтересовался Сигурд, — ты планируешь расставить?

— Нет, это была первая и последняя, — ответила воительница. — В других местах на благополучный исход надеяться затруднительно, так что лучше вообще не рисковать и не наводить его на наш след.

— Слова не женщины, а наемного убийцы, — улыбнулся первый помощник капитана «Вестрела».

— Одно другому не мешает, рыжий, — отшутилась в ответ Тара. — Пошли лучше к Коратцо, он уже должен был закончить с лекарством для Конана.

— А мы куда идем? — задал риторический вопрос Сигурд, различивший вдалеке дом Бродо.

За сию колкость ванир получил локтем под ребра, правда, несильно.

Время уже и впрямь перевалило за полдень, и охотник за духами, должно быть, начинает нерв-

ничать из-за того, что они с Тарой задерживаются. Сигурд рефлекторно прибавил шаг. Рыжеволосый моряк страшно не любил опаздывать, в первую очередь, потому что это дурно влияло на команду корабля, на котором он провел все свои последние годы и который любил всей душой. Стоит допустить офицеру одну промашку, как матросы сразу же сделают три. А вот в юности Сигурд был страшно недисциплинированным, и иногда на берегу этот порок в нем просыпался. Ванир всячески с ним боролся.

За десяток шагов от дома перед путниками откуда-то из узкого проулка меж домами вынырнула громадная черноволосая собака. Грязная скомканная шерсть, оскаленная пасть, безумный взгляд. Выждав мгновение, пес ринулся на Тару. Воительница каким-то чудом успела увернуться и по пути полоснуть собаку ножом. Сигурд набросился на приземлившуюся тварь с мечом. Один удар, и пес отправился к праотцам.

— Вот, зараза! — выругалась Тара, глядя на поверженное песье тело.

Сигурд только хотел сказать, что здесь наверняка не обошлось без безумного духа, но сделать ему это не дали.

— Вы такой молодец, юноша, — сказала Сигурду подошедшая к месту драки пожилая женщина. Впрочем, не она одна заинтересовалась произошедшим, вокруг собралась приличная по дневным меркам толпа. — Я слышала, за сегодня это уже четвертый случай, когда собаки на людей бросаются. На базаре такая тварь шестерых

загрызла прежде, чем её из арбалета подстрелили, а ведь там полным-полно вооруженных до зубов людей. Представляю, какой бы здесь она шорох учинила.

— Чистая правда, — подтвердил слова старушки аккуратно одетый кофиец. — Всех бы нас перегрызла.

— Над городом проклятье, — твердо заявил пьяный стигиец средних лет. — Хозяева прогневали Сета, и он решил нас покарать.

— Помолчал бы лучше! — попрекнул его другой горожанин.

— Сам свой язык придержи! — отозвался пьянчужка и схватил оппонента за рубаху.

— Убери свои руки от него! — вступился за обиженного горожанина товарищ.

Чем закончится эта перепалка, Сигурд решил не выяснять. Благодарности он получил, и делать здесь было больше ровным счетом нечего. Ванир взял Тару за руку и начал просачиваться сквозь толпу.

Наемная убийца, глядя на обозленных горожан, только качала головой. Сигурд понимал её чувства. В городе появилось по-настоящему опасное существо, поступки которого вдобавок было совершенно невозможно предсказать. Но тем не менее именно им следовало заняться в первую очередь, иначе через три дня в городе не останется ни одного нормального человека.

Дверь дома Бродо Тара по вновь образовавшейся привычке попыталась открыть простым толчком, но та не поддавалась. Пришлось стучать-

ся. Выходить на встречу им, однако, никто не спешил.

— Проклятье! — ругнулась Тара. — Где его демоны носят?!

— Здесь я, — отозвался Коратцо, наконец отворивший дверь. — И незачем так кричать, у меня после волшбы голова раскалывается.

— Мог бы высунуться и посмотреть, что под окнами происходит, — посоветовала Тара, проходя внутрь дома. Сигурд на вопросительный взгляд Коратцо лишь многозначительно пожал плечами. — Глядишь, легче бы стало.

— Город продолжает сходить с ума, — сказал Сигурд усаживаясь за стол. Прямо перед ним оказался кувшин с вином, и ванир не отказал себе в удовольствии к нему приложиться. — Люди стали какие-то страшно озлобленные. Собаки боятся, одна только что на нас напала.

— На меня! — поправила ванира Тара и отобрала у него кувшин.

— Значит, он и впрямь вернулся, — вздохнул Коратцо. Похоже, зингарец всё-таки надеялся, что Сигурд ошибся, и волнения команды «Вестрела» никак не связаны с появлением в городе духа. — Животные очень чутко реагируют на его присутствие.

— Великолепно! — вскинула руки Тара. — Этих тварей в городе Сет знает сколько. Скоро улицы превратятся в одну огромную скотобойню, и еще неизвестно, чьих на ней трупов окажется больше.

— Не будет ничего такого, — отмахнулся Ко-

ратцо. — К вечеру псы либо сбегут прочь из Сартоса, либо забьются в самые дальние уголки. Безумный дух будит в них не агрессию, а страх. Нападают на людей самые безмозглые собаки, сознание которых не выдерживает свалившейся на него нагрузки.

— Может, расскажешь, — язвительно поинтересовалась у зингарца Тара, — чего нам еще от этого духа ожидать? Какие он нам сюрпризы заготовил?

— И правда, — принял сторону воительницы Сигурд, — мог бы предупредить заранее о собаках...

— Забыл я о них, — покаялся Коратцо. — Не придавал значения. Но больше, вроде бы, ничего такого нет. Наоборот, скоро люди начнут понемногу успокаиваться, правда, завтра вечером всё завертится с новой силой.

— Как-то ты спокойно обо всем этом говоришь, — заметила Тара.

— Всё просто, — пожал плечами зингарец. — За те сутки с небольшим, что остались у нас в запасе, дух тысячу раз успеет обнаружить себя. И тогда мы его убьем... или он убьет нас. Так что волноваться совершенно не о чем. Лучше, пока есть время, заняться его братьями. Вы удалось обнаружить следы любовника?

Адресовал вопрос Коратцо к Сигурду, но ванир сделал вид, что не заметил этого, и принялся грызть грушу, только что взятую им со стола. Пусть Тара решает, что сообщить зингарцу.

— В тех домах, что мы посетили, — ответила

воительница, — он не появлялся. Что-то мне подсказывает, что и в остальных местах результат окажется тем же. Его действия всё-таки отличались определенной последовательностью. Если уж он решил расстаться с одной частью своих старых обиталищ, то эта участь постигнет и другую. На всякий случай, я соорудила для него ловушку, но надежды на неё мало.

— Не похоже на него, — сказал Коратцо. — Ему нравилось выжимать из людей все соки и лишь тогда отправляться на поиски новых развлечений.

— Я знаю, о чем ты, — хмуро ответила Тара. — Здесь не тот случай. Эти игрушки еще очень даже целые.

Сигурд нахмурился. Он не мог себе представить, что такого выделяет с людьми дух-любовник, что их после этого можно списывать со счетов.

— Он вызывает у меня всё больше и больше опасений, — сказал зингарец. — Слишком уж он необычно себя ведет. С чего он вдруг взял да и изменил своим привычкам?! У него плоть всегда превалировала над разумом.

— Любовник мог вступить в сговор с кем-то из братьев? — спросил Коратцо Сигурд.

Охотник за духами на краткое мгновение призадумался.

— Вряд ли, они слишком его презирают, — сказал зингарец. — Но есть одно существо, с которым он мог договориться или, что еще хуже, попасть под его влияние.

— А ты говоришь, нет сюрпризов?! — усмехнулась Тара. — Такими темпами к вечеру мы узнаем, что имена наших противников — Митра, Сет, Эрлик и Нергал.

— Тара, успокойся, — попросил воительницу Сигурд.

Белокурая убийца развернулась к ваниру, приготовившись излить на него поток желчи, но в последний момент осеклась. Льдинки в глазах Тары начали медленно таять.

— Прости, я сама не своя, — сказала она Сигурду.

Коратцо только покачал головой.

— Это существо, — продолжил зингарец, — духи считают кем-то вроде своего отца. На самом деле это могущественный маг, впервые призвавший их из Камня, в котором они родились. Он мертв, но призрак его обитает в сознании каждого духа. Я даже не допускал вероятность того, что он как-то сумеет себя проявить, но, видимо, он нашел способ.

— Ты не рассказывал мне о нем, — сказал Сигурд. — Я думал, что духи были исконными обитателями нашего мира, а оказывается, имеется маг, некогда извлекший их из небытия. Не стоило умалчивать о таком противнике, в каком бы состоянии он не пребывал.

— Ты прав, — согласился Коратцо. — Но это всё равно ничто бы не изменило.

— Зато сейчас, когда он обрел власть над любовником, — сказала Тара, — из потенциального врага он превратился во вполне реального, и не-

плохо бы нам было услышать все подробности его жизни.

— А лучше, всю историю пребывания духов в Хайбории, — добавил Конан.

— Согласен, — дал ответ зингарец. — Что будет непонятно, спрашивайте.

И Коротцо начал повесть о маге, решившем покорить весь мир, и о четырех его сыновьях. Сигурд услышанному не сильно удивлялся, капитан по пьяни и не такое заворачивал, а часть его рассказов, как ванир достоверно знал, была чистейшей правдой. Безумный маг, четыре духа, стотысячные армии. Интересно, конечно, но не настолько, чтобы сидеть, открыв рот.

Вот Сигурд и не ловил ворон, а постоянно задавал вопросы, что да как, постепенно к нему в этом занятии присоединилась и Тара. Коротцо, следует заметить, от ответов не уходил.

Выходило так, что все его недомолвки и впрямь злого умысла в себе не несли. Сигурд на месте охотника за духами вел бы себя точно так же. Зачем пугать товарищей рассказами о древнем и могучем маге, который ныне не более, чем сгусток мыслей в сознании сыновей? Однако ж, оказалось, он всё-таки сумел неведомым образом возродиться.

— Занятно, — сказал Сигурд, когда зингарец завершил свой рассказ. — Я вот только не понимаю, где сейчас тот дух, что армиями верховодил?

— Затаился, — ответил Коротцо. — Он будет ждать до последнего, зато и разить будет наверняка. Самый опасный из наших противников.

— Я с ним согласна, Сигурд, — приняла сторону зингарца Тара. — Он получил тогда очень хороший урок и напролом больше не полезет, так что с его поисками можно повременить.

— Хорошо, если так, — сказал ванир.

— Давайте стратегическим планированием займемся потом, — предложил Коротцо. — Сигурд, ты, кажется, собирался расколдовывать Конана. Я приготовил амулет.

Зингарец встал и направился в маленькую комнату, расположенную справа от двери. Там как-то сама по себе организовалась магическая мастерская. Ни Сигурд, ни Черс, ни тем более Тара старались туда носу не совать. Вот и сейчас ванир терпеливо дожидался возвращения зингарского мага.

Впрочем, ждать ему долго не пришлось. Коротцо вышел из мастерской спустя несколько мгновений. В руках у него был самый обыкновенный метательный нож. Вид у зингарца при этом был очень самодовольный.

— Замечательная получилась штука, — сообщил он Сигурду. — Разрушит человеческое заклинание любой мощности. А если там сработал один из духов, то магические свойства кинжала просто не проявятся. На всякий случай наложил на него еще один эффект. Амулет настроен исключительно на Конана. На планах поместья Хозяев сохранился след души киммерийца, им я и воспользовался для составления заклятья. Теперь, лишь соединившись с кровью Конана, амулет извергнет из себя силу. Так что не бойся по-

резаться и вообще можешь пользоваться им как обыкновенным кинжалом.

— Ты постарался, — поблагодарил зингарца Сигурд, засовывая себе нож за голенище сапога. — Надеюсь, все это не напрасно.

— Я тоже, — ответил Коротцо.

— Не буду терять времени, — сказал ванир. — Немедля отправлюсь на «Вестрел». Если всё получится, вернусь с Конаном. Если нет, один.

— Я с тобой, — вызвалась Тара. Причем так рьяно, что через мгновение устыдилась своего порыва.

— Не стоит, — сказал девушке Сигурд. — Я не знаю, как отнесутся ко мне на корабле после утренних событий, но в любом случае лучше, если я буду один.

— Хорошо, ты прав, — согласилась Тара. — Я буду ждать тебя здесь. Отправляйся.

Сигурд кивнул и встал со стула. Коротцо незаметно подмигнул ваниру, на что первый помощник лишь тряхнул головой и смущенно улыбнулся. Не очень-то ему хотелось афишировать свои чувства к Таре, слишком уж момент был неподходящий. Забот выше крыши, а тут любовь.

К «Вестрелу» ванир не сильно торопился. Ему страстно хотелось оттянуть момент встречи с капитаном. Во-первых, он боялся тех изменений, что могли с ним произойти за время его отсутствия. Во-вторых, не знал, как Конан отреагирует на драку. В-третьих, Сигурд не до донца доверял магии Коротцо. Из рассказов зингарца он уяснил,

что дух, засевший в поместье, истинный гений в сфере волшебства, которого переиграть практически невозможно. Если заклинание на Конана наложил именно он, то последствия использования амулета-ножа могут быть самые непредсказуемые.

Шествуя по улицам Сартоса, Сигурд ощутил, что ему чего-то не хватает. Вроде бы всё, как всегда. Те же люди, то же солнце, тот же ветер с моря. И тут он вспомнил слова Коротцо о влиянии безумца на животных. Куда-то исчезли все собаки, не осталось ни одной. Если сидя дома у Бродо, он только пожимал плечами в ответ на предположение о бегстве бродячих псов, то сейчас Сигурду стало несколько не по себе. Собаки были, казалось, неотъемлемой частью Сартоса, и вот тебе раз — ни одной. Так вот однажды и люди возьмут и исчезнут.

«Бред какой!» — осек сам себя ванир.

Однако погружаться в дальнейшие измышления о судьбе города первый помощник не пожелал. Чтобы поменьше думать, решил прибавить шагу, благо порт уже показался вдалеке.

«Вестрел» по-прежнему стоял на своем законном месте. В глубине души ванир опасался, что Конан в его нынешнем состоянии мог увести корабль из Сартоса, а это было бы очень неприятно. Моряки, заметившие приближение первого помощника капитана, враждебности не проявляли, равно как и излишней радости. То есть вели себя, как обычно.

Поднимаясь по трапу, Сигурд просчитывал

движение, которым он достанет из-за голенища кинжал и ударит Конана в руку или ногу. Бить надо быстро и так, чтоб киммериец не ожидал подвоха, иначе он успеет перехватить удар. Реакция у капитана была великолепной.

— Какие будут распоряжения? — спросил Сигурда вынырнувший не пойми откуда Грув. Первый помощник чуть не подпрыгнул от неожиданности, слишком уж резким оказалось возвращение в реальный мир.

— Ты о чем? — поинтересовался ванир. Не такой встречи он ожидал, распоряжения какие-то.

— Капитан перед уходом сказал, — сообщил Сигурду седой помощник боцмана, — что теперь руководить всей жизнью корабля будете лично вы.

— А он что? — удивился Сигурд. Конан продолжал загадывать загадки.

— Отправился на берег, почти сразу за вами, — сказал Грув. — Еще велел передать, что вернется нескоро.

— Это всё? — строго спросил Сигурд. Первому помощнику не понравилось, что слова Конана ему выдают по порциям.

— Да, — коротко ответил пират.

— Можешь идти, — сказал ему ванир, а сам направился в свою каюту.

Возможно, киммериец оставил какую-нибудь записку или другой знак.

Сигурду начало казаться, что Конан не был безвольным рабом пленившего его мага. Капитан явно не потерял способности руководить своими действиями, но всё-таки чужая магия довлела

над ним. Этим объяснялось то, что командование кораблем киммериец передал Сигурду. В случае опасности первому помощнику надлежало увести «Вестрел» из порта Сартоса, капитан не желал ставить под угрозу жизни матросов.

Теперь хорошо бы понять, куда направлены устремления киммерийца. Неизвестный маг отдал Конану приказ, который он теперь стремится выполнить. Суть его явно далека от пиратских дел, надо было искать на берегу.

«Потом, — велел себе ванир. — Сначала проверю каюты, и уже затем буду догадки строить».

У себя Сигурд не обнаружил ничего интересного. Конан слегка прибрался после драки, а в остальном всё выглядело так же, как сегодня с утра.

На всякий случай проверил все места, куда можно было запрятать записку, но, как ванир и предполагал, поиски завершились неудачей.

Тогда первый помощник извлек из сундука ключ от каюты киммерийца. Впервые за время совместного плавания с Конаном Сигурд собиравался им воспользоваться. У капитана также хранился комплект ключей от кают первого помощника и боцмана, на случай утери или какой другой неприятности. Сигурд не был уверен, можно ли было считать этот случай подобающим, а потому чувствовал себя гадко. Не в привычках нордхеймцев было вламываться в жилище друга без спроса.

— Сет с ним! — махнул рукой Сигурд. — Я просто посмотрю.

К каюте капитана первый помощник прошептывал уверенной твердой походкой, чтобы ни у кого из моряков не возникло сомнений, что он действует согласно воле Конана. Из-за этого маленького спектакля на душе у ванира стало еще противней. Он искренне порадовался, когда наконец скрылся в капитанских покоях, где его никто не мог увидеть.

Внутри царил идеальный порядок. Ничего такого, что можно было бы принять за знак. Ванир обошел каюту, внимательно осмотрел все предметы обстановки, но руками ни к чему не прикасался, не мог нарушить внутреннее табу.

Больше делать на корабле было нечего. Ванир запер капитанскую каюту, отнес ключи к себе, затем отловил Грува. Седому пирату была прочитана подробная инструкция о том, что надлежит делать и в какой ситуации. Общий смысл сводился к тому, что в случае возникновения реальной опасности надлежит немедленно отводить корабль в порт в Кеми и там дожидаться возвращения капитана и его помощника в течение трех месяцев. Также следует поступить, если ни Конан, ни Сигурд не появятся на «Вестреле» в ближайшие три дня.

— Не ловится джинн? — спросил напоследок Грув.

Сигурд сначала не понял, о чем говорит помощник боцмана, но потом вспомнил свою ночную сказку.

— Мы сильнее и умнее, — уверил пирата ванир. — Рано или поздно он будет наш, и тогда

мы уберемся из этой дыры. С Зелтраном и мешком золота.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся Грув.

— Правильно делаешь, — похвалил его первый помощник.

Ванир хлопнул пирата по плечу и пошел вниз по трапу.

В порту Сигурду страшно хотелось обернуться и посмотреть еще разок на «Вестрел», но ванир держался. Не хватало еще, чтобы матросы видели, что он прощается с кораблем. Душу Сигурда грызли сомнения. Дела у них с Конаном шли всё хуже и хуже, и, как выбираться из этой ямы, непонятно.

Одна радость, что не пришлось использовать заговоренный кинжал. Раз маг оставил Конану часть свободы воли, то у киммерийца есть шанс и самому побороть заклятье. А амулет Коратцо еще неизвестно, как сработал бы. Хотя было бы неплохо попросить зингарца соорудить артефакт, который указал бы, где искать киммерийца. Пусть опять воспользуется планами поместья.

С такими мыслями ванир и подходил к дому Бродо. Но на стук открыла Тара, а не Коратцо.

— Как сходил? — спросила она. На лице читалась искренняя заинтересованность.

— Не знаю, — честно ответил ванир. — Расколдовать не получилось, я его вообще не видел. Зато выяснялось, что капитан не настолько плох, как мне сначала показалось.

— Ну, и хорошо, — сказала Тара. — Не доверяю я той магии, что творят на расстоянии.

— Я тоже, — сказал Сигурд. — Ты одна?

— Да, сидела, тебя ждала, — ответила воительница. — Пошли на базар, перекусим, поговорим. В доме всё равно еды готовой нет.

— Я не против, — согласился на предложением Сигурд.

Тара на миг заскочила внутрь дома, потом вышла с ключом в руках. С замком пришлось немного повозиться, работал он плохо, но после удара кулаком согласился принять ключ в своё чрево.

Сигурд рассмеялся, глядя на то, как Тара с ним управилась. Воительница обижаться не стала. Наоборот, улыбнулась в ответ.

— У меня к тебе есть один серьезный разговор, — сказала Тара, когда они с Сигурдом отошли от дома шагов на тридцать. — Не хотела говорить внутри.

— Кажется, я знаю, что ты хочешь мне сказать, — предположил Сигурд.

— Ну, тебя! — отмахнулась Тара. — Я не об этом, нашел время.

— Не об этом, — согласился ванир. — Ты о том, что наш друг-зингарец — это четвертый дух.

Тара замерла на месте с открытым ртом и округлившимися глазами.

Сигурд подмигнул воительнице, взял её под руку и повел дальше в сторону базара.

— Умеешь удивить, рыжий, — промолвила Тара, когда к ней вернулся дар речи. — Я ведь только недавно догадалась. А удостоверилась, когда он сегодня днем после твоего ухода начал

дом сверху донизу обходить и заклинания читать. Те слова, что он произносил, вообще ни к одному из языков не принадлежат. Ни на что не похоже.

— И чего он такого наколдовывал? — спросил Сигурд.

— Защищал дом от чар безумца, — сказала Тара. — По его словам, этот ненормальный дух настолько силен, что способен обнаружить любое существо, представляющее для него опасность. Я думаю, что речь идет лишь о трех оставшихся братьях, но Коратцо этого мне сказать, разумеется, не мог. Как закончил, отправился в «Сто золотых» узнать, как идут дела у Черса.

— А ведь паренек знает, кто он такой, — заметил Сигурд. — Коратцо ему признался.

— С чего ты взял? — поразились Тара.

— Обрывки фраз, общая линия поведения, — ответил ванир. — Ты бы и сама вскоре догадалась.

— Ты удивительно спокойно к этому относишься, — покачала головой Тара. — Мы же имеем дело с тварью из Сет знает какой преисподней!

— Я знаю, — сказал ванир. — Однако он — наш единственный шанс оказаться на коне в этой передрыге. Коратцо — тот союзник, без которого нам никак не обойтись. К тому же, он не дал ни одного повода попрекнуть себя в злонамеренности.

— Не равняй его по человеческим меркам, — предупредила пыл ванира Тара.

— По другому не умею, — возразил ей Сигурд. — Кем бы он ни был, ему союзники нужны не меньше нашего, а значит, найдутся и точки соприкосновения.

— Ты просто не понимаешь, что это за существо, — сказала Тара. — Тебя не лишали твоего тела и не валяли в помоях.

— Любовник убил одного из моих матросов, — холодно ответил Сигурд. — Безумец убил двоих и превратил моего друга в блохастого пса. У меня к этим двоим имеется должок, да и к магу тоже. Но вот Коратцо пока что мне ничего дурного не сделал, а тебе он, между прочим, жизнь спас.

— Знаю, — согласилась Тара. — Но всё равно трудно доверять одному из этих.

— Потому он нам с тобой ничего и не сказал, — сказал Сигурд. — Вот Черс воспринимает его не как тварь из преисподней, а как друга, и знает побольше нашего с тобой. В Коратцо намного больше человеческого, чем может показаться.

— Имир с тобой, рыжий! — улыбнулась Тара. — Я остаюсь с вами. Тем более, и правда без союзника в этом безумии никуда.

— Я рад, — совершенно честно сказал Сигурд.

— А то! — усмехнулась воительница. — За обед и вино платишь ты.

Глава 4

О переменах

ихо вы там! — прикрикнул на зомби Харольд.

Поспать этим утром у старого некроманта решительно не получалось. За годы, проведенные в поместье, Харви привык к тому, что сон является тем благом, на которое никто и не думает покушаться. Проспать до второго или третьего послеполуденного колокола для некроманта было обычным делом. А вот в городе, да даже по дороге к нему, это удовольствие неожиданно оказалось для Харольда недоступным. Шум, гам и зомби в их нынешнем состоянии были теми вещами, побороть злостное влияние которых было невозможно. Кто-то или что-то постоянно будило Харольда!

«Как же хорошо было раньше!», — подумал некромант, перевернулся на другой бок и натянул одеяло на голову.

После появления в поместье мага странного полубога события вокруг старого Харольда завертелись с калейдоскопической быстротой. Безумный дух перевернул в маленьком мирке некроманта всё с ног на голову.

Когда Второй вдруг ни с того, ни с сего взял и заговорил, Харольд от удивления чуть на Серые Равнины не отправился. Некромант не сразу сообразил, что это не зомби неожиданно поумнел, а неизвестный маг вселился в его тело. Жуткая была сцена. Второй шутил, философствовал, рассуждал об архитектуре поместья, а Харольд стоял и смотрел на него округлившимися глазами. Другие зомби, кстати, тоже сумели оценить перемены, произошедшие с их собратом. Даже Хирон, обычно неспособный к умственной деятельности, счел за лучшее подальше отодвинуться от Второго.

— Ты кто? — то были первые слова, обращенные Харольдом к своему зомби.

— Ну, вот! — вздохнул Второй. — Уже полкокола распинаясь, рассказываю о жизни, о себе и прочих не столь значимых вещах, а меня, оказывается, только сейчас воспринимать начали.

— Это ты был птицей? — спросил Второго Харольд.

— Да, — с неприкрытой иронией ответил зомби, — а потом создал её двойника, одновременно переселившись в это тело. Где тебя только магии учили?! Я не был птицей, я был в птице.

— Это невозможно, — сказал Харви. Маг так и не понял, что тут происходит, но незнакомец нес какой-то бред.

— Да ну! — присвистнул Второй. — По чьим это, интересно, меркам? Если ты не способен на что-то, это вовсе не означает, что и для других цель является недостижимой.

— Кто же ты такой? — промолвил Харольд.

— Снова та же песня, — покачал головой Второй. — Упорство замечательное качество, но иногда неплохо еще и думать. Что ты хочешь, чтобы я тебе ответил? С тем же успехом ты можешь спросить меня о том, что было сначала — курица или яйцо? Или о том, кто зажигает звезды.

Харольд тряхнул головой. Незнакомец явно над ним издевался, но в нынешнем своем обескураженном состоянии некромант не успевал проследить за хитросплетениями речевых оборотов, исходивших из уст зомби. Но одно было ясно: если хочешь получить вменяемый ответ, то вопросы следует формулировать более четко.

— Ты маг? — поинтересовался он.

Второй обескуражено улыбнулся, словно некромант не оправдал возлагавшихся на него надежд.

— Лучше, конечно, — сказал он, — но, всё равно, слишком уж расплывчато. Скажем так, я умею колдовать. Однако магом это меня отнюдь не делает.

— Ты — демон! — догадался Харви. Только эти существа были способны столь беспардонно издеваться над стариком, и к магии он отношение имели.

— Мимо, — разочаровал некроманта зомби. — Но меня радует, что ты начинаешь мыслить ло-

гически. Я действительно появился на свет вне пределов этого измерения. Впрочем, я точно не знаю, из какого именно места я родом, но точно, что не отсюда. Наверное, самым точным определением, характеризующим сущность организации моего тела и души, является слово «дух». Но, всё равно, его рамки слишком узки.

— И зачем ты прибыл сюда, дух? — спросил Харольд. По-хорошему, ему следовало бы бояться это странного создания, но ничего похожего на страх некромант не испытывал.

— Люблю откровенность, — сказал Второй и подмигнул старику. — Не ходишь вокруг да около, а рубишь правду, глядя прямо в глаза. Уважаю. Жаль только, ты меня чуть раньше не слушал, я уже всё объяснял. Но не поленюсь и повторю. Так случилось, что я ощутил внезапно резкую потребность убраться подальше из Сарто-са, вот и стал выбирать, куда можно было бы направиться. Для начала я слетал в Бирафир, пообщался немного с хозяином этого места. Не сказал бы, что мне там понравилось. С людьми не в пример интереснее, а ты и твои мертвые друзья самые занимательные представители рода человеческого в округе.

— Значит, к нам надолго, — вздохнул некромант.

— Больше энтузиазма! — сказал дух. — И вообще было бы неплохо, если бы ты пригласил меня внутрь крепости. Можешь даже угостить обедом, я не обижусь.

— Как хоть звать тебя, дух? — спросил Ха-

рольд. Некромант отлично понимал, что ведет себя, как последний идиот, общаясь с этим существом подобным образом, но ничего с собой поделать он не мог.

— И откуда у людей эта привычка давать всему имена? — посетовал Второй. — Будь на моем месте один мой не в меру властолюбивый братец, он бы за этот вопрос мог с легкостью тебя убить. Терпеть не может односложные «клички», как он их называет! Но я не таков. Мне всё равно. Можешь называть меня Бруан. Так звали того парня, в чьем теле я сейчас прибываю. А может, это имя носил его брат, ты сотворил с их душами нечто совсем несусветное, никак не разобрать, где какая.

Рассуждения на тему братьев-близнецов Первого и Второго всерьез заинтересовали некроманта. Есть шанс, что этот залетный дух мог помочь раскрыть тайны, связанные с конструкцией их общего сознания.

Харольду оно представлялось монолитным, а гость говорил лишь о запутанности. Возможно, получится извлечь пользу из визита в поместье странного духа.

— Что ж, Бруан, добро пожаловать! — сказал Харольд.

— Так бы сразу! — порадовался владелец тела Второго. — Тебя перенести во внутренние помещения? Выглядишь ты неважно, не тот возраст, когда пешие прогулки доставляют удовольствие.

Харольд хотел отказать, но не успел. Вспышка света, и вот он уже в обеденном зале. Причем, на

стол уже было накрыто. Хотя это легко сказано, он прямо таки разваливался от обилия яств.

— Я решил взять на себя обязанности по сервировке, — сказал Бруан. — Раз ты не откликнулся на моё предложение соорудить обед, пришлось заняться этим самому. Выбор устраивает?

Некромант не уставал удивляться. Происходящее отдавало безумием, такого просто не могло быть.

За обедом Харольд и Бруан затеяли великосветский разговор об особенностях некромантии. Дух оказался весьма просвещенным в этом вопросе.

— Что ты можешь прочесть в воспоминаниях Второго? — спросил Харольд.

— Второго? — переспросил дух. — Ты так его называешь? Похоже, даже в послесмертии ему не суждено избавиться от своего главного проклятья. Бруана всю жизнь сравнивали с братом и каждый раз не в его пользу. Чего он только не делал, чтобы сравняться с ним, но ни разу и не сумел его ни в чем превзойти.

— Я так понял, — сказал Старый Харольд, — ты видишь всю его жизнь?

— Всю их жизнь, — уточнил Бруан. — Ты смешал их души, и мне не сразу удалось их разделить. Стоит признать, это было достаточно сложно.

Харви восхищенно посмотрел на духа.

— Смотрю, ты тоже так считаешь, — сказал Бруан. — Я люблю задачки, над которыми нужно поломать голову. К сожалению, такие мне редко попадают.

— И каким же образом ты обращаешься к его памяти? — вернулся к изначальному вопросу Харви. — Пропускаешь его личность сквозь себя? Разве это не накладывает отпечаток на твое собственное сознание?

— Разумеется, накладывает! — сказал Бруан. — Как же без этого?! Это только мои глупые братья опасаются влияния чужих воспоминаний. Я же, напротив, стремлюсь обогатить свой внутренний мир.

— Можно сказать, что Второй живет внутри тебя? — спросил Старый Харольд.

— Скорее нет, чем да, — расплывчато ответил Бруан и поспешил пояснить. — Второй потерял свою душу в тот момент, когда ты убил его во время ритуала превращения в зомби. Прежде чем вернуться в тело по твоему призыву, душа на какое-то время оказалась на Серых Равнинах, где произошло её перерождение. Можно сказать, что вслед за телом умерла душа, потому что жить она была способна лишь в царстве Нергала. В противном случае, некромант не превращал бы своих подопытных в зомби, а воскрешал их. Наверное, можно применить к этому призраку души определение «сознание». Конструкция та же, что и у души, но жизни внутри нет. Соответственно, и зомби по сравнению с человеком существо ущербное. Он не умеет мечтать, у него нет воли. Так и, находясь внутри меня, Второй остается неполноценным. Его воспоминания преобразуют мой разум, но жизни он не обретает.

— Расскажи мне о последних днях его жиз-

ни, — попросил духа Харольд. — Мне интересно, как он воспринимал происходящее с ним.

— Я не смогу это выразить словами, — вынужден был разочаровать некроманта Бруан. — Если желаешь, я могу тебе показать это. Пропустить сквозь твой мозг часть его воспоминаний, но боюсь, это не лучшим образом скажется на твоих мыслительных способностях.

— Тогда лучше не стоит, — Харольд предпочел не рисковать.

— Зря, очень занимательно, — сказал Бруан и отправил себе в рот кусочек жаркого. — Мне нравится менять себя. Впрочем, я уже это говорил. Вот, к примеру, взять этот обед. Я сижу и вместе с тобой наслаждаюсь представленными здесь яствами. Прошу обратить внимание на то, что я получаю удовольствие. Ни один из моих братьев не способен на это. Я же принял внутрь своего сознания столько людей, что мне передавалась их страсть к хорошей пище. Это же относится и к любви. Плотской. Лишь я испытываю сходные с людьми ощущения во время этого процесса. Тот мой братец, что помешан на этом деле, на самом деле получает удовольствие морально-го плана, хотя корни тоже лежат в физиологии.

— Кто эти братья, о которых ты всё время говоришь? — поинтересовался Харольд.

Бруан поморщился.

— Не сейчас, — сказал он. — У меня нет настроения рассказывать тебе о них. Быть может, завтра.

И вновь разговор вернулся к теме некроман-

тии и прочей магии. После обеда Харольд показал Бруану свои мастерские. Духа очень заинтересовала та, в которой некромант проводил опыты по сращиванию сознания. Бруан дал Харольду немало дельных советов по поводу возможных усовершенствований и вызвался принять участие в нескольких экспериментах.

Вечером Старый Харольд знакомил гостя со своими подопечными. Демонстрируя Бруану своих зомби, некромант подробно рассказывал ему о каждом. Об их происхождении, способностях и наклонностях.

При всем этом Харольд чувствовал, как его переполняет гордость за свой труд. Только сейчас некромант понял, сколь велика была его потребность похвастаться перед кем-нибудь результатами своих экспериментов.

На ночь Бруана устроили в заброшенной комнате в левом крыле поместья. Дух осмотрел покои, заявил, что здесь некогда жили две туповатые сестры-близняшки. Умерли они тоже здесь. Бруан сказал, что ему здесь нравится.

Некромант искренне радовался тому, что наконец появился тот, кто способен по достоинству оценить его талант. А с учетом того, что Бруан оказался самым сильным магом, когда-либо виденным Харольдом, дух и вовсе превращался в глазах некроманта в подарок богов.

На следующее утро Бруана в поместье не обнаружилось. Комната сестер-близняшек пустовала. Вернее, в ней было людей и прочих живых тварей. Зато из ножек кровати выросло два дере-

ва, ветви которых заполнили всё помещение. Зрелище было дикое.

Еще мага тревожило изменившееся поведение Хирона. Этот зомби даже в нормальном своем состоянии был чрезмерно активен, но чтобы до такой степени?! Чернокожий мертвяк все утро носился по поместью с бешеной скоростью, то и дело меняя направление своих передвижений и нанося обстановке повреждения различной степени тяжести. Наконец, ближе к обеду, он по дури выломал дверь и покинул пределы дома. В джунгли, правда, убежать не стал, остался нарезать круги вокруг здания.

В полдень Бруан снова объявился в поместье. Сказал, что ходил гулять по джунглям. Вид при этом у него был такой, что у Харольда появились сомнения в том, насколько хорошо перенесла местная флора и фауна эту его прогулку.

— Ты, кажется, расспрашивал меня о братьях, — напомнил некроманту Бруан. — Теперь я готов рассказать тебе о них всё.

И вновь беседа проходила за обеденным столом. Только на этот раз дух решил порадовать хозяина поместья восходными деликатесами, многие из которых на момент сервировки были еще живы.

Бруан с удовольствием отлавливал их, обмакивал в соус и отправлял в утробу. Харольда от этого зрелища чуть не вывернуло наизнанку.

— Зря отказываешься, — прокомментировал дух нежелание некроманта вкушать от его даров. — Очень полезно.

— Верю, — кивнул Харви. — Но лучше как-нибудь в другой раз. Так что там было дальше после того, как вы выбрались из Камня?

— Ничего интересного, на самом деле, — признался Бруан. — Мои скучные братья разбрелись по своим норкам и начали строить козни друг против друга. Сомневаюсь, что они измыслили что-то новенькое, им всегда не хватало фантазии. Отец, между прочим, тоже так считает.

— А что же ты? — спросил Старый Харольд. — Сумел усмирить свою ненависть к братьям?

— Не надо меня мерить по их меркам! — взмолился Бруан. — Меня одновременно одолевают миллионы, миллиарды чувств и желаний. Где-то среди них затерялась и зародившаяся в Камне ненависть. Конечно, она сильна, но я даже не думаю её лелеять. Возможно, однажды она и проснется, однако приближать этот момент я не намерен.

— Что же тогда? — удивился Харольд. — Ты говорил, что не намерен терять своих братьев из виду, а теперь утверждаешь, что тебе нет до них никакого дела.

— До них — нет, — ответил дух. — А вот до их планов — есть. Мне кажется, будет забавно явиться в Сартос в самый ответственный момент и внести в их козни определенную сумятицу.

— Задумал что-то конкретное? — спросил некромант, с отвращением наблюдая, как Бруан поглощает порцию белесых личинок.

— Нет, конечно! — воскликнул дух. — Обожаю импровизировать, так интереснее. Ладно,

что-то я засиделся. Пойду поброжу по округе, замкнутое пространство меня угнетает.

После этих слов Бруан просто взял и исчез. Некромант из чистого любопытства попытался прощупать след заклатья, но магическое поле оказалось девственно чистым. Харольд лишь покачал головой. Его гость был не просто силен, он был запредельно силен.

Тем временем в отсутствие Бруана жучки и паучки, представленные на обеденном столе, почувствовали себя спокойнее и начали понемногу переползать на пол.

— Проклятье! — выругался некромант.

Недолго думая, Харольд сотворил огненный шар, поглотивший и стол, и деликатесы. Удачное заклатье чуть-чуть улучшило настроение мага. Очень уж точно ему удалось задать область действия колдовского огня. Ни одной лишней искорки не выпало, да и сам он жара не почувствовал.

— Впечатляет, — слышалось из-за спины мага.

Голос принадлежал не Бруану.

Некромант резко обернулся. В дверях обеденной залы стоял Орч, прислонившись спиной к стене и заложив ногу за ногу.

— Решил сменить тело? — спросил Харольд. Ему было жаль Орча. Тот, как зомби, был весьма хорош, а теперь он всего лишь оболочка духа из Камня.

— Ты собираешь предложить мне новое, некромант? — ответил Орч вопросом на вопрос. — Хотя я, кажется, понимаю, к чему ты клонишь. Ты думаешь в меня вселился этот залетный дух?

— Хватит шутить, Бруан, — сказал Харольд. По спине некроманта пробежал холодок. Манера общения духа была совершенно иной. Если это и вправду Орч, то... Лучше не думать, что тогда.

— Забавно наблюдать, — произнес Орч, разглядывая ногти правой руки, — за тем, как человек, упрекавший меня в отсутствии сообразительности, несет полную чушь. Я — Орч, твой бывший зомби.

— Сет, Митра и Дэркетто! — ужаснулся некромант. Он почувствовал, что ноги его вот-вот перестанут его держать, и счел за лучшее сесть на стул. — Что же здесь происходит-то?!

— Честно говоря, не знаю, — сказал Орч, подошел к некроманту, тоже взял себе стул и сел на него верхом. — Буквально четверть колокола назад я переродился, ожил, воскрес. Не знаю, как правильно это назвать. Вероятно, виной всему появление в поместье духа.

— И что ты намерен делать? — в последнее время Харольд только и занимался тем что задавал вопросы. Но сейчас он еще вдобавок ко всему перебирал в уме защитные заклинания. Вполне может быть, что Орч не в восторге от того, что некромант убил его и превратил в живого мертвеца.

— Вообще-то я хотел поесть, — признался Орч. — Потому и пришел сюда. Но признаюсь, вид этих червяков и мошек аппетит у меня отбил.

Некромант прошептал под нос пару легких, но эффективных заклятий, что дадут ему шанс на спасение, если Орч решит напасть.

От бывшего конфидента действия мага не укрылись.

— Знаю, как бороться и с одним, и с другим, — поморщился он. — К тому же, если бы я хотел тебя убить, то давно бы уже осуществил задуманное.

— Я рад, что ты не расположен сориться, — некроманту было очень интересно, как Орч собирался преодолеть действие заклятий, но предпочел не развивать эту тему. Чему только в секретных службах не учили!

— А ведь я до сих пор испытываю к тебе непонятную привязанность, — вдруг признался Орч. — Понимаю, что должен желать твоей смерти, но нет...

— Мне бы тоже не хотелось причинять тебе вред, — честно сказал Харольд. — Ты был лучшим из моих творений.

— Не думай, что мне нравилось быть мертвецом, — Орч предостерег некроманта от излишней словоохотливости. — Ничто не сравниться с жизнью. И сейчас я намерен наверстать упущенное. Сначала навещу кладовые и винный погреб, а потом займусь любовью с Кри. Она мне намекала, что не против.

— Она тоже ожила?! — ужаснулся Старый Харольд. Скоро в поместье не останется ни одного зомби.

— По-моему, нет, — сказал Орч, поднялся со стула и вышел из залы.

В этот момент Харви начал понимать, что именно означало появление в жизни поместья

Бруана. Вновь Харольд погрузился в пучину безумства, что преследовало его в юности и зрелости. Исчезли размеренность и покой, к которым он так стремился. Он думал, что навсегда оставил мирские заботы, но, похоже, от судьбы было не уйти.

Некромант чувствовал, что это только начало. Последствия визита духа будут такие, что внезапно ожившие зомби покажутся ему чем-то совершенно жалким и незначительным. Масштабы жизнедеятельности Бруана были богоподобные, и если дух решил, что с некромантом шагать вперед по неизведанным тропинкам будет, как он любит выражаться, интереснее, то от грядущих перемен Харольду не отвертеться.

Чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, Харви отправился в лаборатории. Там он до вечера провозился, ставя эксперименты над трупами мышей, кошек и летучих лисиц. Где-то за стеной шумели зомби. Старому Харольду казалось, что он различал голоса Орча и Кри. Один раз в дверь той лаборатории, где находился некромант начал ломиться Хирон. Маг чернокожего не впустил.

К вечеру Харольд решил, что нельзя пускать происходящее в поместье на самотек. Следовало провести беседу с Орчем и осмотреть Хирона и Кри. Также неплохо бы узнать у духа, с чего это тому понадобилось оживлять его зомби.

Некромант прочитал заклятье «обнаружения мертвой плоти», задав для поиска образ Кри. Магия подсказала, что находится зомби неподалеку,

в комнате, единственным предметом обстановки в которой была гигантских размеров кровать. Постоянным местом пребывания Кри это помещение не являлось, что наводило на мысли, что приволок её туда Орч.

И действительно оба зомби находились внутри. Обнаженная Кри сидела посреди кровати и зазывно смотрела на некроманта. Увидев, что тот не спешит к ней в объятия, женщина-зомби облизала указательный палец на правой руке и принялась водить им по груди и животу. Затем она опустилась ниже и начала призывно, как ей казалось, попискивать. Но самое страшное заключалось в том, что она была мертва! Некроманта пыталась соблазнить именно зомби, а не ожившая девушка.

К счастью, дальше демонстрации своего тела Кри не продвинулась, и вскоре некромант перестал обращать на неё внимание. Благо в комнате находился другой, не менее интересный объект. Орч стоял, прислонившись лицом к стене, и не шевелился.

— Орч, — позвал некромант ожившего зомби. Реакции не последовало.

— Орч, это я, — сказал Харольд. — Мне нужно поговорить с тобой.

И снова нет ответа.

Тогда некромант неспешно подошел к своему подопечному и опустил тому руку на плечо. До этого, разумеется, наведя на себя четыре хороших защитных заклятья. Орч медленно развернулся.

— Орч, — сказал зомби и тупо и предано уставился в глаза некроманту.

— Что с тобой случилось? — спросил Харольд, хотя и предвидел, каким будет ответ.

— Орч, — промолвил зомби, как и ожидалось.

Давить на него и требовать говорить по-человечески Харви не решился. Еще ведь возьмет и припомнит, если снова оживет.

«А что, если мне всё привиделось? — подумал Старый Харольд. — В конце концов, зомби ожить не может. Куда вероятнее, что это я схожу с ума».

Впрочем Кри, как и говорил живой еще Орч, проявляла стремление к плотским утехам. Можно проверить, было ли у них что-нибудь с Орчем или нет. Обездвижить мертвячку и осмотреть, никаких сложностей.

— Ну, к Нергалу! — махнул рукой Харви. Пусть всё идет, как идет.

Некромант оставил зомби в обществе друга друга и направился в кладовые. Только сейчас он вспомнил, что ничего не ел с утра. Запасы в кладовых Харольда обновлял с помощью набегов на караваны, идущие в Сартос. Набеги осуществлял Хирон, причем слово это следовало понимать буквально. Черной молнией пролетал зомби мимо продуктовых обозов, унося с собой корзины с провиантом.

Отужинав, Харольд направился к себе. Бруан по дороге ему не встретился, а искать духа у некроманта настроения не было. И без того день выдался тяжелым, а завтра он и сам объявится.

Разбудили Харви очень рано. Почти сразу после восхода солнца. Сделал это Орч.

— Пора вставать, — сказал зомби, потягивая вино из кувшина. — Твой гость возбужден более, чем обычно, и очень жаждет с тобой пообщаться.

При виде вновь ожившего Орча некроманту захотелось наложить на себя руки.

— Как же мне всё надоело, — вздохнул некромант, принимая одежду, протянутую ему Орчем.

— Что именно? — спросил зомби.

— Хотя бы твои перевоплощения, — ответил маг.

— Я тоже нахожу это удивительным, — сказал Орч. — Но сложившееся положение вещей меня устраивает больше, чем то, которое ему предшествовало.

Некромант поднялся с кровати и начал одеваться.

— Ты чувствуешь в себе перемены? — спросил он у коринфийца. — По сравнению с твоей прошлой жизнью.

— Не знаю, — сказал Орч. — Не хочу пока об этом задумываться.

— Ты отличался любопытством, — заметил маг, забирая у зомби кувшин с вином.

— И какова была расплата? — напомнил некроманту Орч. — Предпочитаю себя сдерживать, быть может, проживу подольше.

— Где он? — последнее слово Харольда произнес чуть ли не с отвращением.

— У себя, — ответил Орч. — В рощице. Там уже из-за веток места пустого не осталось.

Харольд не удержался и хмыкнул, представив, во что превратилась за ночь комната Бруана.

По правде говоря, некроманту было интересно, чем же таким на этот раз загорелся дух, но показывать это он не желал. До покоев Бруана маг с Орчем прошеествовал принципиально чинно и неспешно, чем остался доволен. Разве что улыбка, блуждавшая на лице живого мертвеца, немного портила впечатление.

А комната и впрямь превратилась в некое подобие рощи. Ветви деревьев обросли листьями. Под потолком кружилась пара маленьких птичек в ярко-желтом оперении.

— Наконец! — раздался откуда-то из зарослей голос духа. — Я тебя заждался. У меня созрели грандиозные планы, а ты спишь.

Некромант не стал отвечать, предпочел дожидаться, пока Бруан выберется на свет. Тяжело разговаривать с тем, кого не видишь.

— Я пойду, — сообщил некроманту Орч и покинул пределы комнаты.

Наконец ветви раздвинулись, и пред Харольдом предстало до жути довольное лицо Бруана.

— И что же ты молчишь? — спросил дух у Харви.

— Может, для начала покинем пределы леса? — предложил Старый Харольд. — И уже потом поговорим, я себя здесь неуютно чувствую.

— Как знаешь, — сказал Бруан.

Маг и глазом моргнуть не успел, как обнаружил себя сидящим на краю кровати, где вчера вечером он застал Кри. Бруан развалился на по-

душках. Рядом с ним стоял кальян, парами которого дух в настоящий момент наслаждался.

— Есть хочешь? — спросил он у мага. — Или вина?

Некромант прислушался к своим ощущениям. Проснувшись, он точно был не против перекусить, да и от вина бы не отказался, но общение с духом, даже столь краткое, умудрилось напрочь отбить аппетит.

— Не стоит, — ответил Харольд. — Лучше расскажи, что с моими подопечными происходит?

— Понятия не имею, — заявил Бруан и приложился к трубке кальяна.

Харольд с недоверием посмотрел на духа.

— Нет, правда, — настаивал обладатель тела Второго. — Я с ними ничего не делал. Сознательно. Просто так уж происходит, что живая материя в моем присутствии имеет свойство видоизменяться. Я никогда не пытался руководить этими метаморфозами, за ними куда интереснее наблюдать. Кто бы мог подумать, что к одному из зомби ни с того, ни с сего вернется душа. Живая душа!

— Потом исчезнет, потом снова вернется, — в голосе Харольда радости слышно не было.

— Серьезно? — удивился дух. — Вот здорово!

— Он тоже доволен, — сказал некромант.

— Видишь, как все хорошо, — произнес Бруан и снова прильнул к кальяну. — А будет еще лучше! Мы отправляемся в Сартос, пришла пора известить моих братьев.

— И зачем тебе я там нужен? — не понял Харви.

— Без тебя мне будет скучно, — улыбнулся дух. — Вы все такие забавные, мне нравится ваша компания.

Харольд внимательно посмотрел на разлегшееся на кровати существо. Дух выглядел до невозможности довольным. Некромант внезапно понял, что не найдет в себе сил возразить Бруану. Его влиянию невозможно было противиться. В глазах духа Харольд, скорее всего, мало чем отличался от муравья или той кровати, из которой он вырастил комнатную рожицу.

Сейчас некромант жалел, что не смог тогда переступить через собственную слабость и сказать духу «нет». Быть может, он бы и оставил их с зомби в покое, но теперь пути назад уже не было. Харольд подозревал, что здесь имело место быть то самое бессознательное видоизменение живой материи. Маг и впрямь начал замечать, что мыслить стал иными категориями. Кем же он станет, когда всё это закончится? Что останется в нем от Старого Харольда?

Но тогда он ни о чем подобном не думал, у него еще не выработалась привычка не замечать творящиеся вокруг чудеса.

— Когда мы выезжаем? — спросил он у Бруана.

— Вот это разговор! — воскликнул дух и хлопнул некроманта по плечу.

Отправление назначили на первый послеполуночный колокол. Бруан хотел отправиться раньше, но Харви сказал, что на сборы ему нужно меньшее пять-шесть колоколов. Дух возражать не стал и отправился на прогулку.

Некромант тем временем привел в порядок мастерские, приостановив часть экспериментов и упокоив всех воскрешенных животных. Затем почти целый колокол Харольда пытался отловить Хирона, бойкий зомби напрочь забыл слово послушание и на заклинание «призыва» откликаться не желал. Как назло, к тому времени Орч в очередной раз помер и в поимке собрата помощи оказать не мог. Заловить чернокожего беглеца удалось только тогда, когда тот забежал в комнату Бруана и запутался в ветвях. Харви прочел над Хироном несколько сильных связующих заклятий и отдал на поруки Орчу. С Кри тоже возникли проблемы. Мертвая красавица наотрез отказывалась одеваться самостоятельно. Некроманту пришлось её сначала парализовать, а потом вручную водружать наряды на мертвое тело. Однако стоило Кри придти в себя, как она снова начала разоблачаться. Полколокола читал ей Харольд лекцию о том, что подобным образом ей соблазнить никого не удастся, все кавалеры от такого напора разбегутся. Действовать, по словам Харви, следовало тоньше, без выставления всех прелестей напоказ. В итоге, зомби вроде бы прониклась. Попытки раздеться, во всяком случае, оставила.

Когда сборы были окончены, Харольду неожиданно пришла в голову мысль о том, каким образом им предстоит добираться до Сартоса. Пешком идти магу не улыбалось, а других вариантов не было. Разве что Бруан перенесет их с помощью магии на Побережье. С этим вопросом нек-

романт и обратился к вернувшемуся с прогулки духу.

— Исчезнуть здесь и появиться там, — повторил слова Харольда Бруан. — Нет, это скучно и неинтересно. Сделаем лучше так!

Во дворе, где стояли некромант, дух и трое зомби, появились пять верблюдов. Самых обыкновенных, двугорбых.

— Мы поедем на них! — объявил Бруан.

И они поехали. Давным-давно заросшая дорога, ведущая к поместью, вновь была свободна от деревьев, лиан и кустарников.

От путешествия Старый Харольд ничего хорошего не ждал. Он привык, что в присутствии духа вещи ведут себя не так, как им положено. Одна дорога тому доказательство. Однако других чудес в первый день пути не происходило. Бруан ехал впереди отряда и насвистывал песенку про маленькую девочку-флейтистку, чья игра на инструменте не понравилась грозному повелителю одного из восходных государств. В конце песни талантливый ребенок предал смерти через повешенье, можно сказать, ни за что, ни про что. Стихотворная часть данного творения Харольду пришлась по вкусу, единственное, исполнение Бруана подкачало. Потом дух исполнил нечто несусветное о звездах и кометах, и некромант, разочаровавшись в его цении, перестал прислушиваться и стал просто наслаждаться внезапно, пусть и ненадолго, обретенным покоем.

Привалов они в этот день не делали. В сумках, притороченных к бокам его верблюда, Харольд

обнаружил мясо, сыр, лепешки и сосуд с вином. Несколько раз за время путешествия некромант перекусывал этими продуктами. Остальные члены отряда в еде не нуждались, равно как и в отдыхе.

Когда стало темнеть, Бруан объявил, что пришла пора остановиться на ночевку. Он сотворил три здоровенных шатра, в которых путники могли укрыться от холода и хищников. Дух было завел какую-то разумную беседу, но некромант, утомленный переходом, уже не слышал его слов. Старый Харольд медленно погружался в сон.

Очнулся некромант посреди ночи. Сначала он не понял, что способствовало его пробуждению, но потом расслышал женские крики, доносившиеся из соседнего шатра. Харви выругался, помянув недобрым словом Орча и Кри, которым вздумалось развлечься под сенью ночных джунглей. Маг перевернулся на другой бок и попытался заснуть, однако ахи и охи девушки-зомби, усиливавшиеся с течением времени, повергали в прах все его усилия.

— Ну, вы у меня дождетесь! — сказал он и поднялся с постели.

Темень стояла страшнейшая, и пришлось использовать заклятье «ночного зрения», чтобы можно было передвигаться без риска сломать себе шею. Маг просунул ноги в сандалии и вышел из шатра. Определить, в каком из двух оставшихся находилась Кри, труда не составило.

Приблизившись к цели, Харольд аккуратно отодвинул в сторону полог шатра и заглянул

внутрь. Там действительно во всю резвилась Кри, вот только её партнером её оказался не Орч, а Бруан.

— Не думал, что тебе нравится подглядывать, — раздался сзади шепот бывшего коринфийского конфидента. — Ты получаешь от этого удовольствие?

Харольд едва не помер от нервного потрясения. Не закричал он только потому, что Орч зажал ему рот рукой. Затем бывший зомби аккуратно отстранил мага от шатра.

— Полагаю, не стоит нам шуметь, — сказал он, отпуская Харольда. — Извини за необходимость, но мне показалось, что ты собираешься оповестить всю округу о своем присутствии.

— Я думал, что это ты с ней, — сказал Харви Орчу.

— Не могу ответить тебе взаимностью, — усмехнулся зомби, — и сказать, что предполагал увидеть вместе с Кри тебя.

— Что же ты тогда здесь делаешь? — спросил Харольд. Он уже понемногу начал привыкать к перевоплощениям Орча.

— Виной всему то самое любопытство, — признался бывший конфидент. — Я по мере сил наблюдаю за всем, что происходит вокруг, пытаюсь постигнуть природу этих явлений.

— Думаешь найти способ навсегда вернуть душу? — предположил некромант.

— И это тоже, — ответил Орч, — но скорее, как производное. Мне хочется выявить некую закономерность во всех этих изменениях.

— Боюсь, ничего у тебя не получится, — Харольду было жаль разочаровывать лучшего своего подопечного. Неожиданно он понял, что был бы рад, если бы тому удалось заполучить назад душу. — Ты знаешь, что такое катализатор?

— Вещество, используемое алхимиками, — ответил Орч.

— Не совсем так, — поправил его Харольд. — Это разные вещества, но обладающие одним и тем же свойством. Они усиливают протекающие процессы, как магические, так и алхимические. Так и наш гость что-то вроде катализатора. Он дает толчок тем подвижкам, что скрыты в сознании людей или в их телах.

— Кажется, понимаю, — сказал зомби.

— Его воздействие индивидуально по определению, — продолжал маг. — Тебе в какой-то мере повезло, что в тебе таился механизм, отвечающий за возврат души.

— Получается, мне теперь придется всё время следовать за ним? — спросил Орч.

— Кто знает? — пожал плечами маг. — Быть может то, что произошло, необратимо. А может статься, что процесс преобразования продолжается.

— Тогда я буду наблюдать, — принял решение Орч. — За ним, за тобой, за остальными. Постараюсь понять, продолжают ли изменения.

— Я помогу тебе, — сказал Харольд. — Я буду рассказывать тебе обо всем, что происходит, пока ты пребываешь в ипостаси зомби.

— Ты становишься другим, маг, — ответил Орч. — Но я тебе благодарен.

Зомби взял руку некроманта, пожал её и бесшумно скрылся в ночи.

Тогда Харольд вновь приблизился к шатру Кри. Повинуясь внезапному порыву, он вновь отодвинул полог в сторону. Зомби самозабвенно занималась любовью, а Бруан смотрел прямо на Харви. Дух приложил палец к губам и подмигнул старику.

Харольд поспешил оставить Бруана наедине с Кри и отправился спать. Проблему с криками он решил очень просто. Ему даже стало стыдно, что он не додумался раньше использовать магию, чтобы огородить шатер от внешних шумов. Вот что значит долгое время практиковать одну некромантию! Умудряешься забыть элементарные начала колдовства.

Утром Харви поджидал очередной сюрприз.

О том, что он его ждет, сообщил магу заглянувший в шатер Бруан.

— Выгляни на улицу! — призвал он некроманта. — Посмотри, что я для тебя приготовил.

Дух аж светился от предвкушения. Это наводило Харольда на определенные подозрения. Не хорошие.

Некромант торопливо оделся, еще раз взглянул на Бруана, мысленно вознес молитву небесам и вышел на свежий воздух. Зрелище открылось убийственное. Перед шатром полукругом лежали восемь мертвецов. Шестеро были одеты как воины, двое оставшихся выглядели побогаче.

— Ну, как? — спросил Бруан. — Решил сделать тебе маленький подарок. В качестве компен-

сации за то, что мы с моей подружкой не дали тебе ночью толком выспаться. Все тела свежайшие. Всё, о чем может мечтать некромант.

Содержимое желудка Харольда уже перекачывало к горлу и сейчас приближалось ко рту. Его хотели задобрить восемью выпотрошенными трупами?! Какое безумие!

Дух же, похоже, принял молчание Харви за знак восхищения. Он подошел к Хирону и потрепал чернокожего по голове.

— Без этого парня я бы не справился, — сказал он. — Золото, а не зомби. Мы с ним на пару за несколько вздохов караван разделили. Они даже понять не успели, что произошло, как души их оказались на Серых Равнинах.

— Царский подарок, — промолвил Харви. Слова давались ему с большим трудом. — Прими мою благодарность, Бруан. И тебе, Хирон, спасибо. Но я сейчас не в настроении колдовать. Орч, собери костер и сожги тела.

— Орч, — ответил зомби.

— Я завтракать, — сообщил Бруан некроманту. По духу не было заметно, что он расстроен решением Харольда. Ему, похоже, было всё равно. — Присоединись?

— Чуть позже, — сказал некромант. — У меня голова кружится. Сейчас отдохну немного, выпью винца и подойду. Сотвори мне что-нибудь из традиционной кухни.

— Без проблем, — отозвался дух и ушел в шатер, который он этой ночью делил с Кри.

Харольд, пошатываясь, вернулся в свое жили-

ще. Мага по-прежнему страшно мutilo. Орч был прав, когда говорил, что он изменился. Несколько дней назад он бы и в самом деле порадовался возможности поэкспериментировать со свежими телами. Сейчас он на них смотреть без содрогания не мог, да и Орчу он пообещал помочь вернуться к человеческому бытию.

Он стал другим. В этом нет никаких сомнений. Он видел в этих восьми людях не материал для опытов, а нечто большое. Харви понял, что он вновь научился ценить человеческую жизнь. Все те беды и несчастья, что преследовали юного анимага после смерти учителя, выжигали в нем жалость, сострадание, любовь ко всему живому. Его пытались убить, и он полюбил смерть, принял в себя, сделал частью своей души. А Бруан, сам того не желая, исторг её, уничтожил.

Этот новый Харви ненавидел смерть и презирал своё искусство. Попытка оглянуться назад и проанализировать последние годы своей жизни обернулась для Харольда шквалом боли. Ему захотелось покончить с собой.

— Орч, — зомби заглянул внутрь шатра, давая понять, что костер сложен.

— Молодец, Орч, — похвалил подопечного Харольд. — Можешь идти.

Зомби крикнул что-то и вынул голову из шатра.

— Не беспокойся, парень, — тихо произнес Харви. — Я о тебе позабочусь. Рано мне на себя руки накладывать, есть еще дела на этом свете.

Харольд взял с пола кувшин с вином и сделал пару глубоких глотков, чтобы прогнать дурноту.

Затем резко поднялся и пошел в шатер к Бруану, стараясь не глядеть на лежащие меж пылающих бревен тела.

Так получилось, что наконец осознав, кем он стал, Харольд неожиданно обрел силу и волю, чтобы пройти по избранному пути. Он по-прежнему спокойно вел с Бруаном беседы на тему некромантии. С интересом выслушал все подробности нападения на караванщиков. Ни слова он старался не упустить, что угодно могло стать ключиком к тайне этого существа.

Харольд не знал, как относиться к Бруану. Не любить его было, вроде бы, не за что, но и симпатии он к нему не испытывал. Лишь в одном Харви не сомневался, общества духа следует держаться во что бы то ни стало.

На восьмой послеполуночный колокол Харольд, Бруан и их мертвая свита отправились в путь. Уже вскорости магически сотворенная дорога сменилась натуральной. Впрочем, Харви об этом бы не догадался, если бы словоохотливый дух не сообщил ему прямым текстом. Некроманту пришла в голову мысль, что теперь могут начаться неприятности, связанные с внешним видом его спутников.

Своими опасениями Харольд поделился с Бруаном.

— Нет проблем, — немедля отозвался дух.

После сотворенного Бруаном заклятья зомби обрели ту внешность, которой они обладали при жизни. В принципе, изменения вышли небольшими, за исключением Хирона. Резвоногий мертвяк

оказался блондином со светлой кожей и голубыми глазами. У Харольда даже возникли подозрения, что это Бруан пошутил подобным образом.

Когда до Сартоса оставалось рукой подать, дух Камня неожиданно оживился.

— Улыбайтесь, — обратился он к Харви и его зомби. — Все улыбайтесь. За нами сейчас наблюдают. Мы же не хотим плохо выглядеть.

— Ты о ком? — спросил Харольд, натягивая улыбочку пошире. — Кто-то из твоих братьев?

— Не совсем, — загадочно ответил Бруан.

Дальше развивать эту тему он не пожелал.

Возвращения в город Харольд, честно говоря, немножко побаивался. В своем прежнем состоянии он бы просто ушел в себя, полный ненависти к окружающим его людям. Сейчас же ему казалось, что он едет домой. А как его там встретят, он не знал.

Но оказалось всё куда прозаичней. С одной стороны, Харольд радовался тому, что вокруг так много живых людей, таких же, как он. С другой, некроманта раздражала царившая в Сартосе суета. Харви решил, что в будущем чураться человеческого общества не станет, но жить будет где-нибудь за городом.

— Ты знаешь, куда направиться? — спросил некромант у Бруана.

— Я не ищу конкретного места, — отозвался дух Камня. — Как увидим симпатичный дом, попросимся в гости. Нам не откажут.

— Не сомневаюсь, — ответил Харольд.

Несколько раз старый некромант указывал

духу на понравившиеся ему дома, но тот только качал головой. Харольду хотелось поскорее закончить с процедурой выбора.

От шума и нехватки воздуха у некроманта начала болеть голова.

— Здесь, — наконец сказал Бруан.

Избранный домик оказался, на взгляд Харольда, довольно паршивеньким. Всего один этаж, фасад облезлый. Впрочем, что угодно, лишь бы скорее оказаться в тишине и прохладе.

Стоило духу приблизиться к дому, как дверь отворилась, и из неё вышли мужчина, женщина и ребенок. За плечами у них болтались здоровенные мешки, из которых торчала разная утварь. Не говоря ни слова, они проследовали мимо Бруана и Харольда и скрылись в узком переулке.

Бруан даже не стал комментировать их исход, лишь улыбнулся краешком губ.

— Проходите, — обратился он к Харольду и зомби. — Я отведу верблюдов во двор.

Некромант покинул своё животное, оперевшись на руку, протянутую Бруаном, и направился ко вновь обретенному жилищу. У дверей он остановился, чтобы проследить за движением своих подопечных... которых оказалось всего двое! Хирон пропал!

— Орч, где Хирон?! — потребовал ответа некромант.

— Он сбежал, — ответил вместо мертвяка Бруан.

— Сбежал?! — переспросил Харольд.

— Ну, да, — кивнул Бруан. — Не вижу в этом

ничего такого. Мне показалось забавным отпустить его побродить по городу. Вот я и не предупредил тебя, когда он покинул своего верблюда.

— Тогда волноваться не о чем, — Харольд был в таком состоянии, что ему было плевать, услышит дух в его голосе иронию или нет. — Кри, Орч, идемте в дом.

Остаток дня прошел спокойно. Дух Камня отправился в одиночестве бродить по городу. Харольд же занимался тем, что пытался восстановить свои знания по анимагии. Слово за словом, предложение за предложением, заклинание за заклинанием маг возвращался в прошлое ко дням своего ученичества. Харви чувствовал, как в нем возрастает ненависть к искусству некромантии, и требовалось найти ему равноценную замену или хотя бы претендующую на таковую.

Орч по-прежнему пребывал в состоянии бестолкового зомби. Когда Харольд решал сделать перерыв в своих тренировках, он обращался к своему подопечному. Мага интересовало, произошли ли с мертвяком какие-нибудь физиологические изменения, или дух Камня влияет исключительно на душу и сознание существ, прибывающих в его обществе. Внешне зомби остался прежним, но неизвестно, в каком состоянии находились его внутренние органы. Вскрывать Орча Харольду было лень, и вопрос этот так и остался неразрешенным.

В начале ночи явился Бруан. От духа Камня несло выпивкой, на ногах он держался с трудом. Харольд, глядя на него, лишь пожал плечами. От

Бруана можно было ожидать чего угодно. Что удивительного в том, что он на этот раз обратил свой взгляд на вино и ром? На всякий случай, Харви поинтересовался, не встречал ли дух Хирона, и нет ли вообще каких-либо вестей о сбежавшем зомби.

— Не-а, — ответил Бруан и пошел спать.

Харольд последовал его примеру.

Ближе к утру старого маа раскачал Орч. Зомби вернулся к человеческому облику. Харви, памятуя о своем обещании, пересказал ему события вчерашнего дня. Орч с большим вниманием выслушал и даже явил желание поподробнее обсудить некоторые моменты с некромантом. Но тот из-за недосыпа и избыточно насыщенной в последнее время событиями жизни находился в не том состоянии, чтобы в предрассветные часы вести беседы.

Орч не стал настаивать, поблагодарил мага за помощь и отправился в угол дома медитировать над услышанным под аккомпанемент постанываний Кри, совершавшей подорительные действия рукой под одеялом.

— Орч! — таков был ответ зомби на просьбу заткнуться.

Яркие лучи полуденного солнца проникали в дом через распахнутое окно. Лишь маленький участок комнаты уберегся от их горячего внимания. По счастливому совпадению именно на нем и располагалась кровать некроманта. Еще полкокола или даже чуть меньше, и светило бы ослепляло Харольда своим присутствием, а спать,

когда тебе бока припекает, маг решительно не умел.

Харольд поморщился. Пришло осознание того, что наступил момент окончательного пробуждения. Некромант понял, что надо вставать. Не всё же валяться на кровати и размышлять о днях прошедших!

Одеться, умыться, сполоснуть рот травяной настойкой, перекусить и выпить вина — таков был план некроманта на это утро. Чтобы как-то ускорить его выполнение, Харви в ультимативной форме наказал двум оставшимся в его распоряжение мертвякам заняться изготовлением завтрака.

То ли на зомби благотворным образом сказалось пребывание в близости от духа Камня, то ли продукты в Сартосе были лучше, чем в поместье, но рисовая каша с кусочками фруктов, которую предложил хозяину Орч, оказалась превосходной. Харви поблагодарил мертвяков, хотя и знал, что те не оценят, и приступил к процессу поглощения пищи. На десерт снова были фрукты, на этот раз засахаренные.

Сытный завтрак заметно улучшил состояние духа Старого Харольда, возродил в нем желание действовать.

Чем именно заняться, долго некроманту размышлять не пришлось. Следовало как можно скорее отыскать сбежавшего в город Хирона. Зомби с его интеллектом мог запросто огрести гору неприятностей, а Харольд чувствовал к своим подопечным почти отцовскую привязанность,

которая к тому же в последнее время заметно усилилась.

Поиски Харольд решил начать прямо здесь и сейчас. У некроманта имелось заклятье, припасенное примерно для таких случаев. Связка между телом зомби и его неполноценной душой являла собой в мире магических энергий весьма яркий ориентир. Следовало лишь спроецировать колдовской свет Хирона на плоскость материального мира.

Харви заметно волновался из-за того, что произошедшие в его сознании метаморфозы не позволяют ему воспользоваться заклятьем «поиска мертвой плоти».

Одно дело не любить некроمانтию, и совсем другое — потерять власть над колдовством. Сейчас впервые за последние двое суток маг собирался обратиться к своему искусству.

Подозрения во многом оказались оправданными. Заклятье далось Харольду невероятно тяжело. Помимо того, что на протяжении всей волшбы Харви чувствовал отвращение к творимому, так еще и слова отказывались ложиться нужным образом и приходилось себя постоянно контролировать. В результате, заклятье вышло на редкость хлипким.

Огонек, означавший остатки души Хирона, был тусклым и всё время норовил исчезнуть. Но всё-таки Харольду удалось найти направление, в котором следует двигаться в поисках зомби.

Орча и Кри некромант оставил дома, строго-настрого велел им никуда не выходить. Мож-

но было, конечно, взять их собой, но маг сомневался, не проявят ли себя в самый неподходящий момент какие-нибудь новые свойства их характера, возникшие под влиянием Бруана. Пусть лучше сидят здесь, так по-любому безопаснее.

Шествуя по улицам Сартоса, маг по сторонам старался не глазеть. Резкие вспышки в сознании грозили разрушением поискового заклятья. И лишь пару раз натолкнувшись на прохожих, Харольд решил, что дороге минимальное внимание уделять всё-таки следует. Но основной проблемой было отнюдь не уличное движение, она состояла в том, что Хирон перемещался и делал это в силу устоявшейся привычки и особенностей организма достаточно быстро. Несколько раз Харольд приближался к нему на расстояние пары кварталов, но в этот момент зомби словно ощущал, что свобода, которую он, в принципе, и оценить-то способен не был, вот-вот ускользнет от него, и, совершая заметное ускорение, уносился прочь от мага.

Бенефисом поисков стало, когда на четвертом колоколе преследования заклятье «поиска мертвой плоти» не выдержало испытания временем и развеялось. Неудачу эту Харольд воспринял достаточно болезненно. Если он не в силах удержать одно из простейших заклятий некромантии, то что уж говорить о сложных. Скоро ему будет не под силу контролировать своих подопечных, и тогда могут начаться серьезные неприятности.

Маг всерьез задумался над идеей бегства из Сартоса, да и вообще из Стигии, чтобы быть по-

дальше от Бруана, который неизвестно как воспримет желание Харви прекратить дружбу с ним. Но долго пестовать эту мысль у Харольда не вышло. Во-первых, он слишком боялся духа Камня, чтобы выкинуть подобный номер. Во-вторых, он обещал позаботиться об Орче. Да и судьбы Кри и Хиро́на не были ему безразличны.

«Будь, что будет, — подумал он. — Если станет совсем туго, тогда и буду глупости делать. А пока лучше обождать».

С такими мыслями некромант и побрел назад к дому. К счастью, заклятье сорвалось окончательно в тот момент, когда он ступил на улицу, по которой они с Бруаном и зомби прибыли в Сартос. Окажись он в другом месте, непременно бы заблудился. И даже спросить было бы не у кого, куда идти, очень уж у них домик был невзрачный, никаких ориентиров. А так, иди да припоминай повороты. Элементарно.

Но всё-таки магу суждено было заплутать в этот послеобеденный колокол. Случилось это по недоразумению. Харольд преспокойно дошел до того дома, где обитала их компания, а потом не менее спокойно прошел мимо. Здание оказалось еще более неприметным, чем полагал о нем Харви. Лишь спустя два квартала маг осознал, что совершил ошибку, и попытался вернуться. Не вышло.

Бродил он так еще примерно полколокола, пока случайно не вышел прямо к двери своего жилища.

— Мы тебя заждались! — встретил Харольда

вернувшийся Бруан. — Садись к столу, отобедай с нами. Всё по-простому, без излишеств. Как ты любишь.

Харольда несколько смутило множественное число в отношении едоков. Зомби в силу физиологии потреблять пищу не могли.

Но опасения оказались напрасными. Бруан просто усадил Орча и Кри за стол, поставил перед ними пустые миски с не менее пустыми кружками и вел беседы об особенностях того или иного блюда. Предлагал зомби угощаться, но когда те отказывались, не настаивал.

Харви усмехнулся, глядя на это, и занял предложенное ему место. На еду маг налег с непривычным жаром, поддержание заклатья «поиска» истощило его силы, и их срочно требовалось восстановить. И даже присутствие за столом Бруана не могло ему помешать.

— Молодец! — похвалил мага дух Камня. — Вот это, я понимаю, подход! Держи себя в форме, маг! Сегодня вечером мне предстоит нанести один очень важный визит. Я хочу, чтобы вы меня сопровождали.

— А Хирон? — уточнил Харольд. Вдруг ради такого случая дух вернет зомби к собратьям.

— И Хирон, — ответил Бруан. — Если возвратится.

Дождаться, пока Харви закончит трапезу, дух Камня не стал и со словами «дела, дела» вышел из дому. Маг был рад представившейся возможности побыть наедине, если, конечно, не считать Кри и Орча.

Сразу же после обеда Харольд приступил к тренировкам. Но теперь занятия анимагией он перемежал с элементарными упражнениями по некромантии. Окончательно эти навыки ни в каком случае утрачивать было нельзя. Хотя бы до тех пор, пока он находится в обществе живых мертвецов.

Одни заклятья получались у Харольда лучше, другие хуже, но все давались с огромным трудом. Это в тех случаях, когда речь шла о некромантии. С анимагией всё было проще простого. Даже в годы своей юности Харольд не мог с такой легкостью обращаться к животным и растениям. Харви жаждал поскорее избавиться от всех своих связей с прежним искусством и вернуться к миру природы. Но сначала надо было решить проблему с Орчем.

Из очередного похода Бруан вернулся на шестой слепополуденный колокол. Хирона с ним, к расстройству некроманта, не оказалось.

— Пора! — объявил дух Камня и велел готовиться к выходу.

Через четверть колокола вся компания шествовала в указанном Бруаном направлении и под его непосредственным руководством. После дневного преследования Хирона Харольд чуть-чуть проникся строением города и мог различить, что двигались они к морю. Когда некромант почти полностью уверился, что целью их является порт, Бруан свернул направо, на широкую, заполненную спешащими по своим делам горожанами улицу.

Через два десятка шагов дух Камня остановился перед большим красивым домом, над дверью которого располагалась вывеска «Сто золотых за человека».

— Нам сюда! — сказал Бруан.

В холле «Ста золотых» сидело пятеро молодых самого бандитского вида. Попытка пройти без очереди, совершенная Бруаном и компанией, пришлось им явно не по вкусу.

— Стоять! — закричал самый здоровый из молодых, вставая со своего места.

— Мы торопимся, — спокойно сказал Бруан.

— На Серые Равнины! — закончил за него здоровяк.

— Не суди о людях по себе, — посоветовал ему дух Камня, ни на миг не прерывая своего движения вперед по коридору.

— Что?! — не понял бандитского вида парень.

Бруан шелкнул пальцами, и все пятеро моряков, ожидавших приглашения, обратились в пепел.

— Он так спешил на свидание с Нергалом, — сказал Бруан, оборачиваясь к некроманту. — А отправлять его туда в одиночестве мне показалось некрасивым.

Харольд только хмыкнул. Парней ему было не жаль. Они бы их прирезали, даже не задумываясь. Что плохого в том, что дух отплатил им той же монетой?

Бруан на миг замер перед дверью, ведущей в следующее помещение, ожидая, пока некромант и зомби его нагонят. Потом отворил её и сделал

два шага вперед, чтобы и остальные могли войти в комнату.

Внутри также было немало народу. Один рыжий здоровяк, сильно напоминающий тех пятерых из коридора, симпатичная белокурая девушка в кольчужке, паренек лет девятнадцати и черноволосый мужчина в шитой золотом белой рубашке. К нему Бруан и направился.

— Брат! Как же я рад тебя видеть! — произнес он, широко расставив руки, чтобы принять в объятия черноволосого.

Несколько мгновений тот колебался, потом на лице его возникла улыбка.

— Брат! Я так долго тебя ждал! — сказал он, обнимая Бруана.

Глава 5

О визитерах

Интересная штука — радость. Чтобы её испытать, достаточно малого. Причем подчас поводом, её вызывающим, является такая нелепица, на которую в повседневной жизни и внимания-то не обратишь. Ну, кто радуется, к примеру, тому, что зубы не болят, или что дышать есть чем. А вот ныряльщик за жемчугом, чересчур засидевшийся на дне океана и понимающий, что подняться он, скорее всего, не успеет, за глоток воздуха полжизни готов отдать. Какая буря эмоций его одолевает, когда он всё-таки выныривает?! Он счастлив, словно ребенок. Он снова может дышать.

Так и Зелтран был готов выть от восторга и носиться по комнате, виляя хвостом. Наконец-то на него не стали накладывать сонное заклятье. Это могло означать очень многое, а могло ровным счетом ничего не значить, а потому Зелтран

не задумывался над глубинным смыслом произошедшего и просто радовался.

Правда, устраивать концерт с погоней за отросшим на копчике волосатым придатком позвоночника он не решился. Маг, в чьей комнате в настоящий момент проживал боцман, находился не в том настроении, чтобы адекватно воспринять собачью радость.

Еще совсем недавно Бирес, а именно так звали мага, благополучно дремал на своей кровати. Хотя слово «благополучно» для характеристики его сна подходило слабо, а по правде говоря, не подходило вообще. По телодвижениям мага становилось ясно, что снится ему не голубое небо и рыжее солнце, а нечто огромное и злопакостное. Несколько раз Бирес начинал кричать, а однажды заплакал.

Зелтран с ужасом ожидал того момента, когда маг проснется. Волшебники, как правило, люди с очень чуткой нервной системой и все несчастья, свалившиеся на них, принимают очень близко к сердцу. Душу при этом они отводят на любых близлежащих объектах, подчас не обращая внимания на степень их полезности. Проще говоря, до конца не отошедший от кошмара маг мог за просто испепелить собачку. Зелтрана такой вариант никак не устраивал.

На его счастье Бирес оказался морально устойчивым магом и чинить непотребства не стал. Ограничился извлечением из воздуха бутылки вина, её опустошением и броском в стену. Затем маг улыбнулся чему-то своему и сотворил закля-

тье, убравшее с пола осколки. На Зелтрана Бирес внимание обратил не сразу, но всё-таки обратил.

— Очухался? — поинтересовался он у боцмана.

Зелтран коротко гавкнул.

— И как себя чувствуешь? — снова задал вопрос маг.

Зелтран пролаял нечто, должное означать «нормально, но был бы не против обрести свое прежнее тело».

— Понятно, — вздохнул Бирес. Боцману показалось, что лай он всё-таки истолковал неверно. — Мне тоже не по себе. Но я Слепца не могу попросить сотворить мне заклятье, чтобы о Ксартти не думалось.

Как ни странно, боцман понял, о чем говорил стигиец. В прошлую его побудку в комнате, кроме Биреса, находился еще один маг.

Перед тем как его допросить, он сделал так, что Зелтран перестал испытывать то безумное чувство страха, что одолевало его уже на подступах к поместью. Вероятно, его источником и был тот самый Ксартти.

Зелтран тихо тьякнул в знак сочувствия.

Но маг беседы решил не продолжать. Вместо этого снова улегся на кровать, обхватил голову руками и уставился в потолок. И тут боцман сообразил, отчего стигийца мучили кошмары. Его вчера избили. Следов, разумеется, не осталось, благо в поместье есть кому раны лечить, а вот двигался маг так, словно его тело еще помнит все болевые ощущения. Шеей и левой рукой Бирес вообще старался не шевелить, постоянно

прикрывал локтем правый бок, то и дело жмурил глаза.

«Во те на! — подумал боцман. — Я и представить не мог, чтоб одного из Хозяев так отметить можно было. И ведь не поет и мебель не крушит, значит, еще понимает, что легко отделался. Эх, узнать бы, что же с ним такое приключилось!»

Уже около колокола единственным движимым объектом в комнате было пятно от солнца на стене. Маг лежал и смотрел в потолок, пес лежал и смотрел на мага. Оба ждали неизвестно чего.

— Плохи наши с тобой дела, пес, — вдруг ни с того, ни с сего произнес маг. Положения своего при этом он менять не стал. — Жить осталось нам совсем немного. Хотя, может статься, ты проживешь подольше. Вот только от собачьей шкуры избавиться не выйдет.

Зелтран твякнул, показывая, что заинтересовался.

— Подробностей желаешь? — спросил маг.

Снова короткое «гав».

— Пожалуйста, — ответил Бирес. — Наш с Карун-Ра план по устранению духов вчера вечером отправился прямиком в пасть к Нергалу. Теперь от ярма Ксарты нам уже не отделаться. Скоро, очень скоро эта тварь обо всем догадается и прикончит нас со Слепцом, а тебя пустит на ингредиенты для заклятий. На тебе сохранились следы, как минимум, одного из его братьев.

На этот раз лай был наполнен злобой и решимостью бросить вызов врагу.

— Помощь предлагаешь? — усмехнулся стигиец. — Вот до чего дошел! Собак в союзники набираю. Впрочем, ты третье в поместье существо, свободное от мысленного контроля.

Тут Бирес вскочил с кровати и быстрым шагом направился к гостившему у него псу. Зелтран аж отступил на шаг от неожиданности. Слишком уж резкой вышла смена настроения у мага.

— Интересно, пес! — сказал Бирес, присаживаясь на колени. В глазах мага горел огонек азарта. — Очень даже интересно. И может получиться. Ксарты настолько самоуверен, что наверняка всецело полагается на уже имеющиеся в поместье ловушки и на контроль сознания. Сегодняшний вор доказал, сколь мало это значит. Конечно, Ксарты усилит защиту, чтобы избежать подобных проникновений в дальнейшем. Но ведь ты уже внутри поместья, и к тому же не человек, а собака. Если тебе обеспечить магическую поддержку, может статься, ты и доберешься до Ксарты.

Боцман из всей этой речи понял то, что подбивают его на что-то опасное до крайней степени. И отказаться, похоже, никакой возможности. Хорошо бы как-нибудь истребовать от магов клятву вернуть привычный облик и отпустить на все четыре стороны.

— Надо обязательно переговорить с Карун-Ра на эту тему! — продолжал рассуждать Бирес. — А до тех пор...

Договорить он не успел. В дверь постучали.

— Сиди, слушай и запоминай, — велел псу Бирес. — Мы с тобой теперь заодно. Победим, будет тебе и жизнь, и тело. Проиграем, обоим конец.

Лаять Зелтран не стал, побоявшись, что человек за дверью может услышать. Просто кивнул лохматой головой. Бирес кивнул в ответ, в знак того, что понял.

Вошедший в комнату человек размеров был гигантских. Чуть меньше Конана, но зато побольше Сигурда. До знакомства с этими двумя северянами Зелтран полагал здоровяков людьми тупыми, способными лишь есть, пить да девок по кабакам лапать. Но теперь боцман в своих суждениях был более осторожен, а потому предвзято относиться к гостю не стал. Вполне возможно, перед ним маг огромной силы. В поместье таких должно быть немало.

— Проходи, Арзарес, — пригласил здоровяка внутрь Хозяин комнаты. — Желаеть чего-нибудь?

Голос у Биреса прямо-таки источал яд. Насколько это была игра, насколько правда, Зелтран отличить не мог. Скорее всего, маг просто привык вести себя подобным образом с незваными гостями.

— Нет, благодарю тебя, — ответил названный Арзаресом. — Я пришел по делу.

— По поручению Ксарты? — уточнил Бирес.

Арзарес никак не отреагировал, хотя Зелтран подозревал, что предыдущей фразой Бирес стремился его уколоть.

— Нет, но в его интересах, — сказал он и доба-

вил. — А значит, и в наших с тобой тоже. Не разделяю я твоего скептицизма.

— Тебе проще, — ответил ему Бирес, творя себе бутылку вина. — Я стражником не служил и к строгой субординации не приучен. Я умею подчиняться, но мне не нравится, когда за меня пытаются думать.

Арзарес улыбнулся и присел на свободный стул. Бирес уже давно развалился на кровати.

— Так говорят все новобранцы, — сказал бывший стражник. — Потом они понимают, что работать головой нужно с удвоенной силой, а если хочешь на лишний кусок хлеба заработать, то с утроенной. Озлобление, кстати, со временем проходит.

— Твоими бы устами... — вздохнул Бирес.

— Втянешься, — обнадежил его Арзарес. — Я с тобой хотел о вчерашнем визитере поговорить.

— О воре? — уточнил Бирес.

— Ну, и о нем тоже, — сказал бывший страж. — Но там разговор выйдет долгий. Сначала давай расскажи, что ты о татуированном думаешь, который полубога искал.

— Я же только его труп и видел, — удивился Бирес. — Наверное, много чего сказать можно было, да прихлопнул его наш Ксарты вместо того, чтобы допросить.

— А если убрать иронию? — попросил Арзарес. Словами этого здоровяка было не пронять.

— Странный субъект, — сказал Бирес, немного подумав, — который не вписывается в историю, рассказанную Ксарты. Судя по реакции духа, он

тоже не понимает, откуда этот татуированный туранец со своим Обществом взялся.

— Ты в курсе, что двух других членов этого Общества так и не нашли? — спросил Арзарес.

— Ничего удивительного, — ответил Бирес. — Наш Ксартти так организует поиски, словно специально стремится к отрицательному результату. И мне плевать, что он меня слышит. Я правду говорю.

— Заканчивай ерничать, — попросил товарища по искусству Арзарес. — Эти двое кажутся мне опасными противниками. Наверняка, они очень скоро выйдут на оставшихся братьев, и если один из них окажется тем самым полубогом, нас ждут большие неприятности.

— От меня-то ты чего хочешь?! — вспыхнул Бирес, но потом сменил гнев на милость. — Думаешь, разочарую тебя в твоих подозрениях? Если так, то правильно делаешь. Я не верю, что тело туранца предназначалось одному из братьев. Происхождение у них общее, и структура ткани бытия обязана быть схожей. А Ксартти сказал, что оболочка явно не под него делалась, он даже в неё вселиться не попытался.

— Ты опытной меня в таких вещах, — сказал Арзарес, — но нет никаких сомнений, что Общество к братьям имеет самое прямое отношение. Туранец говорил о видении, в котором ему явились четыре духа.

— Для самых сложных вещей, — сказал Бирес, прихлебывая вино, — обычно находятся самые простые объяснения. Скорее всего, один из брать-

ев и впрямь в прошлое свое пришествие организовал это самое Общество, которое должно было готовиться к его возрождению. Но срок ожидания оказался непомерно длинным, и однажды в ритуалы Общества закралась ошибка, и дальнейшие оболочки стали отличаться от той, что дух задумал для себя изначально. Повториться этот казус мог бесчисленное количество раз, и я почти не сомневаюсь, что именно так оно всё и было. В результате, к настоящему моменту тела членов Общества превратились в некую безумную субстанцию, имеющую отдаленное сходство с оригиналом. Этим и объясняется то, что привиделись туранцу четыре полубога вместо одного. Из его тела исчезли те составляющие, что отвечали за нахождение разницы между братьями во время исполнения ритуала обнаружения.

— Почему же Ксартти не пришел к таким же выводам? — не унимался Арзарес, хотя по лицу было видно, что доводы Биреса он принял.

— Испугался, — таков был ответ. — Он своих братьев как огня боится. Теперь, я думаю, сообразил что к чему, но поиски решил не отменять. Так, на всякий случай. Не забивай себе голову этими татуированными.

— И всё-таки! — решил добить тему бывший страж. — Что, если Общество организовал безумный брат? Его структура может быть иной.

Бирес оторвался от бутылки, внимательно посмотрел на собеседника, потом сделал еще пару глотков.

— Ты умнее, чем кажешься, — сказал он. — Я

о таком варианте не думал. Но, скорее всего, в этом случае вероятность ошибки в соблюдении всех тонкостей ритуала не меньше, а в несколько раз больше, чем во всех остальных.

— Твои слова вселяют уверенность, — промолвил Арзарес.

— Просто среди наших проблем, — отвечал ему хозяин покоев, — татуированное Общество — самая малая. Ты обмолвился в самом начале, что тебе есть, что поведать о ночном воре.

— Да, интересного обнаружилось предостаточно, — сказал бывший страж. — Но я хотел, чтобы при этом разговоре присутствовал и Карун-Ра. Здесь речь пойдет не о том, чтобы разрушить мои тревоги.

— Слепец сейчас не в том состоянии, — отзывался Бирес. — Ему пришлось вдвое хуже моего, а этот ночной вызов к Ксарту его окончательно подкосил.

Арзарес согласно кивал головой, слушая эти слова.

— Я удивляюсь, — произнес он, — как он вообще жив остался с такими-то повреждениями. И всё же полагаю, лучше повременить с разговором до его выздоровления. Думаю, он вскоре восстановит силы.

— Ну, нет! — возмутился Бирес. — Раз уж начал дело, то изволь довести до конца. Ты меня заинтриговал, и оставаться дальше в неведении я не желаю. Что там с этим вором? Ты, между прочим, так и не объяснил, зачем отпустил его!

— С этим-то всё просто, — сказал Арзарес. —

Я назначил за ним слежку, рассчитываю, что он выведет нас на заказчика. Только думаю, что и он не более чем посредник. Вернее, наемный работник.

— А в чем разница? — не понял Бирес. Зелтран тоже различия не уловил.

— Через посредника товар доставляется к заказчику, — объяснил бывший страж. — А в нашем случае никакого товара нет. Вора в поместье послали за пустышкой. Он вынес от нас всего два артефакта. Знаешь, каких?

Бирес замотал головой.

— Один служит для очистки жидкостей от ядов, — сказал Арзарес. — Другой посильнее, но его вор планировал оставить себе. Можно сказать, проявил инициативу. Решил прихватить один из универсальных ключей.

— Велика редкость! — усмехнулся Бирес.

Продолжать повествование Арзарес не спешил, ожидая, пока собеседник обдумает уже сказанное.

— Но ведь это бред, — сказал Бирес. — Кто-то подготавливает визит в нашу сокровищницу с такой тщательностью, что лишь по стечению обстоятельств вора удастся схватить. Вдобавок этот некто осведомлен о содержащихся у нас артефактах, потому как краже подверглись вполне конкретные образчики. Вор, по твоим словам, не стремился взять количеством. Однако, вместо того, чтобы похитить нечто действительно ценное, он хватает какое-то фуфло.

— Ты что, и вправду полагаешь все это бре-

дом? — Изумление Арзареса выглядело вполне натурально.

— Думаю, не всё так просто, — признался Бирес. — Однако, где подвох, не вижу.

— Н-да, — покачал головой Арзарес. — Далекі мы от народа. Любой следователь любой сыскной службы сразу сообразил бы в чем дело. То, что произошло вчера, это всего лишь инсценировка ограбления. Кому-то надо было сделать так, чтобы сложилось впечатление будто вор унес с собой нечто действительно ценное. На самом же деле этот пресловутый организатор уже давно вынес из сокровищницы заинтересовавшие его артефакты.

— И зачем ему было привлекать к себе внимание, — не понял Бирес, — устраивая представление с проникновением в поместье вора?

— Он боялся, что пропажу рано или поздно обнаружат, — дал ответ Арзарес, — и станут искать похитителя среди своих. А если бы его план сработал, то все подозрения, очевидно, легли бы на вчерашнего грабителя, которого требовалось только незаметно устранить, и тогда концов было бы не найти.

— Сет тебя дері, Арзарес! — воскликнул Бирес. — Твое прошлое оказалось не таким уж и бестолковым.

— Я уже составил список похищенного, — сказал бывший страж и протянул папирус Биресу. — Можешь оценить? Я не прошу подробностей, просто некое общее суждение, способное помочь в поисках. Действовать надо быстро, пока наш

похититель не оборвал все ведущие к нему ниточки.

Бирес взял составленный здоровяком документ и погрузился в его изучение. Выражение его лица при этом претерпевало постоянные метаморфозы. На нем успели отразиться: непонимание, радость, удивление, страх, торжество и еще с десяток чувств, неподдающихся четкой классификации.

— Очень-очень интересно, — наконец заключил временный хозяин Зелтрана. — С одной стороны, просто хорошая подборка артефактов, за которую на Закате можно выручить достаточно золота, чтоб отстроить немаленький замок. С другой, между всеми предметами проглядывается некая взаимосвязь. Оформить эти подозрения в слова я не могу, слишком малое мне известно. Скорее всего, существует некий артефакт, вокруг которого и должны формироваться похищенные усилители магии.

— Спасибо, — ответил Арзарес, — хотя ничего нового ты не сказал.

— Если оставишь мне списочек, — сказал Бирес, — я посижу над ним еще немного, вдруг сумею чего новое углядеть.

— Неужто наизусть не выучил? — усмехнулся бывший страж.

— Неужто копии для себя не сделал? — нашелся Бирес. — Оставляй. Когда Карун-Ра оклемается, он первым делом сюда зайдет. Мы тогда с ним на пару попытаемся обмозговать, на что артефакты сгодиться могут.

— Я вообще-то от него и рассчитывал получить ответ, — прямо заявил Арзарес. Зелтрана немного покорибила подобная некуртуазность, но Бирес, похоже, привык к манерам гостя. — Здесь нужна искорка, озарение, чтобы взаимосвязь угладеть, твоя же сила немного в ином.

— Сетовы кишки... — вздохнул Бирес, припал к бутылке и не отпускал её, пока всё вино не перекачивало в живот мага.

— И еще, — сказал Арзарес, — хоть я и понимаю, что это лишнее, но всё-таки попрошу тебя ничего не говорить Карфоту о том, что обнаружилась пропажа более, чем двух артефактов.

— Ты подозреваешь Карфота?! — воскликнул лысый маг.

— Я подозреваю всех, — сказал Арзарес, — но его в первую очередь. У Карфота было больше всех возможностей осуществить всю эту операцию. Доступ к сокровищнице у него имелся. Да и появлялся он там чаще всего, я это уже проверил. Следующим, кстати, идешь ты. Но это не главное. В распоряжении Карфота находится целая армия «лиловых», неподконтрольная более никому. Наши солдаты-шпионы преданы ему, как собаки. Обрати внимание, не Хозяевам или Черному Кругу, а отдельно взятому человеку — Карфоту. С их помощью он мог отыскать подходящего человека для проникновения в поместье, а особо доверенные люди должны были устроить правдоподобную гибель вора или его исчезновение. Теперь, когда грабителя поймали, все промежуточные звенья будут в срочном порядке лик-

видироваться. Остается надеяться, что моим людям удастся первыми выйти на посредников.

— Твоим людям? — Бирес слез с кровати и приблизился к гостю, словно сомневался, что правильно расслышал, и больше не желал допускать эту ошибку.

— Часть «лиловых», а также несколько горожан, — не смутился Арзарес. — Люблю иметь свои уши, чужим не всегда можно доверять.

— Ты — опасный человек, — очень серьезно сказал Бирес.

— Я внимательный и осторожный, — ответил ему бывший страж. — И не более. Кроме того, я предан общему делу.

Арзарес поднялся, бросил взгляд на Зелтрана. Пес счел за лучшее притвориться спящим.

— Постой, — обратился Бирес к Арзаресу, когда тот уже находился в дверях. — Почему ты не обратился к Ксарту? Он же читает мысли всех магов поместья. Если вор и в самом деле Карфот, он бы мог уличить его.

— Ему нет никакого дела до того, что не связано с его братьями, — ответил Арзарес. — Пришедшего к нему с такой просьбой он в лучшем случае прогонит, в худшем — пустит на опыты.

Биресу не нашлось, что возразить.

И Арзарес, видя, что продолжения не последует, решил, что пришло время закрыть дверь с обратной стороны.

— Ну, дела, — вздохнул лысый маг, вновь располагаясь на кровати. В руках его уже был тот самый заветный папирус.

Зелтран беспокоить стигийца не стал. Им обоим нужно было подумать. Биресу над списком похищенных артефактов, боцману над услышанным. Из обрывков фраз Зелтран кое-как сумел составить картину происходящего в поместье Хозяев.

Во-первых, с недавних пор власть здесь находится в руках некоего Ксарты, духа по происхождению. Имеются у этой твари братья, от которых он, Зелтран, судя по всему, и пострадал. Особенно насторожили боцмана слова мага о том, что Ксарты «читает мысли всех магов поместья». С учетом того, что Бирес рассчитывал использовать Зелтрана для борьбы с этим существом, узнать подобное было, мягко говоря, неприятно. Что может сделать простой пес с тем, кто поработил целое собище магов?! Но вроде бы Бирес и некий Слепец сумели вырваться из-под контроля Ксарты, это вселяло хоть какое-то подобие надежды.

Во-вторых, неприятности стигийцев одним этим Ксарты не ограничивались. Некий маг схитил из сокровищницы кучу артефактов и почти что сумел замести следы своей преступной деятельности. Что это давало Зелтрану? Выходило так, что пока ничего, но неизвестно, как события обернутся, и тогда эти знания могут пригодиться. Вдруг понадобится союзника среди магов искать...

— Странно это всё, — прервал размышления боцмана Бирес.

Он отложил список в сторону и сейчас расхаживал по комнате взад-вперед.

— Что думаешь, пес? — спросил он, когда взгляд его упал на Зелтрана.

Боцман замотал головой.

— Я тоже не знаю, что думать, — признался Бирес. — Всегда этого гаденыша терпеть не мог, а теперь не могу поверить, что он решился на подобное.

Зелтран понимал, о чем говорит стигиец. Нормальная ситуация, распространенная. Когда кого-то сильно не любишь, обычно неплохо представляешь себе, что это за человек, и на что он способен. Вот и сейчас, маг, наверное, рад бы обвинить этого Карфота да понимает, что промашка вышла.

В знак поддержки пес дважды пролаял.

— Ладно, — махнул рукой Бирес, — не тем я голову забиваю. Арзарес и сам с вором разберется. Лучше подумать, зачем эти артефакты могли понадобиться.

Снова взяв в руки список, маг прошествовал к столу. Достал чистого папируса и чернильницу. Перед тем, как приступить к работе, обернулся к псу.

— Помолчи немного, хорошо? — попросил он Зелтрана. — Мне сосредоточиться надо.

Боцман, в принципе, и не собирался беспокоить причинять, а после такого вообще решил даже не шевелиться. Настроение у Биреса, как он уже понял, имело свойство достаточно быстро меняться, и попасть под очередную вспышку его гнева пес не желал. Так что блохам, притаившимся на спине, выпало пожить еще немного.

На следующие два колокола комната погрузилась в атмосферу одновременно рабочую, давящую и безысходную. Бирес сидел, наносил записи и зарисовки на чистые листы папируса, перечеркивал всё, ругался в полголоса. Зелтран, как завороченный, наблюдал за ним. Было что-то гипнотическое в том, как трудился стигийский маг. Те увлеченность и упорство, что царили в душе этого человека, передавались всему, что находилось поблизости от него. Зелтран ощущал практически физическую необходимость засесть рядом с ним и посвятить себя разрешению загадки похищенных артефактов.

— Да, я слышу тебя, — вдруг неожиданно сказал маг. — Заходи, конечно. Ты в порядке? Ну, и хорошо. Да, есть новости. Много.

Зелтран понял, что сейчас будут еще гости.

— Вот сейчас придет Слепец, — обратился маг к псу. На лице его была ухмылка. — Посмотрит на списочек и скажет, что там и как. И к Нергалу всю мою работу. Талант, чтоб его!

Боцман отвечать не стал. Сначала посмотрим на этого Слепца в нормальной обстановке, а потом уже будем делать выводы и пускаться в дискуссии. Но по прошлой встрече впечатление от этого мага осталось у Зелтрана сильное.

Появился Слепец не скоро, во всяком случае, не так скоро, как его ждал Бирес. Лысый маг аж извелся от нетерпения.

— Плохо выглядишь, — бросил Слепцу Бирес, когда тот наконец соизволил объявиться.

В принципе, Зелтран был склонен согласить-

ся. Маг-альбинос смотрелся в самом деле жутко, даже на ногах держался с трудом. Под глазами его красовались огромные синие круги, губы были бледны, руки дрожали.

— Гениально, — ответил гость. — Ты думаешь, у меня все зеркала побились или просто решил лишний раз меня ткнуть вчерашней неудачей. Между прочим, именно ты, как последний дурак, ломанулся за духом.

— И настроение у тебя хорошее, — заключил Бирес.

— Сволочь! — отозвался альбинос.

Манера общения этих двоих отличалась от той, что демонстрировал Бирес в обществе Арзареса. Однако, несмотря на показную холодность, Зелтран чувствовал, что маги питают друг к другу глубокое взаимное уважение.

Ни один из них не ставил себя выше другого, а потому некая фривольность в подборе фраз была дозволительна.

— Я думал, что подохну, — сказал альбинос, занявший место в огромном мягком кресле, стоявшем рядом с окном. — На мне и так живого места не осталось, а тут еще эти двойники дурацкие. Чего я сразу не догадался оставить связку с физическими кондициями наших с тобой тел?!

— Так ты их вчера преобразовал?! — удивился Бирес.

— Или я сделал бы это, — ответил Слепец, — или Ксартти раскусил бы наш трюк. А тогда всё одно на Серые Равнины отправил бы, вот я и решил поднапрячься.

— Безумие какое, — промолвил Бирес. — Такое не под силу человеку, ты же сознание то и дело терял, когда тебя в поместье несли. Я помню. Мне не так сильно досталось.

— Тебе прям все секреты так и расскажи, — усмехнулся альбинос. — Я вообще-то двойников не преобразовывал, а сделал так, чтобы они сами занялись этим.

— Как это? — не понял лысый маг.

— Натравил их друг на друга, — улыбка Слепца стала еще шире. — Каждый раз, приходя в сознание, я бросал то одному, то другому призыв поколотить товарища, а ближе к поместью разнял их.

Бирес сначала было сдерживался, а потом завалился на пол в приступе хохота. Слепец явно тоже хотел присоединиться к веселью, но болезненное состояние тела не позволяло ему это сделать.

— Астральные двойники! Дерутся! — восклицал отошедший от смеха Бирес. — У тебя однозначно нездоровая фантазия! Вы все сегодня сговорились, решили поразить меня нестандартностью мышления.

— А кто еще? — полюбопытствовал Карун-Ра.

— Арзарес, заходил сегодня утром, — сказал Бирес. — С такими новостями, что зашатаешься.

— Рассказывай; если не секрет, — обратился к нему альбинос.

— Наоборот, — ответил лысый маг. — Он в первую очередь желал побеседовать именно с тобой, пришлось слова из него клещами вытаски-

вать. Ты в курсе утреннего проникновения в сокровищницу?

— Это когда Арзарес в порыве альтруизма отпустил вора? — уточнил Слепец. — В курсе. Забавное событие, плевок в лицо Карфоту и его службе охраны.

Биреса при этих словах перекосило. Еще одно напоминание о возможной виновности главного врага лысого мага.

— Я тоже свысока отнесся к произошедшему, — сказал Бирес, — пока Арзарес не просветил меня, что нам была представления лишь инсценировка. Реальное ограбление имело место быть задолго до сегодняшней ночи.

— У Арзареса есть основания так считать? — спросил посерьезневший альбинос.

— И вполне весомые, — ответил Бирес. — Вор пытался вынести два пустышечных артефакта, а при осмотре сокровищницы Арзарес обнаружил, что исчезли еще одиннадцать предметов. Серьезные вещички. Он оставил мне их перечень. Возьми на столе, посмотри.

Альбинос поднялся из кресла, пересек комнату, отыскал на столе нужный папирус, вернулся назад и, лишь усевшись, опустил свой взгляд на записи Арзареса.

— Чего-то не хватает, — заключил он через некоторое время. — Необходим еще один связующий предмет. У многих артефактов имеются перекрещивающиеся свойства, но заставить их взаимодействовать между собой без единой оси невозможно.

— И что могло бы ей стать? — спросил Бирес. Голос его дрогнул.

— Понятия не имею, — разочаровал его Карун-Ра. — Либо «лиловые» отыщут вора и мы сможем узнать это у него, либо он приведет цепь в действие, и результат окажется такой, что поверь, не заметить его будет очень сложно.

— О каких силах может идти речь? — Бирес решил докопаться до истины.

— Хватит, чтобы стереть Сартос с лица земли, — объявил Слепец. — Сложи мощь каждого артефакта и умножь результат на одиннадцать. Последний артефакт, как я уже говорил, явно стержневой, он соберет на себя суммарную силу оставшихся предметов, потом сольется с ними в монолитную линзу, что и послужит источником для увеличения мощности в разы.

— Основы я знаю, — сказал Бирес. — Мне интересно, какого рода может быть освободившаяся энергия? Для чего её можно использовать?

— Это я тебе не смогу сказать, — ответил Карун-Ра, — пока не увижу стержневого артефакта. Именно он заложит основу грядущего заклатья.

— Кому могло понадобиться творить подобное? — изумился Бирес. — Арзарес уверен, что это один из наших.

— Ксартти, похоже, доигрался, — нехорошо усмехнулся альбинос. — Сначала мы из-под его ярма выбрались, теперь еще кто-то решил рискнуть. Вполне возможно, связку артефактов наш похититель планирует применить против нашего духа. Вряд ли он такую мощь использует лишь

для освобождения собственного сознания. Уничтожить Ксартти куда заманчивей.

— Значит, мы должны его поддержать? — поинтересовался у Слепца Бирес.

— Ни в коем случае! — отрезал альбинос. — Ксартти, конечно, очень далеко зашел в своем презрении к людям. Сейчас он, насколько я понимаю, практически перестал блюсти контроль за сознанием. Иначе бы не допустил сосредоточения всех этих артефактов в руках одного человека. Но рано или поздно он проведет ревизию, и тогда вору конец. Но даже если он успеет задействовать своё оружие, я думаю, у Ксартти хватит сил перехватить удар или хотя бы отвести его в сторону. В магии он гений. Глупо пытаться играть с ним на том поле, где он равен богам.

— Всё равно, хорошо бы заполучить артефакты, — вздохнул Бирес.

— Они же были у нас в руках, — сообщил ему Карун-Ра. — Точнее, так считалось. Почему ты не полез в сокровищницу и не соорудил цепочку? Да даже из того, что там сейчас осталось, я могу собрать игрушку не слабее, а в разы сильнее той, что сейчас у похитителя. Но я этого делать не стану, и ты не станешь! Это ложная надежда, призрак. Ты будешь тешить себя мыслью, что на крайний случай у тебя кое-что припасено. Так поверь мне, это кое-что не сработает против Ксартти, а из-за этой глупой надежды ты не сможешь действовать в полную силу. Духа надо брать хитростью, а не напором!

— Убедил, — согласился Бирес. — Я тут приду-

мал пса против Ксарты использовать. Дух вряд ли соорудил себе защиту от собак.

Альбинос посмотрел на него, потом на Зелтрана. Улыбнулся.

— А может ведь получиться! — сказал Карун-Ра. — Соорудим ему защиту, наградим зубами и когтями, способными пробиться к самой сущности духа. Пес, ты готов?

Зелтран согласно гавкнул.

— И чего он тебе такого наобещал, — спросил у боцмана альбинос, — что энтузиазм через край хлещет? Ладно, клянусь Сетом, что бы ни наговорил, всё исполню, если Ксарты достать сумеешь! В первую очередь тело вернем тебе, а дальше говорить будем. Боюсь, с финансами у нас большие проблемы будут, когда всё это закончится.

— Делаем пса основным вариантом? — поинтересовался у товарища Бирес.

— Делаем! — утвердительно ответил Карун-Ра. — Такого Ксарты точно не ожидает. Единственное, времени на подготовку у нас не так много. Наш дух очень усиленно над чем-то работает, нельзя позволить ему довести до конца это предприятие. Неизвестно, как изменятся после этого его привычки.

— Оптимист, — укорил альбиноса Бирес. — Думаю, пережить воплощение в жизнь его задумки нам не суждено. Человеческие жертвоприношения еще никто не отменял, а мы все здесь просто идеальные кандидаты.

— Печальная перспектива, — сказал Слепец, — но правдоподобная.

— Хорошо бы установить, — мечтательно произнес лысый маг, — сколько у нас точно времени в запасе. Хотелось бы подкопить сил для решающего удара.

Карун-Ра откинулся на спинку кресла и принялся активно чесать подбородок.

— Знаешь, — сказал он, — нет ничего невозможного. Можно попытаться уловить импульсы сознания Ксарты, витающие в головах наших собратьев. Он ослабляет контроль, и если удастся установить, насколько сильно, рассчитать распределение этого процесса во времени... Возможно, мы и определим, когда его проект будет готов к завершению. Во всяком случае, я намерен этим заняться. И прямо сейчас.

— Помощь нужна? — спросил Бирес.

— Не помешает, — сказал Карун-Ра, вставая на ноги. Зародившаяся в сознании альбиноса идея словно изгнала часть слабости из его тела. Двигался он теперь более уверенно. — К тому же, еще раз посмотришь, как ходить сквозь преобразенное пространство. Творить будем в белой комнате.

Бирес покачал головой в ответ на его слова, но всё же последовал за альбиносом.

— Не скучай здесь, — пожелал Зелтрану Карун-Ра. Бирес ничего говорить не стал.

Так впервые за время бодрствования в стенах поместья Зелтран остался в одиночестве. Особой радости он, правда, по этому поводу не испытывал. Заняться-то было не чем. Резвиться и чесать блох в свете последних событий казалось

боцману неуместным. Обследовать комнату опасно. Бирес был из той категории людей, что записали всё что можно, а стигиец, будучи магом, еще и охранные заклятья наверняка навешивал сверху.

И тогда Зелтран принял крамольное решение. Он свернулся клубочком и постарался заснуть. Но только перед ним поплыли первые образы его собачьих грез, как комната наполнилась непонятным шумом, исходившим, казалось, отовсюду. Зелтран, на всякий случай, залез под кресло, в котором не столь давно сидел Карун-Ра. Это место представлялось боцману сравнительно безопасным.

— Проклятье! — огласил комнату крик. Источником его явился Арзарес. Маг стоял посреди комнаты и постепенно обретал телесность.

Если вначале присутствовали лишь ругань да нечеткие очертания человеческой фигуры, то спустя какое-то время Арзарес стал вполне плотным и непрозрачным на вид.

Как оценивать его появление, Зелтран не знал, а потому из-под кресла ничего, кроме морды не высовывал. К Арзаресу боцман испытывал наибольшую симпатию среди магов, но это было отнюдь не повод, чтоб безоглядно рисковать.

— Зелтран! — позвал пса маг. — Ты где? Хватит прятаться, я поговорить пришел.

Боцман решил, что раз он сюда явился по егошку, то рано или поздно он его отыщет, а собственное достоинство опускать ни к чему. Пусть видит, что он его не боится. С такими мыслями

Зелтран покинул убежище и лаем оповестил мага о своем появлении.

— Привет, пес! — сказал Арзарес и ласково потрепал Зелтрана по холке.

Боцман к ласкам расположен не был и от руки мага поспешно отстранился.

— Извини, забыл, что ты человек, — повинился бывший страж. — Просто люблю собак, а слушая пообщаться давно не было. И вообще скучаю я по старой жизни. Ты ведь есть, наверное, хочешь?

Зелтран подумал и понял, что хочет и очень даже сильно. Арзарес развернул сверток, что всё это время держал в руке, и положил его перед псом. Внутри оказалось мясо. Чистое, постное, без следа жира. Однако, приступить к трапезе боцман не спешил. Мало ли чего туда маг подмешал.

— Ешь, не бойся, — сказал Арзарес. — Хотел бы тебя убить, отыскал бы менее заумный способ. Поспорить готов, Бирес тебя на голодном пайке держит. Он у нас только о птичках заботиться приучен.

Боцман тем временем наплевал на осторожность и начал поглощать мясо. Лучше умереть от яда, чем от голода. К тому же, последняя смерть виделась Зелтрану более вероятной.

— Если ты не против, — обратился к псу маг, — я не буду дожидаться, пока ты доешь. Бирес может скоро вернуться, а мне тебе надо успеть кое-что рассказать. Ты слышал, о чем мы говорили сегодня с Биресом?

Зелтран на миг оторвался от мяса, чтобы излить из своей глотки утвердительное «гав».

— Значит, знаешь о воре, проникшем в поместье, — сказал Арзарес. — Так вот, это твой капитан. Киммериец по имени Конан.

Вести были столь шокирующими, что боцман напрочь забыл о мясе и уставился на мага, желая услышать продолжение рассказа.

— Мы заключили с ним договор, — произнес Арзарес. — Об этом, правда, никто не знает, кроме его и меня. Такое вот тайное соглашение. Киммериец пообещал найти и убить тех двух татуированных людей, о безвредности которых мне проповедовал Бирес. Я же в ответ должен вызвать тебя. Вот я понемногу и готовлюсь к исполнению своей части договора. Тренируюсь в перемещении по искаженному пространству. Карун-Ра и Бирес даже не догадываются, что я способен на подобное, и прошу тебя, не надо сообщать им об этом.

Зелтран даже и не допускал подобного. Чем больше вариантов на спасение, тем лучше. А если удастся избежать встречи с Ксарты, то совсем замечательно.

— Думаю, тебе уже немного осталось томиться в неволе, — сказал бывший страж. — По моим сведениям киммериец уже выследил одного из татуированных. Если он и дальше будет действовать в подобном темпе, то уже завтра утром я доставлю тебя на твой корабль. Так что постарайся нигде из этой комнаты не исчезать. Договорились?

Очередное «гав».

— Тогда оставляю тебе мясо, — сказал Арзарес, — а сам исчезаю.

Вновь комнату заполнил гадкий шум. У Зелтрана аж аппетит пропал. Не особо приглядно выглядела и картина растворяющегося посреди комнаты мага.

Но мясо боцман всё-таки доел, чтобы не оставлять следов. Хорошо хоть сам сверток Арзарес с собой взял, а то пришлось бы и его проглатывать.

На сытый желудок мысль о кратковременном перерыве на сон уже не казалась Зелтрану столь дикой. Всё живое нуждается в отдыхе. Не прошло и пары мгновений, как глаза пса слиплись... и он очутился за штурвалом «Вестрела», рассекающего волны Западного Океана. Кричали чайки, ветер трепал волосы, соленые брызги летели в лицо...

Проснулся Зелтран от звука человеческого голоса. Точнее, голосов. В комнате сидели Бирес с Арзаресом и за чашкой дымящегося напитка что-то обсуждали. За окном уже стояла ночь.

— Слежка, установленная за воров, — говорил Биресу бывший страж, — принесла свои результаты. Он вывел нас на укрытие своего непосредственного заказчика. Того, как я и предполагал, уже успели отправить на Серые Равнины. «Лиловые», которым было поручено официальное расследование, поспешили с прискорбием заявить о невозможности продолжить поиски. К счастью, мои люди дублировали все процессы.

Они узнали, что дом, который посещал грабитель, является место сбора одной из основных городских шайк, главарь которой, помимо всего прочего... «лиловый»!

— Не может быть! — воскликнул лысый маг, чуть не выронив чашку от удивления.

— Может, — спокойно сказал Арзарес. — Они покрывали своего. Пришлось провести с ними пару нравоучительных бесед.

Зелтран представил, какие методы убеждения мог использовать этот здоровяк. Попавшимся «лиловым» он не завидовал.

— И что? — спросил Бирес.

— Рассказали всё, что знали об этом «лиловом», — сообщил Арзарес. — Интереснейший был человек. Вел двойную жизнь, причем и там, и там был успешен. Но самое главное, он являлся одним из личных порученцев Карфота.

— Значит, всё-таки он? — в голосе Биреса слышалось разочарование.

— Никаких сомнений, — отрезал Арзарес. — Особенно в свете его исчезновения. Если бы он был невиновен, то хотя бы попытался оправдаться. Существуют же методики глубинного изучения сознания. Ты или Карун-Ра могли проникнуть в его воспоминания и убедиться, что он не имеет никакого отношения к похищению. Неприятно, конечно, но смерть не лучше.

— Кто занимается его поисками? — спросил Бирес. — Можно ли доверять «лиловым» после того, что произошло с Карфотом?

— Кому-то можно, кому-то нет, — философ-

ски заметил бывший страж. — На поиски Карфота я отрядил своих людей, в их преданности и компетенции можешь не сомневаться. Самое позднее завтра вечером он будет у них в руках. Надеюсь, он не успеет за это время собрать ту цепочку, о которой ты мне рассказывал.

— На подготовку заклятья такого уровня, — сказал Бирес, — нужно много времени. И если погоня будет наступать ему на пятки, то он просто не выручит момент для своей волшбы.

— В этом будь уверен, — заявил Арзарес. — Передышки мы ему не дадим.

После этого маги выпили еще по чашке горячего травяного настоя, усладив свой слух и уста беседой об особенностях магической школы иллюзии. Арзарес видел большие перспективы в использовании в бою иллюзорных заклятий, Бирес возражал ему, указывая на области, в большей степени достойные приложения сил. К общему итогу маги так и не пришли, но беседой остались довольны. Уходил Арзарес явно в приподнятом настроении.

Оставшись в одиночестве, Бирес немного посидел над составлением каких-то непонятных Зелтрану колдовских схем, потом умылся и отправился спать. Свет в комнате начал медленно затухать.

Боцман решил, что правильным в данной ситуации будет последовать примеру мага.

Завтра, вполне возможно, предстоит тяжелый день, и хорошенько выспаться в его преддверии не повредит.

Стук в дверь раздался примерно в полночь. Ну, если верить реакции Биреса на него.

— Полночь уже давно, а идиотам еще не спится! — заявил маг, шествуя к двери. Гнев и непонимание, обуревавшие душу стигийца, Зелтран понимал и полностью разделял.

Ночным гостем оказался совсем молоденький маг. И так невысокий от природы, под грозным взглядом Биреса он сжался еще больше.

— Чего надо? — поспешил узнать у него Бирес, пока тот совсем не растворился.

— Пророк он... это...

— Опять заговорил, пень старый?! — Новость, похоже, затронула Биреса за живое.

— Нет, — промолвил мальчонка. — Он умирает.

Глава 6

О границах разумного

Начала он был совсем маленьким, с песчинку, не больше. Но Сигурд сразу понял, что это он. Рядом мелькали лица людей, иногда среди них попадались знакомые. Все они что-то кричали ваниру, старались обратить на себя его внимание. Но взгляд Сигурда был устремлен в одну-единственную точку, имя которой было Бруан.

Ванир поднял ногу, желая раздавить безумного духа. Но оказалось, что между ним и Бруаном существует некий невидимый барьер, пробиться сквозь который у первого помощника никак не получалось.

А песчинка начала расти. Медленно, но неотвратимо дух увеличивался в размерах. Когда он стал на голову выше Сигурда, ванир понял, что надеяться одолеть Бруана глупо и надо постараться спасти свою жизнь. И он ринулся прочь

от духа. На лицах встречавшихся ваниру людей мелькали злорадные улыбки.

Сзади раздался громоподобный хохот.

Раньше Сигурд никогда не слышал, чтобы Бруан так смеялся, но никаких сомнений не оставалось, что именно так он и должен выражать своё истинное веселье. Ванир обернулся, чтобы оценить, до каких размеров разросся дух, и ужаснулся. Он занимал собой половину неба.

Рука Бруана устремилась к Сигурду, и он понял, что не успеет увернуться.

Тогда он закричал...

...и проснулся.

— Всё в порядке, — Тара приложила к голове ванира тряпицу, смоченную в холодной воде. — Всё будет хорошо. Успокойся, пожалуйста.

— Прости, — вздохнул Сигурд. — Снова кошмар.

— Уже третий, — добавила Тара.

— Не могу так больше, — сказал ванир, приподнимаясь с постели. — От такого сна пользы ни на грош.

Сигурд понимал, что сам во всем виноват. Он допустил ошибку. Одну из тех, за которые расплачиваются жизнью, и то, что он еще не на Серых Равнинах, удача невероятная.

Вчерашний вечер на события вышел исключительно богатым. Сигурд и Тара всю вторую половину дня занимались тем, что обходили те дома, где мог появиться дух-любовник. Но везде результат оказывался отрицательным. Ближе к концу Тара не выдержала и принялась высказы-

вать Сигурду всё, что думает о нем, о Коратцо, о духах и об этом проклятом городке. Потом, правда, долго извинялась за свое поведение. Девушку можно было понять. Она добровольно вызвалась пройти по местам боевых подвигов любовника в её теле, и всё безрезультатно. Разве что они с Сигурдом препроводили к Нергалу нескольких особоретивых бывших знакомцев Тары.

Коратцо дома они не застали. Видимо, дух решил остаться в «Ста золотых». А может, они с Черсом чего-то накопили и сейчас идут по следу. В любом случае, следовало наведаться в лавочку по поиску братьев. Сигурд собрал немного еды, отнес её в подвал Бродо. Агрессцу на трапезу выделили традиционную четверть колокола. После Сигурд вновь связал ему руки, воткнул кляп в рот и оставил коротать вечер в одиночестве.

По дороге в «Сто золотых» Сигурд и Тара решили, что вызовут Коратцо на откровенный разговор. Пора было прекращать игры. Когда они этой ночью полезут в поместье, то для всех будет лучше, если Коратцо поведаёт о своих реальных возможностях. И план следовало составлять с учетом того, что зингарец никакой не колдун, а довольно могущественный дух.

В лавочке обнаружили оба: и Черс, и Коратцо. Никаких зацепок у них не появилось, просто дух остался помочь юнге.

Тот едва справлялся, желавших подзаработать пиратов и горожан сегодня было как никогда много. Разговор пришлось немного отложить. Сигурда с воительницей отправили в одну из зад-

них комнат, где они могли отдохнуть и не мешаться под ногами. Последние данную идею восприняли вполне нормально, и скоротали за кувшином вина почти целый колокол.

Спустя означенный срок к ним в комнату зашел Черс и объявил, что они с Коратцо решили устроить небольшой перерыв. Ничего с моряками не станется, если немного подождут своего золота. Этой паузой Сигурд с Тарой и воспользовались, чтобы прояснить все проблемные вопросы.

Коратцо ничего отрицать не стал. Только спросил, согласны ли они и дальше сражаться вместе с ним. Сигурд был готов сразу ответить, что «да», но Тара потребовала объяснить, чего именно дух намерен добиваться и к каким методам для этого прибегать. Коратцо вновь не стал юлить и заявил, что собирается сделаться одним из богов этого мира. Что до средств, то здесь двух вариантов быть не может. Богам нужна паства, её сбором он будет заниматься после того, как расправится с братьями.

И в тот момент, когда Тара и Коратцо углубились в вопросы сути божественности, в комнате объявилась довольно странная компания.

Трое нездорового вида молодых людей и старик с затравленным взглядом. Надо было видеть лицо Коратцо, когда один из этих посетителей шагнул к нему и назвал его братом.

Вот так и ворвались в жизнь Сигурда безумец и его свита. Старик оказался некромантом, девушка и парень его слугами-зомби. Новообретенный брат Коратцо назвался именем Бруан. Нис-

сколько не озабочиваясь проблемами использования магии, дух сотворил в приемной огромный стол, доверху заставленный самыми изысканными яствами. Пригласив всех вкусить его даров, Бруан налил себе вина и начал рассказывать о своих странствиях.

Уже тогда Сигурд подумывал о том, чтобы его убить. Зачарованное оружие по-прежнему висело на поясе у ванира, один удар, и нет духа. Останавливало его только та доброжелательность, с которой Коратцо отнесся к брату. Совсем недавно он его поносил и грозился учинить расправу, а сейчас сама обходительность. Да и Тара то и дело невзначай касалась своей рукой руки ванира, давая понять, что необходимо держать себя в узде.

В «Ста золотых» они засиделись допоздна. У Бруана нашлось, что поведать брату. Сигурд слушал его рассказ в пол-уха. С самого начала стало понятно, что пользы от болтовни духа никакой. Похождения его хоть и отличались разнообразием, зато логика в них отсутствовала напрочь. Соответственно, и пользы никакой.

— Братишка, а ведь я его знаю, — неожиданно сказал Бруан и указал рукой на Сигурда. — Его зовут Сигурд, и он помощник капитана на пиратском корабле «Вестрел».

— Это так, — коротко ответил ванир.

— Интересно, откуда я это узнал? — спросил у Сигурда заметно оживившийся безумный дух. — Или ты сам обо все догадался? Просвети же нас!

Ванир ощутил, как в нем растет неприязнь к этому духу.

— Мне не постичь твоих путей, — ответил он. — Хотя сказать, что меня этот вопрос сильно интересует, значит соврать.

— Ну, тогда не будем ходить вокруг да около, — порешил Бруан. — Я побывал в головах четверых моряков с вашего корабля. Занятные ребятки, только немного ограниченные, никакой фантазии.

— Ясно, — сказал начинающий звереть Сигурд.

— Но я внес частичку разнообразия в их жизнь, — продолжал дух Камня. — Хорошая вышла игра. Ты бы видел их лица, когда я обратил в пепел одного из их товарищей. Да, что я, собственно, всё говорю и говорю, когда можно показать?

Сигурд ощутил мощнейший поток чужих эмоций, ринувшийся в его сознание. Его глаза уже не были его глазами, равно как рот, уши, нос да и всё прочее. Ванир оказался в теле того парня, которому предстояло обратиться в идола. Имени его Сигурд не помнил. Забыл его и моряк, с ужасом наблюдавший за приближением магической искры. Мир парня сжался до этого единственного огонька, собрат которого только что испепелил его друга. Жизнь не проносилась перед глазами. Она замерла.

Затем Бруан закинул ванира в тела Зелтрана и Грува. Сигурд мысленно дрожал от ужаса и жалости.

Он был единым целым с каждым из троих. Их чувства были его чувствами, первый помощник

даже не мог разобраться, какие из мыслей его собственные, а какие привнесенные. Единственным, что происходило синхронно, был отсчет, ожидание того момента, когда всё закончится. Неважно как, главное — закончится.

— Понравилось? — поинтересовался Бруан. — Такое ни с чем не сравнится. Правда, брат?

— Я знаю тех, кто с тобой бы поспорил, — уклончиво ответил Коратцо.

— Ты жесток, — заявил Бруану Сигурд.

— Ничего подобного! — отверг обвинение дух. — Мне нет дела до чьих-либо мучений, меня интересуют эмоции. К тому же, отправляя тебя в это маленькое путешествие, я не стал окончательно убирать границу между вами. Я же не только сметал все преграды, я еще и лишал себя своей собственной сущности. Я был ими до самого последнего момента и лишь после смерти или перевоплощения возвращался в своё сознание.

— По-прежнему видишь себя центром мира, — сказал брату Коратцо.

— И вновь ошибка, — рассмеялся Бруан. — Я один из немногих обитателей мира, что воистину заставляют его крутиться вокруг себя. И совершенно неверным было бы воспринимать себя, лишь как его составную часть, или соглашаться на простое безвольное прозябание.

Коратцо попытался оспорить братово утверждение, но Сигурд вновь отрешился от беседы. Он решил для себя, что во что бы то ни стало попытается убить Бруана. Вполне возможно, что дух Камня сознательно его провоцировал, но есть

вещи, которые нельзя прощать. Он должен отомстить за своих товарищей!

К осуществлению данной задумки ванир рассчитывал приступить уже этой ночью, когда вокруг будет не столь много народу. Он не сомневался, что скорое расставание с безумным духом им не грозит. И действительно, Коратцо предложил Бруану и его свите погостить у него. Сигурд было напомнил, что этой ночью они собирались навестить еще одного брата зингарца, а заодно расколдовать Зелтрана и Конана. Тем более, теперь, после объединения с Бруаном, сил у них поприбавилось. Безумный дух расхохотался, словно ванир сказал нечто до невозможности смешное. Потом заявил, что уж им-то в поместье этой ночью точно нечего делать. Коратцо с братом спорить не стал.

На пороге дома Бродо Сигурда ожидал очередной пренеприятнейший сюрприз. Ванир шел на несколько шагов впереди остальных, не желая слушать болтовню Бруана, а потому именно он и оказался тем, кто распахнулся дверь... и встретился лицом и лицу с хозяином дома.

Аргосский оружейник за полдня изменился разительным образом. Человеком он уже не был. На первый взгляд, возникшее перед ваниром существо состояло исключительно из воды, принявшей облик Бродо. Выражение лица у твари наводило на мысли, что она собирается припомнить Коратцо и его товарищам всё, включая свой нынешний внешний вид.

— Элементаль! — завопила Тара.

В этот же миг Бродо попытался достать Сигурда ударом справа в висок. Ловкости у полного оружейника заметно поприбавилось, но ванир всё-таки успел увернуться от водянистого кулака. Часть косяка, на которую пришелся удар, разлетелась в щепки. Элементаль вновь размахнулся, готовясь к повторной атаке, но в этот момент его коснулась рука Коратцо, в два прыжка добравшегося до места схватки. Соприкосновение с духом Камня закончилось для Бродо смертью. Элементаль превратился в самую обыкновенную лужицу воды.

В своем молчаливом желании выяснить, что произошло, всё проявили исключительное единодушие, даже старик со своими зомби. Исключение составил Бруан, на которого и были обращены все взгляды.

— Не имею к случившемуся, — заявил безумный дух, — никакого отношения.

— Что с него взять?! — махнул рукой Сигурд и тем самым на правах основного пострадавшего похоронил тему.

Оказавшись дома, ванир отправляться на отдых не спешил. Ему хотелось выяснить, какую комнату выделит Коратцо для своего сумасшедшего братца, и где разместится его свита. Без этого проблематично будет хороший план по устранению духа.

Из общения с Коратцо Сигурд извлек понимание того, что хоть по своей природе порождения Камня и не нуждаются в отдыхе, но человеческая оболочка имеет свойство изнашиваться, и

потому духи не чужаются сна. Зингарец перед погружением в грезы возводит вокруг себя непробиваемую стену из защитных заклятий, а вот безумец может себя подобными вещами и не озабочивать. Рискнуть, в любом случае, стоило.

Первым об отдыхе запросил некромант. Еще уточнил, зараза, чтобы его, если можно, поселили с зомби в разные комнаты.

Просьбу исполнили, но на определенные размышления она наводила. Неужели старик опасается своих мертвяков?! Вроде, ничем другим подобное поведение не объяснишь... Но не означало ли это того, что ночью по дому будут шататься бесконтрольные мертвецы?

Еще неприятностей Сигурду добавила Тара, которая, похоже, догадалась о намерениях первого помощника и прикладывала все усилия к тому, чтобы увести его наверх и не дать заполучить жизненно важные для удачного планирования сведения. Ванир отбивался, как мог, но постепенно приходило осознание того, что придется сдаться, дабы не вызвать подозрений.

— Ну, всё! — как обычно, совершенно внезапно объявил Бруан в тот момент, когда Сигурд уже практически расстался с надеждами досидеть до конца. — Завтра у нас у всех самый сложный день! И хорошенько выспаться просто необходимо!

Спорить никто не стал. Комнату Бруан получил на первом этаже, ближайшую к лестнице. Сигурда это вполне устроило, и он с легкой душой отправился к себе, возводить мысленную

конструкцию действий по устранению безумного духа.

Тара пришла не сразу, как ожидал Сигурд, а выдержала паузу в четверть колокола. Соблюдала конспирацию. Выражение её лица не предвещало для ванира ничего хорошего.

— Забудь об этом! — решительно заявила воительница, сложив руки на груди. — Тебе его не одолеть.

— Если не пытаться, — сказал Сигурд, — то не одолеть. В прошлое пришествие он погиб. И прикончил его не один из братьев, а наймит его отца. У них у всех есть слабости, которыми можно воспользоваться. С Бруаном сложность в том, что совершенно непонятно, где и когда он допустит ошибку. Поэтому единственная возможность его убить в том, чтобы совершить как можно больше попыток. И моя будет первой.

— А значит, обреченной на провал! — прошипела воительница, ни на шаг не отходя от двери, словно боялась, что ванир только и ждет того, чтоб вырваться наружу и побежать сводить счета с Бруаном.

— Я так не считаю, — покачал головой ванир. — Шансы одинаковые, что в первый раз, что в сто первый.

— Да! Они одинаково ничтожно малы, дурак! — сказала Тара. — Где же твоя вера в лучшего друга всех людей — Коратцо? Поговори с ним для начала.

— Он может мне запретить, — ответил Сигурд. — Наложит заклятье, не позволяющее при-

близиться к брату. Не знаю, что им движет. Наверное, есть какие-то мотивы, но я желаю смерти Бруана здесь и сейчас. Он заплатит за то, что сделал с моими людьми!

— Что у вас тогда произошло? — спросила Тара. — Он пообещал тебе что-то показать, а через мгновение спросил, понравилось ли... Потом говорил о каких-то границах в сознании. Признаться честно, я толком ничего не поняла:

— Это словами не передать, — грустно проговорил Сигурд. — В одном он прав, ощущения грандиозные. Он залезал в них, смотрел, как ребята мучались, и получал от этого удовольствие, сволочь этакая! У человека после десятка таких погружений крышу бы сорвало напрочь, а для него это всего лишь своеобразное представление.

— Позволишь ему теперь воспользоваться собой? — поинтересовалась Тара. — Думаю, ему понравится наблюдать твою агонию.

— Мне будет всё равно, — спокойно ответил Сигурд. — В преддверии смерти дух-наблюдатель меня вряд ли будет волновать. Поверь, я это знаю. Меня сегодня очень любезно просветили на этот счет.

— Я не хочу тебя пускать к нему, — продолжала настаивать Тара. — Вспомни, что он сделал с беднягой Бродо!

— Тара, я отлично знаю, — сказал Сигурд, — что он способен на всё. Только это слово достаточно полно характеризует его возможности. Но я должен попытаться. И сделать это здесь и сейчас. Я просто не могу больше ждать.

— Я понимаю, — ответила воительница и села на кровать рядом с ваниром.

— Дождись меня, — попросил Сигурд. Он сам толком не понимал, что имеет в виду. Просто хотелось знать, что кто-то верит в него и ждет.

— Ты справишься, — уверила его Тара. — Уже придумал, как будешь его убивать?

— Так, есть наметки..., — ответил первый помощник.

— Обсудим? — спросила Тара.

— Конечно, — усмехнулся. — Глупо пренебрегать твоим опытом в подобного рода делах.

Планирование хоть и свелось к перебору вариантов с различными видами оружия, но затянулось почти на целый колокол. Также разобрали, как надлежит действовать, если Бруан по-прежнему бодрствует, или если его и вовсе нет в комнате. Тара настаивала, чтобы Сигурд выучил несколько элементарных заклинаний «тишины», «света» и «темноты», но ванир отказался, мотивируя это тем, что дух скорее почувствует магию, чем проснется от скрипа половицы.

— Есть еще одна вещь, — сказала воительница, когда были утверждены последние детали плана.

Она подошла к Сигурду и прильнула к губам ванира.

— Надо как-то убить еще колокол или полтора, — проговорила она и кинула взгляд в сторону кровати, — дождаться, пока Бруан заснет.

В результате, комнату ванир покинул лишь спустя три колокола. Правда, по этому поводу он

нисколько не расстраивался. И всё-таки Таре удалось добиться желаемого: Сигурд уже не ощущал той бездумной храбрости, что вкупе с самоотрешенностью совсем недавно правила бал в его сознании. Подобные настроения ныне представлялись первому помощнику самоубийственными. На месть следует идти с холодной головой и ни на миг не забывать об осторожности.

— Привет, — раздался голос в темноте коридора. Чья-то рука легла на плечо ванира.

Сигурд резко крутанулся на пятках и попытался схватить ночного гуляку, но тот оказался достаточно ловок, чтоб увернуться от хватки пирата.

— Я не желаю драться, — вновь раздался голос. И не оттуда, где Сигурд предполагал, место нахождения его обладателя. — Давай поговорим.

— Ты кто? — спросил Сигурд. Правая его рука лежала на эфесе меча. Ванир был готов в любой момент продолжить схватку.

— Зомби, — ответил голос. — Ты меня уже видел. Так повелось в последнее время, что я иногда оживаю. Пошли в нашу с Кри комнату.

— Хорошо, — согласился ванир.

Спорить с мертвяком было как-то не с руки. Он мог поднять шум, и тогда план по ликвидации Бруана отправился бы в пасть к Нергалу. С другой стороны, у зомби, возможно, найдется, что сообщить ему о привычках безумца.

У ванира сложилось впечатление, что старик и его подопечные несколько тяготились обществом Бруана.

Комната слуг некроманта освещена была слабо. Лишь две свечи горели на столике у окна. Но даже в этом полумраке ванир разглядел, что женщина-зомби накрепко связана по рукам и ногам, а во рту у неё торчал кляп.

— Достала она меня, — поспешил объяснить. — Честное слово, достала! В первое время мне её пыл даже на руку был, но сколько же можно?! Надо и меру знать...

Ванир ничего не понял. Зомби заметил это.

— В подробностях долго объяснять, — сказал он. — Просто поверь, что так лучше. Для всех.

— Наверное, — сказал Сигурд, вспоминая решение некроманта спать в другой комнате.

Зомби взял со стола бутылку с вином и протянул её ваниру, но тот от предложения отказался. Не хватало только на Бруана идти с винными парами в голове.

— Как знаешь, — сказал зомби. — А я пытаюсь отхватить от жизни побольше удовольствий, пока в состоянии их ощутить. Еда, вино, женщины. Вот соль нашего мира.

— Ты позвал меня, — спросил ванир, — ради философского диспута?

— В общем-то, да, — признался оживший мертвец. — Ты, так я понимаю, собираешься убить Бруана. Я никак не могу определить своё отношение к этому предпрятию.

— Решай скорее, — попросил зомби ванир. — Или ты мне помогаешь, или я ухожу. Попытаешься помешать — убью.

— Помогать я тебе не буду, — честно сказал

зомби. — А вот посмотреть на то, сумеешь ли ты меня убить, было бы интересно. Это разрешило бы некоторые вопросы относительно формы моего нынешнего состояния. Но существует немалая вероятность, что я выйду из схватки победителем, и тогда некого будет отправлять к Бруану.

— Я тебя не понимаю, — сказал Сигурд. — Кем бы ты ни был, боюсь, что безумие духа перекинулось и на тебя.

— В этом нет никаких сомнений, — не стал спорить мертвец. — Было бы странно, если бы метаморфозам подверглось исключительно тело, а сознание осталось нетронутым. Я пытаюсь проследить за направляющей изменений, выяснить, к чему я приду. В отдельно взятом случае представляется возможным сделать прогноз.

— Решил взять паузу, — догадался Сигурд. — Не знаешь, стоит ли двигаться дальше или предпочтительнее остановиться.

— Совершенно верно, — согласился зомби. — Я услышал твои шаги и сделал вывод, что ты собираешься потревожить сон Бруана. Я еще не определился, как относиться к нему. Потому и попросил тебя повременить. Пойми, решается моя судьба.

— Что ж, немного времени я могу тебе дать, — сказал ванир. Если удастся обойтись без поединка с мертвецом, то это очень даже хорошо и стоит ожидания. Сигурд не решился бы сказать, что представляет из себя тело его потенциального противника. Вон Бродо меч вряд ли бы взял, с этим всё может быть еще хуже.

— Спасибо, — очень серьезно ответил зомби. — Еще я был бы очень благодарен, если бы ты не отстранялся от разговора. Вдвоем будет проще разобраться, что к чему.

— Что же ты хочешь от меня услышать? — спросил Сигурд.

— Ответы, — сказал зомби. — Я похож на человека?

— Только внешне, — сказал ванир. — Если ход твоих мыслей соответствует тому, что ты говоришь, у тебя проблемы с восприятием окружающей действительности. Скорость мышления сравнительно мала, что удивительно при нормально работающей логике.

— Я прокручиваю в голове одну и ту же мысль по несколько раз, — продолжил размышления ванира мертвец. — Концентрируюсь на ней, слежу, чтобы она никуда не исчезла. Это ненормально. Раньше было иначе. Можно предположить, что будет дальше. У меня начнутся приступы неконтролируемой агрессии, связанные с тем, что мысли начнут ускользать, а желание думать никуда не исчезнет. Я уже сейчас ощущаю зародыши этой злости.

— Зависть? — поинтересовался Сигурд.

— Сейчас — да, — ответил зомби. — Я завидую тебе. Ты думаешь быстрее меня. Но это пройдет. Я погружаюсь в себя. И ненавижу за неспособность нормально мыслить я тоже буду исключительно себя. На внешний мир обрушится внутренняя злоба, потому она будет слепой.

— Плохой исход, — сказал Сигурд. — Думаю,

тебе лучше принять мою сторону. Сейчас ты еще на границе, последний шаг не сделан. Я даже не вижу здесь особой дилеммы.

— Есть еще один аспект, — зомби не спешил соглашаться. — Моё тело и его связь с душой. Каждый день я ощущаю её всё более и более четко. Во время моего прошлого человеческого сознательного периода я ничего не помнил из мертвого периода. Сейчас же я могу с легкостью пересказать все события минувшего дня.

— Самый вероятный итог, — предположил Сигурд, — равновесное состояние между жизнью и смертью.

— Мне неприятно это слышать, — сказал зомби. — Еще неприятнее представлять себе это. Но боюсь, что ты прав. Конечно, имея дело с Бруаном, никогда не знаешь, чего ожидать. Но думаю, пришло время вмешаться в происходящие процессы. Я больше не задерживаю тебя, воин.

Повторно просить о помощи Сигурд не стал, да и была ли бы польза от такого напарника, большой вопрос. Оставив мертвеца созерцать из окна виды ночного Сартоса, ванир покинул комнату. Выйдя в коридор, Сигурд ненадолго задержался. Дождался, пока глаза вновь привыкнут к темноте.

Других любителей погулять по ночному дому на этот раз не обнаружилось. Сигурд спокойно миновал отрезок коридора, ведущий к лестнице, спустился вниз и стал на цыпочках подбираться к двери в комнату Бруана. Ни единый шорох не выдал движения ванира. Пока всё шло идеально.

Стучаться ванир, разумеется, не стал, но и дверь распахнул, стоя перед ней в полный рост, не таясь. Если дух не спит, можно сделать вид, что пришел поговорить. Даже тому они с Тарой заготовили — возвращение Зелтрану привычного облика. Но никаких сказок не понадобилось. Бруан мирно спал, едва заметно похрапывая.

Сигурд достал из-за пояса кинжал, заговоренный Коратцо, и приблизился к духу. Никаких защитных заклятий ванир не ощутил. Теперь достаточно одной маленькой царапины, и с безумцем покончено. Но Сигурд решил перестраховаться и ударил в сердце.

— Убил! — заорал Бруан, по-шутовски вытаращив глаза. — Ай-ай-ай, убил! Спящего зарезал. И кто?! Доблестный сын Нордхейма.

Кинжал торчал в груди Бруана и, судя по всему, не причинял ему никаких неудобств. Дух выглядел донельзя довольным. Впрочем, повод-то у него имелся. А вот Сигурд несколько опешил. Такого исхода они с Тарой не предусмотрели.

— Ну, что стоишь? — сказал ему Бруан. — Присаживайся, раз уж на огонек заглянул. Кстати! Свет.

По слову духа загорелись все свечи, находившиеся в комнате.

Сигурд, понимавший всю незавидность своего положения, решил с духом не спорить и сел на стул неподалеку от кровати. Бруан тоже поднялся с постели. Кинжал так и торчал в груди. Крови не было.

— Вина хочешь? — спросил у ванира дух Кам-

ня. — Выпить-то, пойдя, хочется. Пришел, думал, ткнуть ножичком, и нет противного Бруана, а тут такая пакость вышла. Как с горя не приложиться?!

— Я всё же воздержусь, пожалуй, — сказал Сигурд.

— Хочешь, угадаю, о чем думаешь? — предложил Бруан.

— Ну, давай, — согласился ванир. Первоначальная растерянность постепенно начала уступать место безразличию, смешанному со страхом.

— Гадаешь, почему оружие братца на меня не подействовало, — сказал дух. — Я тебе отвечу. В случае преждевременной смерти я лишился бы великого множества всяких интересных разностей, и мне пришлось наступить на горло собственной песне. Я обезвредил всё имеющееся в этом доме оружие. Конечно, этим самым я лишил себя ни с чем несравнимого чувства опасности, ощущения, что твоя жизнь висит на волоске, но мне пришлось...

— Тебе плевать на собственную жизнь? — спросил ванир.

— Отчасти, — сказал Бруан. — Я не отношусь к ней с таким трепетом, как это делают большинство людей и богов.

— Тогда ты воистину сумасшедший, — бросил ему Сигурд.

— Я этого не отрицаю, — ответил дух Камня. — Но ты, вероятно, имеешь в виду, что моя позиция бредова и не имеет под собой устойчивого логического обоснования. Могу уверить тебя,

что это не так. Что ты чувствуешь, бросаясь в бой? В настоящий, который считаешь праведным...

— Ярость, желание сокрушить врага. — Апатия всё больше завладевала Сигурдом. Все чувства, что он испытывал в данный момент, были какими-то жалкими, серенькими. На сознание они совершенно не влияли.

— Видишь, ты не выделяешь страх смерти, — указал ваниру Бруан. — Он присутствует, но не доминирует. То же самое относится к любому другому процессу, сопряженному с повышенным эмоциональным уровнем. Это в повседневности мы стараемся уберечься от опасностей, реальных и мнимых. А теперь ответь мне, когда ты чувствуешь, что счастлив? В серых буднях кроется истинное удовольствие? Или всё же в нахождении на грани?

— Я выберу второе, — сказал Сигурд и добавил, — но многие со мной не согласятся.

— И что же они находят в серости? — непонятно у кого спросил Бруан. — В ней нет ничего достойного. Жизнь таких людей сродни животному существованию или даже растительному. Но и в них есть то начало, что однажды подтолкнет их сделать шаг к грани.

— Надо ли им это? — поинтересовался Сигурд.

— В любом случае, они должны познать и лишь потом решать, — настаивал дух Камня. — Ты злишься на меня за то, что я сотворил с твоими товарищами, но ведь я облагодетельствовал

их. Вспомни свои ощущения! Все они жили одним моментом. Мысли, устремления, желания, вся их суть была сосредоточена на одном лишь объекте, на той искре, что приближалась к ним. В их жизни не нашлось ничего такого, что затмило бы собой тот миг. Главное было оставить им надежду, соприкосновение с искрой не должно было означать верную смерть. Ожидание неизвестности. Что может совершенней?

— Те, кто погиб, не оценят твоего дара, — злость начала медленно восставать из пепла в душе ванира.

— Пожалуй, — согласился Бруан. — Но должен же я был и себя позабавить. Я ведь тоже не знал, что ознаменует собой прикосновение искры. Эгоизм свойственен мне не в меньшей степени, чем большинству людей. Даже, наверное, в большей. Прости, но мои ощущения волновали меня сильнее, чем судьба части твоих товарищей. Утешай тебя тем, что умерли они счастливыми. Но мы отошли от темы. Тебя интересовало моё отношение к жизни и смерти. Дело в том, что мои возможности в разы превышают те, которыми наделен человек. Я могу позволить себе полностью исключить серость из своей жизни. Каждый миг я нахожусь на грани, потому и к идее смерти я отношусь без привычного для людей содрогания. Страх есть, но он не доминанта.

— Что же произошло такого, — спросил ванир, — что сегодня ты изменил собственным принципам?

— Грядут такие события, — ответил дух, — не

принять участия в которых преступно. Но у меня всё-таки есть ощущение, что я поступил с тобой не совсем честно. В иной ситуации твоё предприятие имело бы определенные шансы на успех. Думаю, будет справедливо дать тебе еще одну попытку. Удачи, ванир!

Бруан подмигнул первому помощнику, и в тот же миг Сигурд оказался на втором этаже перед дверью собственной комнаты.

Простоял он там, наверное, не меньше десятой части колокола, потом мотнул головой, гоня прочь наваждения и толкнул дверь.

— Живой! — закричала Тара и бросилась ему на шею.

Ответить на объятья Сигурд сил не нашел. Аккуратно отстранив девушку, он присел на краешек кровати.

— Что произошло? — спросила его воительница. — Ты в порядке?

— Не знаю, — признался Сигурд. — Но он пощадил меня.

— Что он с тобой сделал? — не успокаивалась Тара.

— Ничего. Ничего такого, — ответил ванир. — Но он силен, потрясающе, невероятно. Он могущественней богов, а еще он по-настоящему безумен.

Тара молчала, не зная, чем утешить Сигурда.

— Мне лучше поспать, — сказал ванир.

Спорить с ним воительница не стала.

Потом были два колокола кошмаров, в которых Сигурд пытался скрыться от Бруана, от его

даров, от вечной жизни на грани. Не получалось. Он метался по постели, кричал и просыпался. Тара утешала его, говорила, что это всего лишь сон, но он ей не верил.

Лишь пробудившись в третий раз, Сигурд обрел определенную связь с реальностью. От идеи вновь попытаться погрузиться в сон он отказался окончательно.

— Что ж, я думаю, — сказала Тара, — нам найдется, как убить время.

В её объятиях Сигурд сумел забыть и о Бруане, и о кошмарах, и о пугающей неизвестности впереди.

Воительница дарила ему себя в эту ночь, и ничего не могло быть важнее. Жаль, что он не понял этого несколько колоколов назад.

Незадолго до рассвета в дверь раздался стук. Сигурду не хотелось никого видеть, не хотелось разрушать их с Тарой единение, но из обитателей дома Бродо только Черс адекватно воспринял бы просьбу проваливать куда подальше.

— Войдите, — сказал ванир, обвязавшись простыней, Тара позаимствовала для этих же целей её напарницу из шкафа.

— Это я, — сказал Коротцо, переступая порог комнаты.

— Убирайся отсюда, — процедил сквозь зубы Сигурд. — Не твоё время и не твоё место.

— Может, дашь мне объясниться? — тон у духа-полководца был пристыженный.

— Тебе ясно сказали, предатель, — холодно ответила ему Тара. — Оставь нас... или убей.

— Я могу заставить вас меня слушать, — настаивал Коротцо.

Вместо слов Сигурд выбросил в лицо духа правый кулак. Тот и не подумал остановить удар или увернуться от него. Коротцо принял на себя всю ту злость, что ванир вложил в движение руки. Духа Камня отбросило в угол комнаты.

— Продолжишь? — спросил он, поднимаясь на ноги. Из носа его капала кровь.

— Убирайся, — приказал ванир. Ему вторила и воительница.

— Я заставляю меня слушать, — сказал Коротцо.

И вновь ответила ему правая рука первого помощника капитана «Вестрела». Этот удар вышел еще более сильным. Коротцо даже на некоторое время потерял сознание.

Когда очнулся, попытался встать на ноги, но ничего из этого не получилось, и он лишь удобнее присел у стены. Нос его был перебит, а пол лица залито кровью.

— Я заставляю вас слушать, — в третий раз повторил он.

Сигурд взял со столика у кровати полотенце, обмакнул его в тазик для умывания и бросил Коротцо.

— Вытрись, — сказал он духу Камня. — А то сейчас на твою рожу смотреть противно.

Коротцо сначала едва улыбнулся, потом чуть более заметно, а немного погодя уже хохотал в полный голос. Сигурд, несмотря на переполнявшие его эмоции, тоже не смог удержаться от смеха, очень уж ситуация была идиотичной.

— Напрасно ты в меня не верил, — сказал отсмеявшийся Коратцо. — Решил, что я сдался на милость безумца, что обманул всех вас. А ты еще и сам полез его убивать! Хорошо хоть братец к подобным шуткам относится нормально. Говорил же тебе, да и тебе, Тара, что он и очень силен, и опасен.

— Я что-то не заметил, — ответил ему Сигурд, — чтоб он тебе чем-нибудь угрожал.

— Чтобы он опустился до угроз?! Шутить?! — усмехнулся дух Камня. — Ты станешь запугивать мышь или таракана? Навряд ли. Вот и он не стал, просто спеленал меня по рукам и ногам сразу, как появился. Я слова вымолвить не мог против его воли.

— А что ж сейчас? — спросила Тара.

— Сейчас произошло то, — ответил Коратцо, — что должно было рано или поздно произойти. Он отпустил меня. Я мог еще тогда, в «Ста золотых», навязать ему ментальную схватку и попытаться вырваться, но исход её был бы предрешен. Я решил подождать и не ошибся. Бруан, как он себя теперь величает, обожает перемены, и долго держать меня под контролем ему бы просто наскучило. Неужели так сложно было оценить ситуацию?

— Он твой брат, — парировал Сигурд, — а не мой или Тары.

— Ладно, — сказал Коратцо. — Хорошо хоть его пытались убить, а не меня.

— Его надо убить, — перед Сигурдом вновь пронесся их разговор с Бруаном. — Нельзя остав-

лять его живых, он слишком опасен. Для людей, для богов, для мира.

— Знаю, — тихо произнес Коратцо. — Его сила по сравнению с прошлым воплощением увеличилась в десятки раз, если не в сотни. Но сейчас он чего-то ждет. Так сильно, что впервые на моей памяти озабочился собственной безопасностью. Пока он сам того не захочет, мы не сможем причинить ему вреда.

— И что же тогда делать?! — поинтересовалась Тара.

— О, дел у нас предостаточно! — ответил дух Камня, и радости в его голосе не было. — И связаны они с тем нашим братцем, что владел твоим телом. Только что у нас с Бруаном состоялась замечательнейшая беседа по поводу его персоны.

— Как его на разговоры потянуло, — заметил Сигурд.

— Вот! — воскликнул Коратцо. — Раньше за ним никогда такого не водилось. Безумец очень сильно изменился. Я даже боюсь предположить, чем это всё закончится. Как только мне представится случай, прикончу его! Но речь сейчас не о нем. Мы оказались правы в том, что дух-любовник заключил союз с отцом. Бруан обрел возможность свободно проникать в сознание всех братьев, и вот решил отблагодарить меня за оказанный прием порцией свежих новостей.

— Значит, он вполне мог рассказать, — предположила Тара, — двум оставшимся духам о наших планах.

— Он клялся, что ничего подобного не де-

лал, — сказал Коратцо, — и не собирается. Я склонен ему верить, врать он не особо любит. Так вот суть их договора в том, что любовник подпитывает отца силой и подготавливает к воплощению. Для этого у него в городе имеются три специально подготовленные оболочки, вселившись в которые, отец обретет силу, равную той, что он имел до своей смерти. Но самым неприятным будет то, что при воплощении отец принесет в жертву этот городок и пару соседних вместе со всеми обитателями. Это один из обязательных этапов возвращения силы. Соответствующие заклатья уже заложены в оболочку и заработают, как только отец примет тело. Любовник — единственный, кроме отца, кто останется жив в этой преисподней, он же будет его рабом и наследником.

— Мило, — прокомментировала Тара. — И что же намерен предпринять Бруан?

— Догадаешься с одной попытки? — задал риторический вопрос Коратцо. — Ничего. Он находит этот вариант развития событий интересным. На собственную жизнь ему плевать.

— И когда же должно произойти соединение с оболочкой? — спросил Сигурд. О принципах безумца он уже был наслышан.

— Это самое приятное, — с сарказмом произнес дух Камня. — Оно, оказывается, могло уже давным-давно произойти. Однако обстоятельства, по словам Бруана, сложились таким образом, что до у нас есть гарантированное время до полудня, а там — как повезет.

Глава 7

Об огне

Вебенок бежал вниз по склону заросшего жухлой травой холма. В глазах его стояли слезы. Еще совсем недавно тишину солнечного полдня разрывали его стенания. Теперь сил на то, чтобы кричать, у мальчишки уже не было, он и ноги-то переставлял с огромным трудом.

Несколько раз он падал, но неизменно поднимался и бежал дальше.

Назад он не оглядывался. Ему это и не нужно было, он и так отлично знал, кто его преследователи. Знал и то, что шансов скрыться и спастись у него не осталось. Они пришли, чтобы забрать его жизнь.

Свет исчез. Не сразу, постепенно.

Сначала пропала фигура мальчишки, потом начал медленно растворяться в небытие холм. Затем настала очередь неба. Осталось лишь солн-

це, еще некоторое время его призрак витал среди пустого небосклона. Потом не стало и его.

Он уже успел привыкнуть к пустоте. Сначала она пугала его, но потом стало проще. Не имея тела, не так уж и сложно отрешиться от ощущений, с ним связанных. Они еще жили где-то в сознании, храня в себе стремление к возвращению утраченных позиций, но надежды эти таяли в безбрежном океане времени и пространства.

Единственное, что осталось — это холод. Но здесь он был иным.

Этот холод не имел никакого отношения ни к телу, ни к сознанию. Он окутывал непосредственно душу. Частица за частицей она погружалась в объятья этого незримого врага, что желал возлюбить её и уничтожить.

Процесс этот не для него был столь привычным и обыденным, что, обладая холод зачатками разума, он бы непременно удивился тому, что душа всё ещё жива.

Он не знал, какую цену заплатил человек за возможность сопротивляться его убийственным ласкам. Впрочем, человек тоже не помнил цены, жизни и всего прочего. Он знал лишь то, что должен держаться. Воспоминания возвращались к нему. Смерти не под силу разрушить то, что отпечаталось в душе.

Солнце. Оно появилось вновь.

Нет! Это не солнце.

Огонь — вот, что это! Он был частью жизни человека. Хотя иногда ему казалось, что он был всей его жизнью. А порой он думал, что жизнь

его не более, чем одна из теней великого пламени, что сама по себе ничего не стоит.

Ярче. Гори ярче.

Ярче звезд! Ярче солнца! Пусть холод уйдет!

Ему тем летом исполнилось одиннадцать. Самым ярким воспоминанием о том времени был голод, что казался ему вечным. В их доме вечно недоставало еды. Отец его, гончар по профессии, зарабатывал сущие гроши, которых хватало только на сухие лепешки, что сосед пекарь продавал им за полцены. Мясо на столе появлялось лишь раз или два в месяц во время празднеств в честь бога Огня — Эрлика.

Но он никогда не считал, что несчастлив. Возможно, он просто не знал иной жизни. Возможно, ему доставало для счастья и обыкновенных мальчишеских радостей: солнца, ветра, свободы, игр с друзьями. Он и тогда не смог бы дать ответ на этот вопрос, а сейчас тем более.

Правда, было бы ошибкой назвать его самым обыкновенным мальчиком. В отличие от многих своих сверстников, он имел острый живой ум и неодолимую жажду новых знаний и впечатлений. Он любил подолгу бродить по бескрайним просторам степи, на полуденной оконечности которой располагался его город.

Там в одиночестве он предавался мечтаниям о дальних землях, что непременно посетит, как только станет взрослым. Он представлял себя то отважным воином, то мудрым магом, то правителем, справедливости которого дивятся во всех концах великой Хайбории. Это были всего лишь

мечты, фантазии, что не опирались на твердый жизненный фундамент.

Поблизости не жило ни одного мага, что мог бы взять его в ученики. Стать солдатом у него тоже вряд ли бы вышло, слишком уж нескладным и худосочным был паренек. Про надежды на царство и говорить нечего.

Но однажды боги решили пошутить. Несбыточное само пришло в дом мальчишки.

Облик имело оно ужасный.

— Он пойдет с нами, — сказал одетый во всё красное жрец Эрлика, указывая на мальчика.

Тогда он подумал, что лучше бы уж в их дверь постучалась сама смерть. О храме Эрлика Иранистанского ходили самые разные слухи, имевшие лишь одну общую черту — окрашены они все были в черный цвет. Хотя, наверное, уместнее было бы говорить о красном, что символизировал кровь, боль и страдание. По какому принципу отбирали жрецы для себя учеников, никто не знал, но выбор их считался для семьи проклятием. Худшей участи ребенку пожелать было нельзя.

— Нет, — ответил жрецу отец, заслоня сына.

Мальчик понял, что это конец. Даже не имея за плечами большого жизненного опыта, он без труда сумел различить в голосе родителя предательскую слабость. Он уже сдался, даже не начиная борьбы. Отказался от собственного сына. Они с матерью, которая сейчас стояла, покорно опустив глаза, предали его. Это было для него еще большим ударом, чем визит жреца. Спустя

много лет он признался сам себе, что в тот миг они оба умерли для него.

— Ты смеешь мне возражать? — спросил жрец.

— Да, — отец попытался произнести это короткое слово твердо и уверенно. Не вышло.

— Я так и понял, — усмехнулся жрец. — Вечером за ним придут.

— Хорошо, — сказал отец.

Жрец ушел. Почти сразу вслед за ним дом покинул и мальчишка. С родителями он не прощался, не было ни времени, ни желания. Он еще надеялся, что сумеет убежать. Он слышал, что многие из тех, на кого пал выбор храма, старались скрыться, и что никому не удалось это сделать. Но ведь кто-то должен стать первым.

И он бежал. Прочь из города, на полночь. Несколько раз он останавливался, чтобы перевести дух и посмотреть, не объявилась ли погоня. Однажды он поскользнулся и упал. Подняться он смог не сразу. В тот миг, когда он валялся на высушенной солнцем, жесткой траве, его поразило чувство безысходности. Он понял, что ему не спастись, но всё-таки поднялся и продолжил путь.

Преследователи появились, когда до заката осталось еще два колокола или около того. Обернувшись в очередной раз, мальчишка разглядел вдалеке маленькую красную точку, что двигалась в его направлении. Он удвоил усилия, бежал так быстро, как не бегал никогда в жизни. Но расстояние между ним и человеком в крас-

ном неотвратно сокращалось. Скоро мальчик смог различить, что его преследователь движется за ним спокойной, размеренной походкой.

Лица человека в красном паренек не видел, но догадывался, что на нем сейчас витает самодовольная улыбка. А быть может, оно и вовсе лишено всякого выражения.

С чего это красный должен испытывать какие-то чувства по отношению к такой букашке, как он.

Вскоре мальчишка перестал кидать нервные взгляды через правое плечо. Не было сил смотреть, как тают все его надежды на спасение. Он бежал, падал, поднимался. Снова бежал и снова падал. Слезы ручьями лились из глаз мальчика. Так не должно было быть!

Закончилась погоня в тот миг, когда угасли последние лучи светила.

— Ясуд! — сказал человек в красном, кладя руку на плечо мальчика. — Время пришло.

Пришло время обрести ему имя.

Его звали Ясуд. Того, кто вновь погрузился в пустоту, где есть только холод.

Видения прошлого исчезли, оставив после себя лишь одно слово — «Ясуд».

С него и начиналась дорога. Куда надлежит идти, он не ведал. Как не знал и того, волен ли выбирать путь.

Ясуд решил, что будет ждать. Рано или поздно должно было что-то произойти. Но время шло, хотя течение его в этом месте ощущалось по-особому, а ничего не происходило.

Лишь холод становился всё сильнее. Душа Ясуда умирала.

И тогда он вспомнил о том, что вернуло ему имя.

Огонь! С него всё начиналось. В нем спасение, в нем надежда.

Стоило Ясуду в это уверовать, как холод отступил. Пустота звука заполнилась ревом пламени. Пустота цвета озарилась оттенками красного, желтого и рыжего.

В этой смеси звуков и цветов Ясуд и различил дорогу. Дальше! Еще дальше! Вперед, в свое прошлое! Там есть и другие слова. Одного имени недостаточно, чтобы понять.

Из огня вышли люди. Из огня вышла земля. Из огня вышло небо. Из огня вышел он сам. Жизнь вновь предстала перед ним.

Ему было двенадцать. Он жил в храме почти целый год. Кроме него, в ученичестве состояло еще пятнадцать мальчишек. Имен их Ясуд не знал, потому что разговаривать между собой им было запрещено. Тех двоих, что нарушили это табу, предали смерти на глазах товарищей. Еще один мальчик умер от голода.

Жрецы обходились с учениками без лишней грубости. Мальчишки были для них материалом, из которого они собирались лепить будущих «странствующих проповедников». Однажды Ясуд видел такого служителя Эрлика. Внешне он ничем не отличался от нормального человека, но глаза его были иными. В них отражалась не человеческая душа, а нечто отличное от неё. Дети,

встретившие проповедника, заливаясь горячими слезами, бежали к родителям искать утешения, взрослые просто сторонились его. А этому маленькому невзрачному человеку вообще не было дела ни до тех, ни до других, он явно не находил их достойными своего внимания.

И вот такое существо и планировали вырастить жрецы из мальчишек.

Ясуд, в отличие от большинства учеников, не испытывал страха перед уготованным ему судьбой и Эрликом выбором. Злость на родителей, не сумевших его защитить, цвела буйным цветом в его молодой душе. Перекинулась она и на товарищей по играм, которым повезло не попасть в застенки храма. А больше никого во внешнем мире Ясуд и не знал. Именно этот ограниченный круг близких и знакомых и являлся для мальчишки символом всего человечества. Оно предало Ясуда, а значит не заслуживает большего, чем презрительно-равнодушный взгляд странствующего проповедника.

Год, проведенный в храме, на самом деле не был годом подлинного ученичества. Жрецы наблюдали за мальчишками, оценивали их возможности, приучали к порядку. Единственные занятия, которые с ними проводились, это история храма Эрлика Иранистанского и собственно школы странствующих проповедников.

Культе Эрлика Иранистанского отличался прежде всего суровостью своих догматов. Законы, по которым должно жить, могут исходить исключительно от бога Огня и пророка его Тарима, но

никак не от человека. Только так можно было обрести жизнь праведную и покой в посмертии. Наставлять заблудших на истинный путь жрецам храм позволял любыми методами, равно как и не стеснялся в выборе средств в борьбе с противниками учения Эрлика Иранистанского. А таких неизменно находилось множество. Были враги от разума, враги от сердца и враги от души.

К первым относили жрецы правителей, что позволяли себе устанавливать законы, отличные от тех, что завещал потомкам Тарим, проповедников, увлекавших умы праведных учениями чужеродных богов, и философов-богословов, неверно толкующих те или иные постулаты, данные Эрликом и Таримом. Ко вторым причисляли заблудшую паству и последователей Эрлика в Туране, Гиркании и других странах, где заповеди бога Огня толковались излишне либерально. Третьими были колдуны, духи и демоны, враждебные Эрлику.

Странствующие проповедники, в противу своему наименованию, занимались первыми и третьими. И если с правителями-самоуправцами все было более-менее понятно, то про демонов Ясуд был не прочь послушать и узнать побольше.

Оказалось, что Эрлик в благодати своей некогда принес клятву защищать мир Хайбории от всяческой мрази, проникающей в него из других сфер бытия. Разумеется, часть демонов призывалась последователями других богов, которые вставали защиту своей паствы. Позволить Эрлику убивать своих лучших магов, они не могли, а

потому первым расправлялись с его посланцами. Тогда богу Огня пришлось умерить свой пыл. Сколь ни велик был его гнев, но со всеми богами один он совладать не мог. С тех пор пасть от руки, ведомой Эрликом, мог лишь тот демон, колдун или дух, что не служил ни одному из великих богов. Хотя для тех, кто забредал в Иранистан, Туран и Гирканию, бог Огня иногда делал исключение.

На миг Ясуд вновь окунулся в пустоте. Он желал осмыслить начало обретения пути. Сейчас в мире, где нет пространства и времени, он ощутил тоску по тому периоду своей жизни. Боль, голод и страх были ничем по сравнению с тем, что он обладал мечтой. Ясуд не знал, что будет дальше, но подозревал, что его там ждет разочарование. Понимал он это не разумом, который был разумом двенадцатилетнего мальчишки, а той душой, что витала сейчас в пустоте. Израненной, истерзанной душой.

Но хватит, надлежит вернуться.

Ему четырнадцать. Два года его жизни пронеслись перед Ясудом за одно мгновенье. Они до такой степени были наполнены страданиями, что ему не достало сил прожить их заново. Лишь перенеся их в категорию воспоминаний, он смог обратить на них свой взор.

Во второй год нахождения в храме за мальчишек взялись всерьез. Им начали преподавать науку жизни и смерти. Учили их не по книгам, ведь слова сами по себе, даже самые разумные, значат очень мало.

Сначала ученики должны были узнать, что такое страх. Для каждого из них жрецы создавали иллюзию, из которой мальчишке надлежало выбраться. Обитали там самые разнообразные твари, одни опасные, другие не очень. От кого-то надлежало спастись бегством, с кем-то вступать в схватку. Жрецы ничего не объясняли, а только наблюдали. Ученик должен сам до всего дойти. Если ему хватит выдержки и ума, он достоин продолжать обучение, если нет, то пусть умрет, незачем тратить на него свое время. Двое мальчишек не сумели покинуть мира иллюзий, трое вышли калеками. После окончания этого курса жрецы объявили ученикам, что если они желают, то могут заглянуть в свои тайные страхи. Все существа, обитающие в этих иллюзиях, опасности представлять не будут. Четверо мальчишек согласилось. Ясуду было их немного жаль, глупо обрекать себя на смерть подобным образом. Он выучил урок, понял, что есть в душе каждого неодолимый страх, который намного сильнее разума. Сердца четырех мальчишек не выдержали открывшегося им ужаса и остановились. Догадка Ясуда оказалась верной.

После этого девятирех мальчишек ненадолго оставили в покое. Запрет на общение сняли, и ученики не преминули воспользоваться представившейся возможностью побольше узнать друг о друге. Оказалось, что только Ясуд был родом из этих мест, остальных в храм доставили из иных иранистанских земель. Родители семерых были крестьянами, и только Ясуд и еще один па-

ренек, лишившийся во время урока страха возможности пользоваться своей левой рукой, провели всю свою жизнь в городах. Кормить учеников в это время стали намного лучше, разрешили игры, исчезла та презрительная снисходительность, с которой жрецы общались с мальчишками. Многие решили, что перемены эти обусловлены тем, что они прошли испытание, показали свою готовность стать странствующими проповедниками. Кто-то думал, что это лишь короткая передышка в преддверии очередных мучительных уроков. И лишь Ясуд считал, что жрецы и не думали прерывать обучение. Он по возможности сторонился общества сверстников, старался проводить время в одиночестве. Те, чье поведение будет соответствовать общепринятым нормам, полагал он, не сумеют успешно пройти сквозь преграды испытаний.

Следующий урок доказал правоту Ясуда. Вновь это была иллюзия. Жрецы объяснили мальчишкам, что на этот раз погружение будет длительным. В мире фантомов им предстояло провести две седмицы. Что именно ждет их там, ученикам не поведали. Ясуд ни на миг не забывал о своих подозрениях, что испытание это имеет непосредственную связь с той передышкой, что дали мальчишкам после предыдущего урока. На этот раз иллюзорный мир чудовищами не изобиловал, в нем вообще не было живых существ. Строение, в котором очутился Ясуд, он определил как замок, хотя никогда их не видел. С превеликой осторожностью мальчик обследовал все комнаты и

залы своего нового жилища. Замок оказался гигантских размеров. Ясуду стоило огромных усилий держать в голове его план. Дверей, ведущих за пределы замка, мальчик не нашел. На всякий случай он попытался разбить одно из окон на первом этаже. Стул, который он использовал в качестве орудия разрушения, разлетелся в щепки, на стекле же не появилось ни трещинки. Расстраиваться по этому поводу Ясуд не собирался, иного он, собственно, и не ожидал.

На кухне и в кладовых обнаружилось достаточно воды и пищи. Ясуд, не доверяя мнимой добродетели жрецов, тщательно обследовал каждый кувшин и каждую краюху хлеба. Если запах или внешний вид продукта ему не нравился, он, недолго думая, отставлял его в сторону. В результате почти две трети имевшихся запасов были отнесены в категорию подозрительных. Выкидывать их Ясуд не решился. Вместо этого складировал их в одной из пустующих комнат на случай, если испытание затянется и придется пользоваться и эти запасы, чтобы не умереть с голоду.

В первый же день Ясуд выработал общий план по своему пребыванию в замке. Три раза в день належало совершать обход всех помещений, дважды наведываться на кухню перекусить, в остальное время повторять в уме историю храма и спать. Ясуд очень надеялся, что в этой иллюзии предусмотрена смена дня и ночи, больше всего ему не хотелось потерять счет времени. Поэтому, когда за окнами стало темнеть, мальчишка этому искренне радовался, хотя и полагал, что именно

в ночное время суток начнутся основные неприятности. На всякий случай Ясуд расставил в комнате, которую определил себе под спальню, два десятка лампад. Но сидеть и ждать, пока что-нибудь не произойдет, казалось мальчишке неправильным. Так только себя измотаешь, всё равно подготовиться толком никакой возможности. Так что Ясуд запер дверь на засов, проверил масло в лампадах и лег спать, уложив себе под бок короткий меч, найденный им в оружейной.

Сколько было времени, когда начались крики, Ясуд не знал. Факт, что спать тогда еще хотелось. Различить голоса кричавших труда не составило. Его отчаянно звали на помощь трое других учеников. Ясуд попытался вслушаться в их слова и сделать вывод о грозящей им опасности. Вроде бы было что-то о призраках и гулях. Ясуд встал, проверил надежность засова, осмотрел светильники и стал ждать, что будет дальше. Вскоре стих один из голосов, зато двое других стали верещать еще отчаянней. Ясуд не стал дожидаться их кончины и лег спать. Если это не иллюзия, то покидать свое укрытие глупо. Если же голоса фантомны, то тем более.

Больше той ночью Ясуда ничто не беспокоило. Во время утреннего обхода мальчик обнаружил в коридорах замка изуродованные останки своих товарищей. Особого сожаления по поводу их кончины он не испытал. Скорее всего, они сами накликали на себя опасность, бессмысленной кровожадностью жрецы не отличались. Ясуд отволок тела в небольшую пустующую комнату и, на вся-

кий случай, расчленил их. Кто знает, не захочется ли им ожить и побродить по ночам в поисках теплой крови? Закончив с ними, Ясуд продолжил обход. В подвале его ждали новые сюрпризы. В двух из пятнадцати камер сидели его товарищи. При виде Ясуда они просияли и бросились к дверям, умоляя освободить их. Ясуд поинтересовался, как они сюда попали, выслушал две довольно правдоподобные истории и пошел прочь. Эти двое заслужили смерть своей глупостью. Им всё равно не пройти обучение до конца, пусть лучше отмучаются пораньше. Хотя в глубине души Ясуд не сомневался, что сидящие в камерах мальчишки всего лишь фантомы, созданные магией жрецов.

Днем Ясуду повстречался еще один его товарищ, тот самый горожанин с искаленной рукой. Он сидел в библиотеке с книжкой в руках. Ясуда он заметил не сразу, да и после этого особой заинтересованности в его обществе не проявил, только кивнул в знак приветствия. Ясуд поспешил оставить его в одиночестве. Он уже догадался, что это испытание связано с отношениями учеников друг с другом. Вряд ли жрецы желали проверить, насколько сильна у мальчишек взаимовыручка. Наоборот, скорее всего, требовалось доказать, что ради спасения своей жизни и исполнения миссии ты способен пройти мимо умирающего товарища и предпочесть одиночество дружной веселой компании. Жрецы во время перерыва дали ребятам привязаться друг к другу, стать единым целым. Ясуд подозревал, что

они вполне могли использовать для этого сопутствующие заклятья или зелья. То, что он добровольно избегал общества других учеников, сейчас играло за него. Ни жалости, ни сострадания не рождалось в его душе.

За две недели, что провел Ясуд в замке, он успел перевидать всех мальчишек, попавших вместе с ним в храм, некоторых по два и даже по три раза. В основном они звали его на помощь или предлагали вместе поиграть по что-нибудь. Трижды Ясуда пытались убить. Но действовали его противники довольно коряво, чувствовалось, что это проверка не на владение мечом, а на то, способен ли он убить друга. На десятый день испортилась вся отобранная Ясудом пища, и оставшиеся четыре дня он голодал. Фантомы в это время стали особенно активны, словно надеялись, что ослабевший мальчишка потеряет часть своей стойкости. Но все их попытки были тщетны, Ясуд благополучно дождался окончания испытания.

— Ты думаешь, что перехитрил нас, — сказал Ясуду жрец, когда мальчик вернулся в реальность, — но ты ошибаешься. Ты стал иным и очень скоро сам поймешь это.

Тогда Ясуд только усмехнулся. Разумеется, про себя, лицо его оставалось бесстрастным. Но выйдя к четверым прошедшим через урок потерянной дружбы мальчишкам, он понял, что смотрит на них другими глазами. Они никогда не были для него теми товарищами, ради кого он был готов биться насмерть, но всё же какую-то

симпатию он к ним питал. Теперь же он видел перед собой четыре фантома, на которых ему было наплевать.

Душа Ясуда, витавшая в пустоте, зарыдала горькими слезами в память о том, что никогда не вернется.

Следующие полгода пятеро мальчишек занимались постижением наук. Странствующий проповедник должен быть умен и образован, ведь сила кроется не только в сердце и руках, но и в голове. Особое рвение Ясуд проявлял в изучении философских трактатов, хотя и в остальных дисциплинах не отставал от товарищей. Каждый месяц жрецы проверяли знания учеников, и те, у кого они оказывались недостаточными, подвергались жестоким наказаниям. На четвертый месяц один из мальчишек не выдержал побоев и скончался. Его пример благотворно повлиял на остальных. Слово лень пришлось забыть окончательно и бесповоротно.

О том, что было дальше, Ясуд предпочел бы не вспоминать. После последней проверки знаний жрецы собрали четырех оставшихся в живых учеников в большом зале библиотеки храма и объявили, что теперь им предстоит подготовить себя ко встрече с враждебными Эрлику демонами. Среди хранящихся здесь книг они могли отыскать все необходимые материалы. Времени на изучение предоставили три седмицы.

Когда Ясуд впервые заглянул на страницы отобранных для них книг, он ужаснулся. В них рассказывалось о тех видах воздействия на чело-

веческие тела, что осуществляют демоны других сфер. Упоминались, как ментальные эффекты, так и физические. Происхождение у них также разнилось. Очень скоро Ясуд понял, чего именно хотели от них жрецы. Ученикам предлагалось закалить свои тела, сделать их невосприимчивыми к основным типам демонических атак.

За три седмицы мальчишки должны были выбрать, как именно они планируют меняться, какие вида иммунитета наиболее для них важны. Смысл у такого подхода имелся. Вполне может стать, что уже подготовленному странствующему проповеднику Эрлика придется готовиться к схватке с демоном с нестандартными способностями. В этом случае очень многое будет зависеть от интуиции слуги бога Огня. Так и сейчас мальчишкам, обладавшим лишь осколками знаний, предстояло заложить основу для будущих метаморфоз своих тел.

Знали ли об этом другие ученики или просто полагали, что книги им дали исключительно для ознакомления, Ясуд представления не имел. Его так и подбивало постараться повлиять на их выбор, чтобы посмотреть на некоторые проблемные виды средств по выработке иммунитета, но он сдерживался, подозревая, что жрецы не одобряют подобного поведения.

Спустя оговоренные три седмицы учеников привели в подземную часть храма, к которой ранее им запрещалось приближаться под страхом смерти. Каждому предоставили отдельную келью. Там мальчишки и должны были заняться

преобразованием себя. Жрецы объяснили, что через месяц ученикам предстоит встретиться с демонами, виды которых им не назывались, и если они сумеют пережить это свидание, значит, они достойны продолжать обучение. В распоряжение мальчишек передали все зелья и амулеты, которые они выбрали для осуществления подготовки. Каждый вечер ученики могли собираться вместе, всё остальное время они должны были проводить раздельно.

Это был месяц кошмаров. Ясуд принимал один за другим флаконы с веществами, что могли убить его или искалечить, но, будучи примененными в нужных пропорциях, могли сделать его тело сильнее. Но и в этом случае мучения были такими, что не хватало слов для их достойного описания. Тем не менее, выяснилось, что Ясуд избрал довольно гармоничный путь для преображения. Один из мальчишек практически не пользовал ни амулеты, ни зелья, боясь, что не перенесет их действия. Ясуд этот путь не одобрял, но понимал: истинная сила демонов им неизвестна, быть может, хватит и минимальной защиты. А вот того, что делал самый старший из учеников, сын деревенского кузнеца, он никак не мог нормально воспринять. Этот парень вливал в себя убойные дозы самых страшных зелий. Уже на третий день он едва мог держаться на ногах. К концу первой седмицы сын кузнеца перестал появляться на встречах, в начале четвертой жрецы сообщили ученикам, что он умер. Последний из мальчишек выбрал ту же дорогу, что и Ясуд.

Разве что вещества пользовал немного другие, но пропорций придерживался таких же.

В зал, куда жрецы призывали демонов, мальчишек вводили по одному. Первому предстояло отправиться внутрь любителю малых доз. Держался он уверенно и даже дерзко. Силы его за прошедший месяц только возросли, в то время как Ясуд и еще один мальчишка едва могли устоять на ногах. Пробыл внутри он недолго. Буквально через десятую часть колокола жрецы объявили, что он не прошел испытания. Теперь была очередь Ясуда. В зале демонов темень стояла страшнейшая, Ясуд не видел даже собственных рук. Потом он узнал, что сделано это было для того, чтобы не травмировать сознания ученика обликом обитавших внутри демонов. Испытывалось на данном этапе тело, а не дух. Сколько времени терзали его обитатели других измерений, Ясуд не помнил. Ему тогда казалось, что боль от их укусов будет длиться вечно, что он не достаточно хорошо подготовился, что ему не выбраться живым из этой комнаты. Но когда он уже почти потерял сознание, чьи-то сильные руки схватили его за плечи и вытащили из демонической залы. Ничего не соображающего Ясуда швырнули на соломенный тюфяк, дали воды и сказали, что он прошел испытание: Больше он ничего не помнил. Хотя нет! Был еще образ последнего из учеников, он тоже вышел из комнаты живым. Вышел сам. Но изо рта его стекала тонкая струйка слюны, а глаза были глазами безумца. Что с ним было дальше, Ясуд не ведал.

Теперь он уже сам управлял своими перемещениями в пустоту и обратно.

Он чувствовал, что не должен до конца погружаться в свои воспоминания. Надо лепить свою личность здесь, в этом ничто, где есть только холод.

Кирпичики воспоминаний формировали сознание.

Боль, страх, радость, удивление яркими ниточками вплетались в ткань его обесцвеченной, замерзшей души.

Скрепить все должен был огонь. В нем спасение. Или только его призрак?

Он уже не был так уверен, как раньше. Открывшиеся знания наводили на мысль, что дальше будет хуже. Неизвестно, как повернулось веретено его судьбы. Неизвестно, как к этому отнесся огонь.

Но надо верить в лучшее и двигаться вперед.

Следующие три года жизни Ясуда пролетели быстро. Испытания закончились. Началось обучение в том виде, каким его представляют себе большинство обывателей. Книги заполнили собой всё бытие Ясуда и даже переполнили его. Как в его сознание вместились столько знаний, он не представлял. Одних языков он за это время выучил восемь штук.

Ежедневно Ясуд обучался владению мечом. Особых талантов в искусстве фехтования в нем учителя не обнаружили, но прилежание и упорство в молодом человеке отмечали. С луком и метательными ножами у Ясуда получалось обра-

щаться немного лучше. Однажды ему даже удалось войти в десятку лучших стрелков храма. Единственное, в соревновании принимало участие всего пятнадцать человек.

К слову сказать, из одного храма в другой Ясуд перебирался примерно раз в полгода. Будущий странствующий проповедник должен уметь приспосабливаться к новой обстановке. И вообще уже сейчас следовало отказаться от привычки жить в одном месте.

Семнадцатилетие Ясуд отметил в одном из полуденных храмов. Там он пробыл дольше всего, целых два года. Во многом это было обусловлено очередным уроком жизни, что дали ему жрецу. В этом месте Ясуд обрел свою первую и последнюю любовь. Образ той кареглазой девушки, погибшей по воле храма, навсегда отпечатался в душе молодого человека. Никому не было суждено занять её место.

Когда боль в сердце Ясуда немного приутихла, его начали обучать мастерству магии. Способности у юноши имелись немалые, а потому вместо обычных двух лет он постигал искусство целых четыре года. Для истинного мага срок смешной, но от Ясуда и не требовалось знать все заклятья. Его обучали только тому, что может помочь в борьбе с демонами. Также по личной просьбе юноши в его курс включили и те заклинания, что использовались агентами тайных служб: «личина», «слово правды», «отвод глаз», «поиск следа» и другие.

Еще год Ясуд потратил на то, чтобы отшлифо-

вать умение смешивать воедино владение оружием и магическую поддержку. Достойного учителя в этом деле для паренька не сыскалось, и ему пришлось лично проникать во все тонкости. Были, конечно, и издержки. Так два месяца Ясуд провел в лечебной зале храма из-за неудачного эксперимента с атакующим заклятьем огненной сферы.

Иногда Ясуд подолгу наблюдал за молодыми учениками, прикидывая, кому из них достанет сил пройти весь путь и стать странствующим проповедником. Жрецы рассказывали юноше, что лишь один мальчик из ста пятидесяти выдерживает испытания. Не скрывали они от него и всех тонкостей процесса обучения, поясняли, как именно выковываются души слуг Эрлика. Ненависти к ним Ясуд не испытывал, считал их недостойными этого чувства.

В день, когда ему исполнилось двадцать три, Ясуд окончательно завершил своё обучение. Он принес клятву Эрлику в храме, расположенном в его родном городе, там, где начинался его путь.

Новые нити души имели цвет красный, цвет крови и ненависти.

Таков был Ясуд, покинувший храм. Нынешний, тот, что витал в пустоте, смотрел на него с жалостью.

Сей юноша думал, что победил, что оказался сильнее храма.

Какая глупость!

Победили те, кто погиб. Он же стал жертвой, стал слугой. И перестал быть человеком.

Он думал, что стоит на одну ступень выше всех людей. Он презирал этот мир.

На самом же деле он превратился в ветер, в дождь, в землю, в огонь. В одну из основ мира. Основу бессмысленную и бессловесную. Он стал кирпичиком бытия.

Историю мира пишут люди и боги, а кирпичи — лишь кирпичи.

Его волей стала воля Эрлика. Он стал его слугой, бичом. Могуущественным, но несущим в себе искры созидания, изменения или разрушения.

Именно в этот миг огонь, бог Огня стал всей его жизнью.

Потому сейчас и горел огонь, отгоняя холод, разрывая пустоту на части.

Но ему всё-таки хотелось верить, что он сумел отринуть этот огонь.

Ему не хотелось верить, что он так и остался безвольной составляющей бытия.

Он странствовал. За следующие пять лет Ясуд успел исходить весь Иранистан вдоль и поперек. Великое множество раз он бывал в городах Турана, семь раз посещал Стигию и Коф, четырежды был в Шеме и Заморе. Случалось ему доходить и до Вендии, и до Кхитая. Жизнь странствующего проповедника тяжела. Много есть мест, где вера в Эрлика не столь крепка, где правители слабы, развращены и не блюдают заповедей данных Таримом. Не раз меч Ясуда обагрялся кровью негодяев и дураков. Он убивал без пощады. Однажды, сидя в таверне на берегу моря Вилайет, Ясуд обратился к одному из рыбаков с просьбой сказать,

что тот видит у него в глазах. За ложь иранистанец пообещал покарать его смертью, за правду одарить золотом. Рыбак ответил честно. Он сказал, что не видит там человека. Ясуд остался доволен.

Случалось ему и вступать в схватку с демонами. Ничего романтического и увлекательного в этом не было. Уже первая встреча с одним из этих существ обрушила в прах все юношеские мечты Ясуда. Демон оказался недоовоплощенным обитателем огненной сферы. Злой и напуганный одновременно, с нечеловеческим образом мыслей, он вызывал у иранистанца странные чувства. С одной стороны, желание поскорее расправиться с этой тварью, перераставшее в неконтролируемую ярость. С другой, печаль и сожаление. Причинить Ясуду хоть сколь либо ощутимый вред демон был не в состоянии, но и за жизнь свою цеплялся отчаянно. Иранистанец израсходовал почти весь запас заклятий и амулетов. Заговоренные сабли, что он держал в руках, к концу битвы оплавились и превратились в бесполезные куски металла. Демон погиб, а в душе Ясуда образовалась бездонная дыра, сотворенная печалью и ощущением безысходности. Почти два месяца иранистанец приходил в себя после этой битвы. Как только силы вернулись к нему, он отправился в ближайший храм Эрлика, чтобы жрецы дали объяснение произошедшему с ним. Ему поведали, что дело в том, что ментальный облик демона до такой степени прекрасен, что душа человека не может противиться его обаянию, и

лишь сознание того, что существо это есть олицетворение зла, может помочь охотнику в схватке. Готовить себя к той гамме чувств, что захлестнет вступившего в схватку с демоном, бесполезно. Странствующий проповедник достаточно силен, чтобы справиться с жалостью.

Ясуд слушал и кивал, а сам думал о том, что уничтожил одно из прекраснейших существ. Пусть это красота убийственна, но мало что способно с ней сравниться. Тогда иранистанец решил отыскать других проповедников, чтобы они излечили его душу. Но беседы с ними ничего не дали. Эти старые опытные охотники за демонами разучились видеть красоту и не могли понять, о чем им говорит юноша. Ясуд не одобрял того самозерцания, в которое они погрузились. Сам он видел своё величие лишь в отражении окружающего мира и людей его населявших. Демоны же оставались для него загадкой. Он не знал, на каком уровне бытия следует поставить этих существ. Конечно, они невероятно прекрасны, но сила их и интеллект несоизмеримы с его, Ясуда, возможностями.

Определился в этом вопросе он лишь после убийства третьего демона. Поднявшись с постели, Ясуд понял, что не учел одну важную деталь. Волю к жизни. Он сумел пройти сквозь все испытания в храме, да и на путях странствующего проповедника не раз вступал в схватку со смертью. Стремясь выжить, он становился умнее, хитрее, сильнее. Развивал в себе те качества, что ставили его над другими людьми и над демона-

ми. Выходцы же из иных сфер оставались неизменными в своей красоте, не пестовали в себе то, что было их истинной силой, что могло сохранить их жизни. С тех пор Ясуд, лишая жизни демона, переносил его ментальный облик в своё сознание, чтоб восхититься на досуге его строем и гаммой. Жалости он уже почти не испытывал. Красота продолжала жить в его памяти, точно так же, как она жила бы в самом демоне. В любом случае, она оставалась неизменной.

Но именно на пятом году своих странствий Ясуд открыл для себя то, что навсегда изменило его жизнь. Прогуливаясь по лугу и наблюдая за игрой бабочек, иранистанец сравнил её с теми переливами красок, что он увидел в душе последнего сраженного им демона. Ясуд понял, что неважно, на каком уровне бытия находится существо, оно может быть столь прекрасно, что заслуживает исключительного восхищения. Теперь во взгляде иранистанца, обращенном на людей, можно было заметить не только презрение, но и заинтересованность. Он искал красоту во всем, что его окружало.

Его новообретенная система ценностей была очень необычной для странствующего проповедника. Ясуд столь же ревностно, как и раньше, искоренял врагов Эрлика, но в ком-то из своих противников он видел ту же красоту, что и в душах демонов. Убийство этих людей иранистанец превращал в настоящий ритуал, обставленный с такой тщательностью, чтобы не нарушить гармонии прекрасного. Те же, кто по мнению Ясуда,

марал своим существованием ткань бытия, истреблялись безжалостно. Отход их на Серые Равнины неизменно сопровождался страшными мучениями.

Пустота озарилась всполохами синего и зеленого.

Таковы были цвета Ясуда — охотника за демонами.

Огонь горел уже не столь ярко. Холод вновь подобрался к душе Ясуда.

Но иранистанец, не смотря ни на что, ликовал. Если ему суждено умереть, исчезнуть в пустоте, то так тому и быть. Главное, что он ушел с дороги безволия.

В его прошлом рождался новый человек. Он точно знал это. Тот, что научился видеть красоту, рано или поздно увидит и остальное.

Скорее! Скорее в прошлое! Пока огонь еще горит...

Десять долгих лет Ясуд пребывал странствующим проповедником. За это время он добился небывалых успехов и стал лучшим. Это признавали и друзья, и недруги иранистанца. Но сам он уже давно перестал радоваться своим удачам. Победы над врагами бога Огня перестали иметь для него какое-либо значение. Он не утратил веры, но он устал.

Ясуд очень сильно изменился. Другими стали его жизненные приоритеты. Через красоту он познал покой, дружбу, привязанность. Иранистанец находил эти чувства прекрасными, и даже будучи лишенным возможности в полной мере ощу-

тить их, испытывал к ним неодолимую тягу. Отдельным пунктом стояла гармония. По мнению Ясуда, именно она должна была определять пути, по которым надлежит следовать человеческому обществу. Наивысшей гармонией обладали заповеди Эрлика, данные им через Тарима. Но многие законы, сотворенные земными правителями и идущие в разрез с заветами бога Огня, также не лишены были гармонии. Ясуд чувствовал, что идет против собственной природы, отправляя на Серые Равнины их создателей. Они должны были умереть, но рука, несущая им смерть, не должна знать сомнений. Убийца обязан быть слеп, чтобы служить истинно верной гармонии. Зрячий же, даже против воли, начинает творить свою собственную гармонию.

Потому иранистанец и решил уйти. Он служил Эрлику верой и правдой и считал, что бог Огня не должен держать на него зла. Ясуд вернул в храм всё заговоренное оружие, амулеты, книги заклятий, что взял оттуда, и отправился в своё первое путешествие не как бич Эрлика, а как простой человек. Путь его лежал на Закат, в те страны, где он еще не бывал.

Почти три года странствовал Ясуд по Немедии, Аквилонии, Офиру, Зингаре и Аргосу. На жизнь он себе зарабатывал магией, рассказами, знанием языков. Иранистанец не задавался целью обогатиться, деньги его интересовали постольку поскольку. Ел он мало, сказывалась привычка. Ночевать под открытым небом для него опять же было не в новинку, и никаких не-

удобств он от этого не испытывал. Ясуду нравилось открывать для себя новые города и страны, знакомиться с их обычаями, общаться с людьми. Иранистанец желал узреть весь мир в его неповторимой гармонии. Пусть сознанию человека никогда не вместить в себя и десятой его части, а жизни человеческой не хватит на то, чтобы пройти всеми его тропками, одна попытка постижения тоже много стоит.

Но и у странствующего проповедника силы не бесконечны. На тридцать шестом году жизни Ясуд решил, что стоит сделать небольшой перерыв. К тому же, ему так и не довелось почувствовать вкуса спокойной оседлой жизни. Но для начала следовало обзавестись деньгами. Иранистанец решил, что не нарушит мировой гармонии, лишив жизни одного купца, о несправедности которого твердила вся Ианта. По ходу Ясуд не преминул заглянуть в сокровищницу своей жертвы и наполнить заплечный мешок драгоценными камнями. По оценкам иранистанца этого должно было хватить на небольшую загородную усадьбу.

Основаться Ясуд решил в Аргосе. Ему нравились тамошние виноградники. В последние годы в иранистанце проснулся тонкий ценитель вин. Так большая часть заработанных им во время странствий денег уходила на приобретение того или иного коллекционного образчика. И Ясуд решил, что если уж вести оседлую жизнь, то помимо прочего непременно надлежит заняться виноделием. Потому когда представилась возмож-

ность купить небольшую старинную усадьбу с обширными виноградниками, иранистанец не пожалел переплатить вдвое, лишь бы охладить пыл конкурентов.

Ясуду начало казаться, что он обрел гармонию с миром именно тогда, когда занялся виноделием. Процесс рождения вина завораживал иранистанца, возможность влиять на него ставила его на одну ступень с богами. В первые годы Ясуд использовал магию для изменения вкусовых качеств винограда, но когда убедился, что от этого один только вред, отдал предпочтение селекции.

Он закупал новые сорта винограда, экспериментировал с местами посадок, пробовал различные рецепты изготовления и выдержки вин...

Получалось сначала не очень, но Ясуд всё равно был счастлив до одури. Он почти окончательно уверился, что нашел себя и нашел свое призвание.

В пустоте стало очень холодно.

Душа Ясуда наполнилась розовыми, лиловыми и фиолетовыми красками.

Огонь к тому времени почти погас. Тепла он не давал.

Еще немного, и душа покроется инеем, а потом и вовсе застынет, превратится в осколок льда.

Но всё же пламя еще горело, не исчезало.

Ясуд понял, что должен выбрать.

Он может уйти в пустоту, уйти счастливым. Остаться душой, раскрашенной голубым, зеле-

ным, лиловым, фиолетовым. Уйти в ничто и остаться бесконечно прекрасным.

Или продолжить путь. Вновь войти в огонь.

Снова узреть красные нити, позволить им сплести в его душе узор.

Пламя становилось всё меньше. Огонь уходил от него.

И когда он стал совсем крошечным, Ясуд потянулся к нему.

Они пришли к нему ранней весной. Их было двое, иранистанцы, но одетые на закатный манер. Старого слугу, что встретил их у ворот усадьбы, они лишили головы. Каждый, кто вставал у них на пути, отправлялся на Серые Равнины, независимо от того, был он вооружен или нет. Ясуд почувствовал их приближение слишком поздно, чтобы успеть спасти слуг. Навыки странствующего проповедника дремали в нем, и пробудить их сразу не удалось. Раньше бы Ясуд сумел различить колебания магического поля задолго до такого, как эти двое приблизились к усадьбе. Ныне же ему едва хватило времени снять со стены меч.

— Мы здесь, чтобы отнять твою жизнь, — сказал один из гостей, проникнувших в кабинет Ясуда. — Ты предал Эрлика.

Ясуд не был склонен к разговорам. Он верил, что если бог Огня и впрямь решил его покарать, с этим ничего не поделать. И уж точно ему нет никакого дела до мнения этих двоих, а потому не стоит пытаться их в чем-то убедить.

Он бросил на говорившего заклятье «удушья»,

а сам ринулся на второго. Гость встал в защитную стойку, приготовившись отразить атаку Ясуда. Но за миг до соприкосновения мечей хозяин усадьбы прочел заклятье «горящей крови», и посланец Эрлика упал на пол и забился в судорогах. Ясуд повернулся к его товарищу, готовясь отвести в сторону его удар. По его прикидкам гость уже должен был преодолеть эффект заклятья, но оказалось, что убийца мертв.

Почестей мертвецам иранистанец не оказал, отвез в поле и прочел заклятье «разложения плоти». Большого они не были достойны. То неумение, с которым они действовали, вызывало у Ясуда исключительно чувство отвращения.

Слуг же похоронили со всеми принятыми в Аргосе почестями. Они до конца, вольно или невольно, исполнили свой долг и заслужили право покоиться с миром. Новую прислугу взамен погибшей Ясуд набирать не стал. Наоборот, выплатил всем выжившим денег на полгода вперед и объявил им, что они свободны.

Ясуд ожидал новых гостей из Иранистана, и они не преминули появиться.

Первый раз они явились в день, когда во дворе усадьбы зацвели вишни. Как и в прошлый раз, их было двое. И снова разговоры о предательстве, и снова полнейшая некомпетентность во владении мечом и магией.

Второй визит состоялся в начале лета. Посланцев прибыло аж десять человек. Ясуд вынужден был признать, что пришлось потрудиться, чтобы отправить их на Серые Равнины. После

этого он обустроил на территории усадьбы три десятка магических ловушек.

В них и попалась большая часть следующей партии. До Ясуда добралось только трое странствующих проповедников. Говорить они не пытались и дрались достойно. Ясуд получил истинное удовольствие от схватки с ними. Именно так, по его мнению, и должны были избирать лучшего меж собой слуги Эрлика. Пламя от их погребальных костров взметнулось выше человеческого роста. Ясуд глядел на него и плакал.

После этого визиты в усадьбу незнакомых иранистанцев прекратились, и Ясуд зажил прежней жизнью. Вернул уволенных слуг, нанял новых на место погибших и вновь с головойгрузился в производство вин. На следующий год один из его сортов признали лучшим на осенней ярмарке в Мессантии. Но память о слугах Эрлика была всё ещё жива. Ясуд возобновил тренировки с мечом и луком, начал ежедневно повторять боевые заклятья. Несколько раз наносил тайные ночные визиты в сокровищницы аргосских аристократов. Правда, ничего не крал, просто оживлял старые навыки. Ясуд не мог поверить в то, что храм оставил его в покое даже тогда, когда со дня последнего визита проповедников минуло три года.

И в очередной раз интуиция не подвела иранистанца. Этот гость прибыл ночью, когда все спали. Дороги из трупов он за собой не оставил, и потому Ясуд не стал сразу его убивать, когда тот возник в окне его спальни.

Гость прыгнул на пол, вынул из ножен меч и отбросил его в сторону.

— Храм послал меня, — сказал он.

Этот проповедник был значительно моложе своих предшественников. Ясуд не дал бы ему больше девятнадцати.

— До тебя были другие, — сообщил посланцу Ясуд.

— Они желали тебе смерти, — сказал парень. — Я желаю говорить.

Отказывать в разговоре причин у Ясуда не имелось.

— Я слушаю тебя, — сказал он.

— Храм просит тебя вернуться, — обратился к нему парень. — Жрецы не ведают причин, по которым ты оставил службу Эрлику. Но они помнят, что ты был лучшим.

Посланник храма достал из-за пояса свиток и бросил его Ясуду.

— Прочти, — сказал он, — и прими решение.

— Я исполню эту просьбу, — ответил Ясуд. — Тебе же предлагаю воспользоваться моим гостеприимством.

— Благодарю, — поклонился парень. — Но вынужден сообщить, что ждут меня неотложные дела.

— Тогда доброй тебе дороги, — напутствовал его Ясуд.

Ушел парень точно так же, как и пришел, через окно.

Ясуд тем временем обратил свое внимание к свитку. Что могло произойти такого, что храм

просил о помощи того, кого не так давно причислял к предателям и пытался убить.

В послании говорилось о том, что один из странствующих проповедников натолкнулся на странное пророчество. В нем говорилось о некоем полубоге, что умер в древности и должен возродиться в наши дни.

Примерно в то же время другой проповедник, отправленный на охоту в Кхитай, сообщил о человеке, полностью подходящем под описание слуги этого полубога. Тогда храм вплотную занялся этим пророчеством и обнаружил еще четыре упоминания о грядущем втором пришествии. Состояться оно должно было в ближайшее время. В свитке содержались выдержки, в которых говорилось о последствиях возрождения полубога. Немало повидавший на своем веку демонов и духов Ясуд впечатлился.

Размышляя над посланием храма Ясуд аж целую седмицу. До этого момента ему казалось, что он обрел свое место в мире. Он был счастлив здесь и сейчас. Но если написанное в свитке правда, может статься, что полубога не одолеть без его помощи. А его возрождение, вне всякого сомнения, поколеблет мировую гармонию, и он станет одним из молчаливых пособников этого процесса. Вот если бы в храме отыскался другой достойный, тогда всё вышло бы наилучшим образом.

В итоге Ясуд всё же отправил в Иранистан послание, в котором сообщал о своем согласии. Он потребовал себе в помощники трех лучших про-

поведников, собираясь вступить в дело, только если они потерпят неудачу.

Жрецы приняли условие Ясуда. Встретились четверо странствующих проповедников в Султанпуре, откуда и направились их в сторону Кхитай. В дороге Ясуд вел разговоры со своими спутниками, селясь выбрать среди них самого достойного. Несмотря на особенности характера странствующих проповедников, все трое посланцев храма явили жажду общения, ведь рядом с ними ехала живая легенда.

К тому моменту, когда слуги Эрлика достигли пределов Кхитай, Ясуд уже окончательно определился в своих предпочтениях. В принципе, все трое казались ему достойными, но кто-то больше, а кто-то меньше. Отыскать и пленить кхитайского колдуна, служившего ждавшему возрождения полубогу, для четырех лучших странствующих проповедников труда не составило.

Теперь одному из них предстояло стать слугой полубога, членом таинственного Общества, но не истинным, а поддельным. Тем, чья оболочка станет смертельной ловушкой для возрожденного. Ясуд с помощью магии скопировал все татуировки кхитайца на спину отобранного им проповедника. Сходство вышло идеальным. Но это было только начало. В пророчествах говорилось, что кольцо с камнем, надетое на палец человека, изменит его тело, если только он не является родственником его предыдущего обладателя. Именно в этом и крылся шанс обмануть полубога. Надо было не позволить кольцу преоб-

разовать тело. Для этого требовалось смешать кровь кхитайца с кровью слуги Эрлика, причем в количестве достаточном, чтобы обмануть магию кольца.

Проповедника уложили на пол рядом с пленным кхитайцем, вскрыли вены обоих и соединили их руки меж собой. Ясуд прочитал заклинание, заставившее кровь кхитайца течь в тело иранистанца.

Сначала всё шло, как надо. Избранный проповедник улыбался, шутил, но по прошествии десяти части колокола почувствовал себя плохо. Ясуд разорвал завет, попытался понять, что именно пошло не так, но не успел. Иранистанец вскорости умер.

Следующий проповедник уже не улыбался. Чувствовалось, что отсчитывает мгновения до того момента, в который умер его товарищ. Но всё произошло намного раньше. Судорога пронзила тело слуги Эрлика, умирал он в страшных мучениях.

— Твоя очередь, — сказал Ясуд последнему из посланцев храма. Это был тот паренек, что принес ему весть из Иранистана. — Готов?

— Да, — ответил молодой проповедник. Ясуд и не сомневался, что он не откажется.

Парень держал куда более стойко, чем его предшественник, когда Ясуд вскрывал ему вену. Даже нашел в себе силы улыбнуться, когда слышал первые слова завета. Ясуду показалось, что именно этот парень и должен стать избранным, он видел в этом перст судьбы. Вот

только боги распорядились иначе. Молодой человек умер почти сразу, не прошло и пары вдохов.

Ясуд лишь покачал головой.

— Ты выбрал, Эрлик, — обратился он к богу Огня.

Последний из прибывших в Кхитай иранистанцев приступил к ритуалу. Скопировал татуировку, вскрыл вены и начал творить волшебство. Кровь кхитайца вливалась в него и ничего не происходило. Лишь легкую слабость ощутил Ясуд, когда всё было закончено. Тогда он снял кольцо с руки колдуна и надел себе на палец.

Больше он не был странствующим проповедником, теперь он был посланцем кофийского магического конклава, прибывшим в далекий край в поисках древних артефактов.

Дальше была встреча с Обществом, ритуалы, поиски и смерть от руки Себера.

Огонь разметал пустоту, заполнил её своей сутью, прогнал холод прочь.

Если бы только Ясуд мог улыбаться, он бы улыбнулся.

Эрлик не забыл его. Бог Огня даровал своим самым преданным слугам за те мучения, что они претерпевали во имя своего служения, то, о чем мечтали люди во все времена, во всех странах. Возможность вернуться в мир живых.

У него будет еще один шанс.

Гори огонь! Гори ярче! Твой слуга славит тебя!

Он вернется, чтобы убивать и умереть во твою славу!

... и пустота исчезла окончательно.

Ясуд открыл глаза. Ощущения от возрождения были очень странные. Радость от обретения жизни несколько нивелировалась тем, что тело по-прежнему оставалось мертвым.

Кровь не бежала по жилам, воздух не поступал в легкие, а еще было очень холодно. Ясуд знал, что вскоре жизнь вернется полностью, но ожидание этого момента он бы предпочел сократить до минимума.

— Очнулся?

Вопрос исходил от мускулистого пирата ростом с двух Дамаров. Судя по гриве черных волос, у парня в родственниках имелись киммерийцы. А судя по мечу, которым он небрежно поигрывал, намерения у него могли быть и не дружеские.

— Очнулся, — не стал отрицать очевидное. — А ты кто? И что здесь делаешь?

— Я отвечаю, — сказал киммериец, — а потом ответишь ты. Моё имя Конан. Я работаю на местных магов. Мне поручили убить тебя и твоего тщедушного товарища. Для верности Хозяева снабдили меня заклятьем, которое будит во мне жажду вашей смерти. Так вот, к тебе я ничего подобного не испытываю, словно ты уже мертв, но в то же время вложенная в меня магия упорно утверждала, что в этой куче мусора лежал не мертвец. Вот я и решил немного подождать. Ну, а ты возьми да и вправду воскресни. Объясни пожалуйста, что здесь такое творится?

Говорил киммериец очень спокойно, как человек, полностью уверенный в собственных силах.

Видимо, сей вояка сумел оценить, с каким «проворством» двигался оживший Ясуд. Впрочем, вежливость иранистанец уважал и на ответ сподобился.

— Дело в том, — сказал он, — что сейчас какая-то часть меня всё еще пребывает в мире мертвых. Твое заклятье, скорее всего, имеет первоначальную ориентацию на состояние тела, а не на его связь с душой.

— Получается, — ответил Конан, — что я должен её разорвать, чтобы исполнить свой договор. Прости. Наверное, неприятно умереть, только воскреснув.

Киммериец занес для удара меч. Ясуд понял, что не успеет уклониться. Колдовать в нынешнем состоянии он и вовсе не мог.

— Постой! — закричал иранистанец. — Может, мы сумеем договориться. Я и сам собирался умереть вскорости, тебе нужно лишь подождать.

— Не люблю убивать тех, — сказал пират, — кто не в состоянии защититься. Что ж, попробуйся оборонить себя с помощью слов.

Если бы Ясуд мог, он бы испустил вздох облегчения. Зря он сетовал на мертвое состояние своего тела. Очнись он живым, заклятье принудило бы киммерийца нанести удар безо всяких разговоров.

— Хозяева Побережья могли послать, — сказал иранистанец, — тебя за нами с одной единственной целью. Они хотят не допустить воплощения древнего полубога, которому мы служим.

— Это так, — кивнул киммериец.

— Так вот, — продолжал Ясуд. — Я желаю не просто отложить его воплощение или лишить подходящей оболочки. Это существо должно погибнуть. Мое тело — это смертельная ловушка для него. Я умышленно искажил ритуалы преобразования.

— Звучит замечательно, — ухмыльнулся киммериец. — Вот только какие у меня доказательства, что ты говоришь правду?

— Я могу поклясться, — сказал Ясуд. — Но не думаю, что это как-то повлияет на твое решение.

— Знаешь, я тебе поверю, — неожиданно заявил Конан. — То, как с тобой обошлись, да и это твое воскрешение наталкивает меня на мысль, что ты служишь кому-то, кто уже имеет власть в этом мире.

— Эрлику, — честно ответил Ясуд.

— Так и думал, — признался киммериец. — Очень похоже на бога Огня, воскресить слугу, чтобы тот умер в его честь. К тому же, твоё происхождение...

— Ты сказал, — напомнил пирату иранистанец, — что со мной обошлись не самым лучшим образом. Не посвятишь меня в подробности? Я, видишь ли, был некоторое время лишен возможности созерцать окружающий мир.

— Вчера ты и этот худосочный, — начал рассказ Конан, — в сопровождении поклонников Золотого Павлина прошептавали в один из самых богатых городских особняков. Я за вами не полез, даже заклятье меня не заставило это сделать. Саббатеицы настоящие мастера маскировки. На

доме и окрестностях наверняка такие заклятья лежат, что Хозяева не с первого раз сотворить сумели бы. В общем, весь вчерашний день я только и делал, что наблюдал за особняком в ожидании того момента, когда вы его покинете. Пару раз к вам лазили «лиловые», но вскорости вылезали обратно с самыми кислыми мордами.

— Я этого уже не застал, — сказал Ясуд. — Меня худосочный, как ты его называешь, чуть раньше отправил прогуляться по Серым Равнинам.

— Верю, — сказал киммериец и продолжил рассказ. — Кроме «лиловых», из особняка никто не выходил и не входил туда. Ночь тоже прошла спокойно. Ближе к утру я решил, что ждать больше нельзя, и собрался лезть внутрь. И только я в этой идее утвердился, смотрю из особняка двое слуг вышли, в руках ковер тащат. Я за ними следом направился, посмотреть, чье тело выкидывать собрались. Вот в этой помойке они, собственно, тебя и свалили. Кстати, может объяснишь, зачем им труп твой выносить понадобилось?

— Думаю, Себер настоял, — предположил Ясуд и пояснил. — Худосочный. Сказал им, что тело ядовитое и разлагаться вот-вот начнет. Чтобы они его самого не съели при случае. Саббатеицам ему перечить не с руки, вот и сделали вид, что поверили.

— Они-то здесь каким боком? — спросил Конан.

— Говорили, что полубогу поклониться желают, — ответил Ясуд. — Только чушь это, и Себер — дурак, если поверил. У них вся вера через

одно место проходит. Через желудок. Сожрать они собираются полубога, и силу его себе забрать. Рискованно, конечно, но им не привыкать.

— Ладно, хватит расслаиваться! — сказал Конан. — Пойдем к особняку. Нечего его без пригляду держать. И так уже четвертый колокол здесь сию

— Согласен, — ответил Ясуд, — пойдем.

Киммериец помог ему подняться на ноги, и они поспешили к обители поклонников Золотого Павлина. Путь Конан указывал уверенно, хотя поворотов миновать пришлось предостаточно. Не скажешь, что хаживал он здесь единожды, да еще в темноте.

— Насколько крепко держит тебя заклятье? — поинтересовался у Конана Ясуд. Колдовать он не мог, пока тело его было мертво.

— Не знаю, — ответил киммериец. — А что?

— Себера нельзя убивать, — сказал иранистанец. — Думаю, ему известно, кто из четырех полубогов истинный. Ты вообще в курсе этой проблемы?

— Наслышан, — сказал Конан.

— У немедийца древняя родословная, — пояснил Ясуд. — В плане того, что предки не просто были, а еще и в Обществе состояли. Они ему такую подготовку устроили, что зашатаешься. Он меня заклинанием приложил, которому новичков не обучают.

— Знает, так знает, — согласился Конан. — Ты с ним общался, не я. Если считаешь, что он нас на полубога выведет, значит, будем следить.

Вскоре Ясуд стал узнавать окружающие строения. Этой дорогой их вели саббатеицы вчера утром. Оставалось миновать один квартал, и они выйдут к особняку.

— Вот они! — Конан схватил иранистанца за плечо и указал ему на Себера и двух сопровождавших его поклонников Золотого Павлина. Они свернули с дороги, по которой шествовали навстречу киммерийцу и Ясуду, в узкий переулок.

Выдерживая расстояние, Конан и Ясуд устремились за ними. Иранистанец мысленно вознес молитву Эрлику.

Всё шло как нельзя лучше, он обрел союзника и тут же напал на след немедийца. Возможно, именно из-за чрезмерной радости Ясуд и не заметил движения правой руки Конана.

Возможно, просто отсутствие привычной легкости в управлении телом сыграло свою роль. Так или иначе, он не успел помешать киммерийцу снять с пояса метательный кинжал и послать его в спину Себера.

Проникнув меж ребер немедийца, нож пронзил его сердце.

— Проклятье! — Конан выглядел не менее растерянно, чем иранистанец. — Я не хотел!

Похоже, киммериец и впрямь не ожидал, что заклятье Хозяев имеет над ним такую силу.

Поклонники Павлина же сумели сохранить самообладание. Они схватили тело немедийца и бегом направились к особняку.

— Не время извиняться, — сказал Ясуд. — Эти двое заметили меня, сейчас доложатся, и все ме-

стные саббатеицы выйдут на охоту по наши с тобой шкуры.

— Ты прав, — согласился Конан. — Давай, убираться отсюда...

* * *

Впереди финальные аккорды схватки духов на арене Сартоса. Чем она обернется для главных героев, вы узнаете из последней части романа. Уже очень скоро...

Цепь оборотня

В усмешкою мудреца, в полной мере познавшего тщету земной жизни, ущербный месяц наблюдал с небес за небольшим караваном, нехотя преодолевающим выжженные солнцем пространства. По следу каравана, принюхиваясь, кралась волчья стая.

Двенадцать голодных, матерых зверей подвывали от нетерпения. На выжженную траву капала слюна. Запах близкой пищи призывал, забыв осторожность, броситься вперед и вонзить клыки в теплое, парное мясо! Упиваясь дымящейся кровью, рвать податливую плоть, торопливо глотать и снова рвать! Но звери умели сдерживать себя, и, только заметив дрожь клочьев серой шерсти на боках, можно было понять, чего это им стоило.

А караван медленно продвигался вперед. Две лошади и верблюд. На первой — восседал высокий, статный воин в полном боевом доспехе. На

его широком поясе висел огромный меч в простых кожаных ножнах. Волевое, покрытое шрамами лицо и сверкающие неожиданной синевой глаза выдавали в нем человека решительного и весьма скорого на расправу.

Вторая лошадь несла поклажу — два притороченных по бокам тюка. На верблюде притулился некто, почти не заметный среди горбов. В глаза бросались спутанная борода и длинный крючковатый нос с двумя бородавками.

Усталые животные плелись шагом. Ехали, по большей части, молча, только иногда коротышка напевал в полголоса странные, чужеземные песни, то источающие невообразимую грусть, то расплескивающие неожиданное веселье. Язык был и вовсе неземным: отрывистым и певучим, напоминающим грозный рокот прибоя и тихий шелест умирающей осенней листвы.

— Конан, пора остановиться на ночлег, животные устали, — прервав песню, сказал тот, что ехал на верблюде.

— Пожалуй... — проворчал воин, останавливая коня, — только спокойной ночи нам не будет... Волки...

— С чего ты взял? — спросил коротышка, повертев головой.

Его звали Хепат. Был он гном, прибившийся к людям после того, как племя его царя Вармина уничтожили обезьянолюди. Жители злого Шади-зара считали его уродцем-карликом, фантазером и похвальбишкой. И частенько, угостив вином, с усмешкой слушали хмельные, запутанные рас-

сказы о подвигах Конана, оруженосцем которого он себя с некоторых пор считал. Ухмыляясь, подмигивая и подталкивая друг друга локтями, за-всегдаи таверны толстого Асланкариба откровенно смеялись над рассказами гнома, считая их досужей выдумкой любителя вина и пьяных споров. Однако смех мгновенно стихал, стоило в таверне появиться Конану. И недавние шутники вдруг с преувеличенным вниманием начинали слушать пьяного Хепата, кивать и поддакивать, опасливо косясь на его грозного покровителя.

Иногда гном, роняя пьяные слезы, жаловался другу на какого-нибудь не в меру ретивого пересмешика, и киммериец без лишних слов за шкуру выбрасывал шутника из таверны.

— С чего ты взял? — повторил Хепат, прислушиваясь, — я ничего не слышу...

— И я не слышу, — ухмыльнулся Конан, — просто я знаю, что в этих местах волки всегда нападают на караваны. А наш — вообще легкая добыча: слишком маленький...

Хепат, ловко уцепившись за шерсть, слез с верблюда.

— Нужно набрать... найти дров... — он растерянно оглянулся. Вокруг раскинулась унылая степь... Ни единого деревца...

— Если попадется стая не слишком большая и не слишком голодная, может, и не рискнет напасть, — Конан расседлал и стреножил животных, затем стал распаковывать седельные сумки.

— А если — большая и голодная?

— Тогда нам придется туго...

Наскоро закусили. Месяц нырнул в тучи, и степь подернулась дымкой. Укладываться спать не имело смысла. Сидели спина к спине, зорко глядяваясь в сумерки. Лошади и верблюды жалась к хозяевам и тревожно били копытами.

— Вот они, — негромко сказал Конан и принял считать, — два... шесть... десять...

Судя по парным огонькам глаз, стая насчитывала не менее двенадцати волков.

— Говорил тебе — купи арбалет или лук! — в словах Конана не было укоризны, скорее, легкая досада, — что ты сможешь сделать со своим кинжалом?

— Ничего... — тонким голосом отозвался гном.

— Вот и я говорю — ничего!

— Ничего! — голос Хепата окреп, — я уж как-нибудь... пару глоток им перережу!

Волки приблизились. Темные силуэты с горящими, как у демонов, глазами, легкими тенями скользили над землей, ложились, вскакивали, отходили в степь, возвращались, скул от голодного нетерпения.

— Главное, не дай себя опрокинуть! — Конан поднялся и вытащил меч, — сейчас они нападут! Приготовься!

Бесшумная поступь волков придавала стае призрачный вид. Будто не живые существа готовились к нападению, а бесплотные призраки, духи степей. Одна тень внезапно выросла до размеров годовалого теленка. Это вожак, самый крупный самец в стае, приблизился и приготовился к прыжку.

Остальные — зашли с боков. Конан не стал ждать нападения. Легкой тенью — в свете луны сам, как бесплотный дух — скользнул вперед. Волк молча прыгнул навстречу. Атака вожака послужила сигналом остальным. Стая с рычанием бросилась на добычу. Три волка, успевшие зайти сзади, метнулись к Хепату, остальные обрушились на Конана. Первым погиб, разрубленный надвое, вожак. Но двое волков успели повиснуть на руках Конана. Третий ухватил за ногу. Лязгающие челюсти напоминали огромные капканы. Киммериец взмахнул руками, и волчьи зубы соскользнули с кольчуги. Одного зверя он зарубил, второй успел отбежать и приготовился к новой атаке. Скрипнув зубами, Конан отрубил голову волку, вцепившемуся в ногу. И метнулся к другим...

Хепат ловко проткнул кинжалом первого бросившегося на него волка, но на этом его удача и закончилась. Двое других в прыжке сбили его с ног и бросились рвать податливое тело. Одежда полетела клочьями. Гном наугад тыкал кинжалом, и еще один волк завизжал, отпрыгнув в сторону. К несчастью, кинжал выпал из рук Хепата, и все, что мог сделать гном, это ухватить третьего волка за шерсть и удерживать на расстоянии локтя его щелкающую, истекающую слюной пасть. Но силы быстро иссякали, и острые, слегка загнутые зубы неотвратимо приближались к горлу Хепата. И тогда он вспомнил рассказы одного старого охотника в таверне.

Когда нет в руках оружия, а хищник насаждает,

и вот-вот его клыки вопьются в горло — остается только один способ...

И Хепат, в отчаянии, решил прибегнуть к этому последнему средству. Изо всех сил он сунул голую руку в пасть зверя. На, подавись! Суть состояла в том, чтобы перекрыть хищнику дыхание. Волк сомкнул челюсти на руке гнома. Хепат закричал от боли, слыша, как хрустят кости; но пропихивал руку все глубже в пасть зверя. И волк стал хрипеть и задыхаться. Затем вяло замотал головой и рухнул рядом со своей жертвой.

Конан в это время отбивался от всей стаи. Неуловимым демоном смерти кружил он над степью, а меч в его руке походил на смерч. И даже волки — ловкие, свирепые твари — не могли сравниться с ним в быстроте.

Скоро все было кончено. На окровавленной траве повсюду валялись волчьи трупы. Хепат стонал, пытаясь перевязать руку. По ноге Конана струилась кровь, но синие глаза сверкали торжеством. Они победили! Вдвоем справились со свирепой стаей!

Стреноженные лошади в страхе ржали где-то неподалеку. Верблюд молчал, видимо, затаившись в степи.

Конан тщательно промыл раны — Хепата и свою. Затем наложил на сломанную руку гнома шину из ножен его фамильного кинжала и туго забинтовал обрывками одежды, пришедшей в полную негодность из-за острых волчьих зубов.

Потом перевязал ногу и, слегка прихрамывая, отправился на поиски коней и верблюда.

Хепат остался наедине с болью. Она поднималась из глубин, пульсировала, раздирала плоть, заставляла скрипеть зубами и до крови закусывать губу. В мире осталось только страдание... Хепат громко стонал. Может, спрятаться в прошлом?..

Кажется, совсем недавно жил он в обширных пещерах царства Вармина. Красота подземных залов, украшенных разноцветными сталактитами, вкраплениями кварца и малахита не уставала радовать трудолюбивых гномов. Горы дарили им неслыханные сокровища: алмазы величиной с кулак, сверкающие даже после предварительной огранки; огромные, как зубы дракона, источающие кровавый свет рубины; радующие веселым зеленым светом изумруды, горящие, как глаза дикой пещерной кошки... Все это разграбили, растащили мерзкие волосатые создания с лицами на груди и длинными, свисающими ниже колен руками... В неравной битве с ними погибло племя Вармина.

Хепат стиснул зубы. Нет, прошлое тоже не радовало. Уж лучше наполненное болью настоящее. В нем всегда есть хоть слабая, но надежда на счастливое будущее. Вот, найдет его друг ТО место, откопает заветный горшок с алмазами!.. Купит неприступный замок или роскошный дворец!..

Конан привел испуганных лошадей и невозмутимо жующего верблюда.

— Вот старый ленивый черт! Похоже, он совсем не испугался!

Верблюд высокомерно оглядел место битвы и,

сохраняя достоинство, неспешно лег, чтобы Хепат мог забраться ему на спину.

Конан навьючил лошадей и, поморщившись от боли в прокушенной ноге, вскочил в седло. Ласковое утреннее солнце согревало тело и душу. Из-за горизонта поднимались далекие синие горы. Пора было трогаться в дальнейший путь.

2

Предгорья великих Карпашских гор, куда держали путь Конан с Хепатом, встретили путешественников, как сварливая жена загулявшего мужа. Погода испортилась. Хмурое небо назойливо сыпало мелким дождем. Густой туман змеей полз меж холмов. У Хепата болела рука, у Конана дергало ногу. Настроение у обоих было отвратительным.

— Конан, а ты оглядывался после того, как мы тронулись? — проскрипел гном, превозмогая боль.

— К чему это? — хмуро спросил киммериец.

— А к тому, что все трупы волков исчезли вскоре после того, как мы отъехали! — заорал Хепат, ставший после схватки с волками чрезвычайно раздражительным.

Конан поморщился. Не то от боли в распухшей ноге, не то от крика гнома и его глупых слов.

— Да, пропали! — не унимался Хепат, которому требовался собеседник, чтобы отвлечься от страданий.

— Ну, отъехали мы — их не стало видно, они же лежали! — ответил Конан, чтобы хоть что-то сказать.

— Ты что, меня дураком считаешь?! — разговор не помогал, боль по-прежнему была нестерпимой. — Они именно исчезли, как исчезает вода, впитываясь в песок!

— Да не ори! — наконец рывкнул Конан, — меня тоже боль донимает... Надо заехать в ближайшее селение и найти лекаря! Что-то не то с нашими ранами! Может, я их плохо промыл?..

Ближайшее селение оказалось небольшой деревней с низкими глинобитными домиками, крытыми полусгнившей соломой. Посреди возвышалось вековое, раскидистое дерево. Больше в деревне не было ничего примечательного.

На пороге крайнего домика курил трубку худой старик, по виду ровесник если не самого дядьвола, то по крайней мере его внуков. Согбенный годами и болезнями, он напоминал злобного лучшего. Но глаза из-под мохнатых седых бровей глядели на удивление зорко и ясно.

— Вам нужен знахарь? — как сухая лесина, проскрипел старик, всмотревшись в искаженные страданиями лица путников.

Конан кивнул, и «леший» указал неразгибающейся до конца рукой на домик, выглядевший новее и лучше других.

Друзья поблагодарили скрывшегося в табачном дыму старика и направились к указанному дому.

Собака, спавшая у входа, даже не открыла

глаз и вообще не подала виду, что заметила путников. Хепат, которого Конан снимал с верблюда, громко стонал и ругался, но псина не повела и ухом. Возможно, она была старая и глухая, или вообще отдала душу своему собачьему богу. Хромая мимо собаки, Конан испытывал огромное желание пнуть ее здоровой ногой, чтобы она известила, наконец, хозяина о приходе гостей.

Но, как выяснилось, лекарь их уже ждал.

— Вас направил старый мельник? Мазь скоро будет готова...

Действительно, знахарь помещивал в котелке некое варево, распространяющее аромат, способный поднять мертвого.

«Если и сейчас не проснется его собака, — подумал Конан, стараясь не дышать слишком глубоко, — значит, она давно околела...»

Старый мельник по виду смахивал на лешего, а знахарь мог бы сойти за домового. Маленького роста, немногим выше Хепата, сухой и подвижный, с лицом, будто выструганным из корявого полена, он ни минуты не оставался на месте. Даже помещивая зелье, перебирал ногами, будто в танце, не в силах долго находиться в одной позе.

Конан нахмурился. Что-то неестественное было в этой деревне и ее жителях...

Скоро вонь стала невыносимой, и «домовой», потянув носом, будто только теперь почувствовал запах, объявил:

— Мазь готова. Она поможет и от нарывов, и от отека, и от... — он не договорил и принялся что-то невнятно бормотать.

Конан размотал тряпки на руке гнома. Знахарь с интересом вурдалака, рассматривающего будущую жертву на предмет полнокровия, вглядывался в рану.

— Волки?

— Именно, — хмуро ответил Конан, разбинтовывая ногу.

— Сколько волков было в стае? — старик бросил на киммерийца быстрый взгляд.

— Двенадцать.

— Вы не заметили ничего странного? — знахарь ловко накладывал вонючую мазь на рану Хепата.

— Вроде бы нет... — Конан невольно почесал затылок.

Но тут прорвало гнома. Морщась от боли и отвратительного запаха, он рассказал, что трупы волков исчезли вскоре после битвы.

Вопреки ожиданиям Конана, старик не рассмехался. Опять забормотал что-то невразумительное, затем быстро наложил мазь на распухшую ногу киммерийца и ловко забинтовал.

— Можете ехать дальше!

— Какой там «ехать»?! — разозлился Конан, — мой друг еле на ногах держится! Нам бы отдохнуть пару дней!

— Здесь-то вы вряд ли найдете место для отдыха...

— Мы его уже нашли, — киммериец бережно уложил Хепата на низкую лежанку.

Гном тяжело, с натугой дышал и, похоже, готовился потерять сознание. Конан отстегнул пояс

с мечом и сел на шаткую скамью рядом с лежанкой.

— Не ругайся, знахарь, мы хорошо заплатим, — сказал он уставшим голосом и, откинувшись на спинку, закрыл глаза.

— У меня в доме даже есть нечего, — слабо протестовал лекарь, уже зная, что все возражения окажутся бесполезными. Этот воин сделает все по-своему. И деревне грозит беда... Не от него — он-то выдержит, а от второго... У того и рана пострашнее, и сам он хлипкий...

— Распакуй наши седельные сумки, — Конаном овладела сладкая дрема, — там вяленое мясо и вино... Да позаботься о лошадях и верблюде...

Знахарь, качая головой, вышел из хижины. Молча оглядел собравшихся перед входом стариков и старух — жителей деревни. В ответ на вопросительные взгляды хмуρο кивнул.

Затем вздохнул и пошел к лошадям. Остановившись, нехотя сказал:

— Воин выдержит... И мазь хорошая... А вот второго — коротышку — надо опасаться...

Жители деревни — не больше десятка человек — понуро побрели к своим хижинам. Новая беда... А они слишком стары, чтобы бежать... Да и куда убежишь? Вокруг бродят стаи этих... Молодые пробовали убегать — и что из этого вышло?! Стало только хуже...

Наутро Конан чувствовал себя значительно лучше. Правда, иногда накатывали волны озноба, но рана почти не болела. А с лихорадкой, по совету знахаря, он боролся усилием воли. Сжимая

пудовые кулаки так, что трещали пальцы, он заставлял озноб отступать. Гнал его из тела, как, бывало, выгонял хмель во время внезапной ночной атаки противника.

Это был еще один прием опытных наемников: мертвецки пьяный воин, услышав сигнал тревоги, сосредотачивался, собирал в кулак волю, с рычанием вскакивал на ноги и сражался, как лев. А после битвы, расслабившись, опять едва держался на ногах...

С Хепатом дело обстояло значительно хуже. Рука его вроде и зажила, но лихорадка донимала до потери сознания.

Хмурый знахарь ежедневно смазывал его рану вонючей мазью и туго бинтовал. При этом губы лекаря непрестанно шевелились: похоже, он истово молился своим богам.

Однажды, когда гном в очередной раз лишился чувств, знахарь печально, но твердо сказал:

— Ты должен убить его.

От неожиданности Конан лишился дара речи.

— Он превращается, — продолжал старик. — Однажды ночью он нападет на тебя...

— Превращается?... В кого?

— На вас напали не просто волки... Оборотни... Они все были когда-то людьми... Многие — из нашей деревни.

— Что ты городишь?! — рассвирепел Конан, — самые обычные волки! Я таких убивал и раньше!

— Но раньше не исчезали трупы.

— Это ему показалось! Я ничего такого не заметил!

— Но ты ведь не оглядывался.

Конан не знал, что и сказать. Молча смотрел он на друга, впавшего в беспамятство и перебирающего в бреду руками и ногами, как это делают спящие собаки... и, наверное, волки.

— Мы давно знаем эту стаю... — грустно продолжал старик, — а вожак... Вожак — мой сын. Когда в наших краях появился оборотень и покусал несколько человек, я стал искать рецепт мази, которая убивала бы эту волчью заразу. Нашел, но было уже поздно — многих растерзали, многие превратились в оборотней... Да и не всегда помогает моя мазь... Нужно еще иметь сильный дух, волю... Ты справился, а вот товарищ твой — нет... Поэтому его нужно убить, пока он...

— Нет! — рывкнул Конан, — нужно искать другой выход!

— Другого выхода нет.

— Должен быть! Должен... Когда меня околдовали, он, — Конан кивнул на гнома, по-прежнему лежащего в забытьи, — летал за одним хорошим колдуном... Нашим другом... И тот помог мне!

— Летал? — удивился знахарь.

— Да, да! Летал на пауке! Тебе не понять! — Конан метался по хижине, как зверь. Затем заставил себя успокоиться и сел на лежанку. Поправил шкуру, которой накрыли дрожащего Хепата, и твердо сказал:

— Я отправлюсь за волшебником. Сколько это займет времени — не знаю. Но ты будешь кормить его, ухаживать за ним...

— Да, но...

— Он будет сидеть на цепи!

Конан достал кошелек, бросил на стол несколько золотых монет.

— Это — задаток. А теперь принеси мне самую крепкую цепь и кузнечные инструменты...

3

Ночами в узких ущельях, на дне которых пенились быстрые горные речки, становилось прохладно. Конан коротал время в полудреме у костра, наблюдая за веселыми плясками гибких, как молодые танцовщицы, языков пламени. Отправившись за Эскилапом в самое сердце Карпашских гор, где вздумал поселиться волшебник, киммериец спрашивал себя — не зря ли он оставил Хепата в деревне? Смогут ли — и будут ли — ухаживать за оборотнем жители? В том, что знахарь оказался прав, Конан убедился перед отъездом. Он как раз успел приковать друга к стоящему посреди деревни дереву, как тот стал меняться. Это была страшная и болезненная процедура. Хепат корчился и оглашал окрестности ужасным ревом, когда у него смещались лицевые кости, росли клыки, а руки и ноги превращались в когтистые лапы.

Конана он не узнавал и бросался на всех, кто стоял рядом. Даже глаза его изменились — стали ярко-желтыми, с вертикальными зрачками — и всполохами ненависти ко всему живому.

Конан поворошил сучья в костре и вздохнул. Сможет ли Эскилап помочь? Да и вообще, вна-

чале нужно найти жилище волшебника... Застать его дома... Возможно, он путешествует где-нибудь на другом конце света!

Резко закричала ночная птица. Захлопала крыльями, готовясь в любой момент сорваться и улететь от неведомой опасности. По ущелью прокатилось эхо далекого обвала. Невдалеке все также весело журчала речка.

Конан обнажил меч и положил его рядом с правой рукой. Что-то приближалось. Опять закричала птица. Подбросив в огонь свежие сучья, киммериец отвернулся от костра и пристально вгляделся в темноту. Казалось, невядалеке метались неясные тени. Птица теперь кричала непрерывно. Конан взял меч и встал спиной к огню. Легкий ветерок доносил обычные ночные запахи — прохлады, воды, сухой травы...

* * *

Хепат очнулся, чувствуя сильную слабость. Застонал и открыл глаза. Первым, что он увидел, была цепь. Хорошая, прочная, на такую и дракона можно посадить — не порвется. К безмерному удивлению гнома, на этой цепи сидел он сам. Железный ошейник сильно натер шею и теперь гнул Хепата к земле. Он взял цепь в руки, покачав, взвесил и положил на плечо. Шее стало легче. Где же Конан? Почему он посадил друга на цепь? И что за кости лежат рядом? Похоже, человеческие. Голова Хепата налилась свинцовой тяжестью...

К вечеру появился знахарь.

— Ну, что — очнулся? Ты съел моего помощника, когда он принес тебе пищу! Он думал, что ты спишь, и хотел придвинуть миску поближе...

— Что ты такое говоришь? — Хепат еле ворочал языком после болезни, хотя рука его, похоже, зажила.

— То и говорю, — мрачно сказал знахарь, — если бы твой друг не дал такой щедрый задаток, я бы давно убил тебя!

Хепат еще раз потрогал цепь, будто пробуя ее на прочность. Звенья были выкованы на совесть. Только вот пахла она мерзко — железом. Гном вдруг заметил, что различает множество запахов. Каждая вещь имела свой неповторимый аромат. Вот на этой цепи, например, сохранился запах Конана. А знахарь носит с собой вонь той самой мази, и даже из могилы его будет доноситься этот ужасный смрад...

Внезапно навалилась темнота, и Хепат почувствовал, что тело его странным образом меняется.

— Превращается, тварь! — зашипел знахарь, плюнул и пошел в хижину.

Хепат натянул цепь. Захрипел, дернулся. Крепкая. Тогда он поднял морду и с тоской завыл на луну...

* * *

Конан стоял у потухающего костра, а вокруг него по-прежнему носились тени. Какой-то дьявольский хоровод! Мужчины, женщины или иные су-

щества кружились в смутном, потустороннем танце — понять было невозможно. Иногда мерцали глаза — огромные и печальные, затем вновь мелькали прозрачные руки, ноги... Кружились, взлетали, опускались... Бешеный танец призраков...

Костер догорел. Где-то за горами занималась заря. Тени становились бледнее, танец их уже не так кружил голову. Подул легкий ветерок, и последние фантомы исчезли вместе с клочками утреннего тумана.

Что это было? Конан вложил, наконец, меч в ножны, хотя это следовало сделать уже давно. Ясно, что хоровод призраков не мог причинить вреда. Но чего они хотели? О чем-то предупредить? Напугать? Просто поиграть, потанцевать вокруг живого человека? Почему-то казалось, что тени его узнали. Может, он услышал свое имя в шелесте травы, в журчании речки, а может, его произнесли призраки?

Наскоро позавтракав, Конан взнуздal лошадь и продолжил путь вдоль быстрой, живо журчащей на мелководье речки. Еще два дня необходимо ехать по ущелью, затем появится еле заметная тропа, ведущая вверх по скалам — не проворонить! Четыре-пять дней по тропе, какой бы опасной она не казалось, а потом — пещера, похожая на разинутую пасть дракона. Так рассказывал Эскиламп, когда они расставались после бегства из замка на Острове Пауков.

Несмотря на то, что Конан всем сердцем любил горы, путь по узкому, гулкому ущелью не

приносил ему радости. Слишком сумрачно, слишком тревожно вокруг! Раздавались резкие, предупреждающие крики невидимых птиц, ущелье глухо ворчало отдаленными обвалами, словно старик-колдун, накликающий беду.

Киммериец ехал шагом, повторяя прихотливые изгибы речки и мрачно поглядывая на скалы, зачастую нависающие над ним тяжелыми карнизами. Несколько раз оттуда срывались камни и гулко падали на тропу. Вероятно, наверху бушевал ветер...

Следующая ночь выдалась еще тревожнее. Темнота вокруг костра сгустилась настолько, что казалась осязаемой. Вытяни руку — и упрешься в твердую, как камень, стену. Костер выглядел слабым и жалким по сравнению с черными глыбами наваливающейся тьмы.

В эту ночь призраки не появлялись, и птицы не кричали. Вместе с темнотой пришла странная тишина. Даже речка журчала тихо и робко, будто опасаясь привлечь внимание страшного хозяина ночи.

Конан, как и раньше, сидел спиной к костру, держа на коленях обнаженный меч, всем существом чувствуя приближение опасности. Темнота окончательно заглушила журчание речки. Возможно, пал туман. В тумане так легко подкрадываться к добыче!..

Откуда-то сверху послышался шум — будто далекое хлопанье огромных кожистых крыльев. Конан замер, обхватив рукоять меча. Прислушался. Теперь не оставалось сомнений, что некто

огромный, мерно работая крыльями, летел над ущельем. Дракон? Или король нетопырей?

По слухам, в каждой местности, где в больших количествах жили летучие мыши, обитал один монстр — король местной колонии. Многие рассказчики божились, что видели громадного нетопыря собственными глазами. Огромного, черного, величиной — не меньше дракона. Правда, впоследствии выяснялось, что очевидцы никогда не видели дракона... Но кто же не знает его размеров?!

Обычно в таверне, начиная с этого места, возникали яростные споры о величине дракона. Часто доходило до драки. И только немногие мудрецы пытались пояснить, что драконы растут в течение всей жизни, а жизнь у них практически бесконечна! Следовательно, и размеры бывают — от драконьего цыпленка, до огромного, как гора, чудовища, по которому можно ходить и не заметить, что топчешь живую плоть...

Но спорщики такие речи мало вразумляли, равно как и крепкие кулаки любителей решать сложные вопросы упрощенным способом. Спорщики наслаждались самим процессом спора, истина их, в общем, мало интересовала...

Все это промелькнуло в голове Конана в один миг. Какой еще зверь внушительных размеров может летать? Вспомнились летающие пауки, но звук... Нет, там звук был другой. Напоминающий, скорее, многократно усиленное жужжание шмеля.

В юности Конан часто находил в горах скеле-

ты странных летающих существ: с длинным, усаженным острыми зубами клювом и большого размаха кожистыми крыльями. Однажды он даже видел нескольких тварей, круживших над далекой вершиной. Возможно, именно там они свили свое чудовищное гнездо.

Огромное тело, скрытое темнотой, пронеслось над костром, разметав угли и дрова. В нос ударил острый звериный запах. Конан скользнул под защиту утеса, нависшего, как он помнил, над самой тропой. Вдали раздавалось беспорядочное хлопанье крыльев. Вероятно, монстр разворачивался для атаки. Первый полет был просто разведкой. Теперь последует удар — или клюва, или шипастого хвоста, или когтей...

* * *

Вынырнув в очередной раз из тяжелого забытья, Хепат в недоумении огляделся. Все та же цепь, только земля вокруг изрыта и костей прибавилось. И тогда он смутно вспомнил...

Пылающий ненавистью взгляд знахаря и тяжелая, шишковатая палка в его руке... Обжигающая боль от ударов... Насмешки старика, уверенного в своей безопасности... Рывок за палку, отчаянный прыжок и вкус крови!.. Самый прекрасный вкус на свете! Что там вино! Разве можно сравнить вяло текущее по жилам опьянение и восхитительный огонь, разливающийся по телу с каждым глотком горячей, дымящейся крови?! И — вкус! С кровью может сравниться только

парное человеческое мясо! О невероятное, непередаваемое словами счастье — вкушать человеческую плоть и кровь! Скорее, скорее бы опять настала ночь! Эта восхитительная, верная подруга оборотней и вампиров! Она укроет бархатным одеялом, спрячет, позволит незаметно подобраться к жертве! Одним своим приходом она заставит трепетать в предвкушении!.. О, если бы не эта проклятая цепь! Но цепь не может выдержать рывок нескольких зверей! Нужно позвать на помощь!

И по деревне разнесся жуткий, призывный вой оборотня. А где-то в предгорьях его услышал огромный вожак стаи, насчитывающей ровно двенадцать волков...

* * *

Конан стоял, прижавшись спиной к камню, еще не успевшему отдать ночи накопленное за день тепло. Угольки, оставшиеся от костра, догорали красными глазами злобных демонов. Ночь наконец победила последний оплот света — костер, и теперь злорадно хихикала над слепым в темноте воином, наугад выставившим бесполезный меч.

Как ни странно, Конану действительно послышался далекий смех. Демоны ночи пришли посмеяться над его поражением? Он не доставит им такой радости!

Огромное существо, хлопая крыльями, приближалось. Ориентируясь по слуху, Конан приго-

товился отразить атаку. Эти проклятые безлунные ночи! Если бы над горами сияла луна! Ну, пусть не сияла, пусть небольшой серп...

Невидимое в темноте, тело грузно опустилось неподалеку. Вероятно, чудовище решило напасть не с воздуха, а с земли. Осторожная тварь! Сейчас она, должно быть, подкрадывается, готовясь к броску. В темноте можно ожидать нападения с любой стороны...

Конан сделал несколько пробных движений, затем раскрутил тяжелый меч так, что он со свистом рассекал воздух в разных направлениях, и ни одно, даже самое быстрое существо не смогло бы живым пробраться сквозь это облако разящей стали.

— Bravo, Конан, — раздался рядом веселый голос Эскилампа, — твоё мастерство достойно самой высокой оценки!

Затем волшебник произнес заклинание, щелкнул пальцами, и на песке сам собой загорелся небольшой костер. Эскиламп подобрал разбросанные сучья и аккуратно положил в огонь.

— Я всегда говорил, что волшебное пламя выглядит лучше на настоящих дровах! Только они быстро сгорают. Но можно произнести заклинание, и они будут гореть вечно! — и колдун нарасспев стал произносить нужные слова.

— Что за тварь служит тебе вместо коня? — спросил наконец Конан, упрятав меч в ножны.

— Это Газаланд! Лучший из моих крылатых помощников! — Эскиламп что-то пробормотал, и огонь столбом взметнулся к небу, осветив на миг

отвратительную морду хищного ящера с торчащими из пасти зубами длиной в локоть.

— Тени-разведчики доложили, что великий воин Конан спешит разыскать мое скромное жилище. Я понял, что дело серьезное, и отправился навстречу.

— Дело действительно серьезное... Хепата укусил волк-оборотень. И хоть знахарь мазал нас волночужой мазью...

— Постой! Значит, волк и тебя укусил? — Эскилампа вдруг стал обнюхивать Конана, как собака убитого медведя.

— Да... и меня. Но мазь помогла. А вот Хепата...

— Тебе помогла не только мазь, Конан, — колдун непонятно чему весело засмеялся, — тебе помогла еще твоя воля! Я чувствую в тебе некоторые рефлексы оборотня! Отныне ты будешь еще быстрее в сражении, еще неутомимее в беге! Ты, похоже, единственный человек, которому вливание заразы оборотня пошло на пользу!

— А Хепата пришлось посадить на цепь... Я хорошо заплатил знахарю, он должен кормить его до нашего прихода.

Эскилампа помрачнел и задумался. Потом с сожалением сказал:

— Боюсь, друг мой, ему уже не помочь... Но мы все же попробуем, хотя это будет и нелегко!

4

Утро выдалось пасмурным и хмурым, под стать настроению Конана. Эскилампа уговаривал

лететь на чудовище — так быстрее, но чтобы придать ящеру силы, требовалось пожертвовать лошастью. Ибо, только подкрепившись кобылой, он будет способен снести двоих. Даже при дневном свете существо напоминало ночной кошмар. Костистое тело, будто скелет, обтянутый кожей, огромные крылья с когтями на конце и в середине. Длинный, усаженный зубами-когтями клюв, или пасть, или нечто среднее... И запах! Конан удивлялся — почему в Эскилампа, сидевшего верхом на монстре, не въелся этот запах? Волшебник благоухал душистыми травами и чем-то еще, непонятным, но довольно приятным.

Конан не отдал свою бедную лошадь на корм ящеру, и Эскилампа отпустил чудовище поохотиться. Расправив крылья, монстр взмыл в небо.

— Ты отправляйся, не мешкая, — говорил колдун, — я догоню. Нам нужно усыпить Хепата... точнее, уже не Хепата... и везти его к...

Эскилампа внезапно замолчал и задумался. Конан не стал ни о чем спрашивать. Молча собрал поклажу, вскочил на кобылу и, кивнув волшебнику, поспешил в обратный путь.

Обратная дорога — всегда короче, и уже на следующее утро Конан почти выбрался из узкого ущелья, в котором еще недавно водили хоровод призраки. Кто бы мог подумать, что это разведчики Эскилампа! Привидения, чудовищный ящер... Конан усмехнулся. Интересно, много у него таких слуг?

Внезапно кобыла заржала и поднялась на дыбы. Из-за камня вышел огромный, замшелый пе-

щерный медведь. Сваявшаяся шерсть на боках напоминала некогда пушистый, но изрядно побитый молю ковер. А массивная голова зверя походила на громадный, изъеденный ржавчиной котел, обращенный вперед доньшком.

Пещерные медведи давно покинули места, где появился человек. Так же, как и мамонты, шерстистые носороги и саблезубые тигры. Предгорья Карпашских гор часто посещались людьми, и встреча с пещерным медведем могла означать только одно: его изгнали, он стал слишком стар, чтобы оборонять свою территорию. На смену пришли молодые. Где-то там, в далеких, диких местах, в которых обитали эти громадины — сменилась власть.

Медведь стал «шатуном». Злым, опасным, мстительным. Лютой ненавистью пылали его глаза.

Хрипло заревев, зверь поднялся на задние лапы и стал вдвое, если не втрое, выше человека. Когти напоминали кривые восточные кинжалы.

Конан с трудом управлялся с испуганной, закусившей удила лошадью, норовившей сбросить хозяина и бежать подальше от этого мохнатого страшилища, неожиданно вставшего на пути. Спешившись, киммериец успел накинуть уздечку на сук ближайшего деревца. Медведь стоял неподвижно и оглашал окрестности хриплым ревом. Уступать дорогу человеку он явно не собирался. Конан обнажил меч и медленно пошел на зверя. Оставалась надежда, что медведь все-таки отойдет в сторону: не выдержит открытого — глаза в глаза — противостояния с человеком. Ос-

тановившись в нескольких метрах от зверя, Конан спокойно смотрел в его злобные глазки. Медведь замотал головой, словно хотел избавиться от пристального взгляда человека, как от назойливой пчелы. Затем закрыл морду лапами, и этот смешной жест вызвал в душе Конана острую жалость к старому зверю, которого выгнали с насиженных мест. Закрыв глаза, зверь невольно отдался во власть человеку. Конан мог бы в прыжке вспороть ему брюхо, но решил испытать другой способ.

Он вспомнил рассказ старого шамана одного северного племени, кочующего по заснеженным полям Асгарда. Старик рассказывал молодым охотникам, как можно напугать зверя, приготовившегося к атаке. Речь шла о белых медведях, но шаман уверял, что его метод сработает на любом звере. Все зависит от силы духа и способностей охотника.

Шаман собрал юношей и повел в район, где хозяйничал огромный белый медведь. Конан заинтересовался и примкнул к группе. Стоило охотникам углубиться во владения грозного хозяина здешних мест, как он не замедлил появиться — огромный, разъяренный, ревущий так, что закладывало уши.

Шаман сделал охотникам знак остановиться и в одиночку пошел навстречу зверю. Медведь поднялся на задние лапы — человек замер в похожей стойке, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами. Сделал несколько медленных движений, и Конану показалось, что пальцы ша-

мана удлинились, превратившись в когти — черные, кривые, длинные. Некоторые охотники уверяли, что заметили один обломанный коготь — на правой руке у шамана не доставало пальца.

Дальше произошло и вовсе невероятное. Шаман вдруг стал расти. Вот его рост сравнялся с медвежьим... Превзошел его!.. Охотники стояли, запрокинув головы. Казалось, меховая шапка старика скоро коснется облаков! Конан не верил глазам: Что это? Колдовской морок? Иллюзия? Шаман протянул огромные косматые лапы к медведю и тот, заскулив, как обиженный щенок, побежал, испуганно оглядываясь и пачкая свой след. Старик сумел так напугать грозного зверя, что вызвал у него «медвежью болезнь».

Охотники протирали глаза, когда шаман подошел к ним и стал рассказывать, что нужно чувствовать и представлять, чтобы «вырасти до небес». Конан хорошо запомнил его рассказ. Не попробовать ли напугать зверя? Убивать старого, закрывшего глаза медведя не хотелось.

Вложив меч в ножны, киммериец сосредоточился, как учил шаман, «до мурашек на спине». Почувствовав, таким образом, прилив сил, он представил рост. Он растет! Становится выше зверя, выше стен ущелья!.. Шаман учил: стоит потерять «мурашки», и ничего не выйдет. Сосредоточение, восторг на грани иступления — вот что дает силу роста! Облака вдруг приблизились. Конан радостно засмеялся, и смех его был подобен раскатам грома! Из-под облаков он видел, как огромными скачками удирает медведь. Этот

маленький, бедный зверек, решивший поужинать человеком!

Мир казался блюдцем, лежащим у ног. Речки, холмы, дороги...

Хотелось шагать, покрывая огромные расстояния, разгонять дыханием тучи, движением ладони сбрасывать в пропасть скалы, сравнять с землей горы...

Отпустив «мурашки», Конан вновь стал обычным человеком. Взглянув на облака, покачал головой. Вздохнул, отвязал перепуганную кобылу и вскочил в седло.

* * *

В деревне Конана встретил Эскиламп. Показал оборванную цепь и кости у дерева, к которому был привязан Хепат.

— Похоже, ему помогли разорвать цепь. Остальное — ясно. Я не нашел ни одного живого человека — только обглоданные, раздробленные кости в хижинах...

Колдун опустился на камень. Неподалеку, нахохлившись, сидел его крылатый «конь». Завидев Конана, он разинул пасть и зашипел.

— Не обращай внимания — он просто пугает, — Эскиламп погрозил чудовищу пальцем.

Монстр несколько раз щелкнул зубами, а затем прикрыл глаза кожистой перепонкой и, казалось, заснул.

— Что теперь делать? Искать стаю? — мрачно спросил Конан.

— Стаю отыскать несложно, она и сама, пожалуй, нас найдет... Сложнее пленить Хепата. Но даже и это не самое трудное. Чтобы излечить, его нужно везти к королеве демонов Эн-Кастера, а какую она потребует плату, я не берусь предсказать... Может, даст разовое поручение, а, может, заставит служить ей в течение нескольких лет.

По опустевшей деревне гуляли маленькие смерчи, предсказывая скорое изменение погоды. «Дерево Хепата» шелестело листвой, и, казалось, ветки его раскачиваются сильнее, чем следовало бы при таком слабом ветре.

— Ты готов, Конан, выполнять ее поручения? — Эскиламپ пристально посмотрел в синие глаза киммерийца.

— Только после того, как она расколдует Хепата.

Ветерок донес заунывный вой стаи. Дерево сильнее зашелестело листвой. Волшебник прислушался.

— Похоже, оно не слишком любит оборотней... Возможно, хочет нас о чем-то предупредить.

Конан оглядел унылую, опустевшую деревню.

— Как мы будем его ловить? Перебьем стаю?

— Лучше предоставь это мне, герой. Обойдемся без крови, тем более что убить оборотня невозможно.

— Я слышал, что может помочь серебро...

— Это только слухи, — Эскиламپ грустно улыбнулся, — серебряная стрела или нож... После раны, нанесенной этими предметами, оборотень восстанавливается не так быстро — только

и всего. А потом старается уйти из мест, где пришили серебро.

— Ну, значит, польза все же есть...

Тоскливый вой раздался гораздо ближе. Крылатое чудовище Эскилампа проснулось и защекало зубами. Колдун произнес несколько слов на непонятном, певучем языке, и монстр, распространяя ужасную вонь, расправил крылья и взмыл в небо.

— Пусть поохотится, нам он пока не нужен...

Стало быстро смеркаться. За дальней хижинной замелькали бесплотные тени.

— Если оборотня невозможно убить, — сказал Конан, — то почему они не заполнили весь мир?

— Ну, во-первых, превращается только тот, кого укусили, а не тот, кого разорвали на клочки и съели! А стая редко упускает добычу. Жертвы пожираются, и кости их обглаживаются начисто! Вот пример: в деревне жителей было не так уж мало, а оборотнями стали только одиннадцать человек.

— С каждой деревни — да по одиннадцать... — начал Конан.

— А во-вторых, они долго не живут! Убить их невозможно, но они смертны — ежедневные превращения... смещения костей, хрящей, мускулов... организм оборотня быстро изнашивается.

— Значит, если мы расколдуем Хепата...

— Он не будет дряхлым старичком, но станет значительно старше! А теперь — приготовься! Если не сработает мое волшебство, то придется драться!

Эскиламп извлек из складок плаща старинный кинжал и забормотал заклинание. Волки появлялись из темноты, как привидения. Садились полукругом, и, казалось, с любопытством рассматривали людей. Рядом с огромным вожаком крутился небольшой серовато-седой волк.

— Вот он — негромко сказал Эскиламп.

Кинжал его медленно разгорался фиолетовым светом. Конан стоял с обнаженным мечом в руке и печально вглядывался в маленького волка. Тот, чувствуя пристальный взгляд человека, рычал и скалил зубы, ожидая команды вожака к атаке.

Исходящий от кинжала фиолетовый свет начинал захватывать волков, и они один за другим издавая тихие стоны, падая на землю.

— Забирай Хепата и отступаем, — Эскиламп с тревогой наблюдал за ослаблением фиолетового свечения.

Подхватив маленького волка на руки, Конан широким шагом направился к ближайшей хижине. Волшебник поспешил следом. Заперев дверь, Конан уложил Хепата на лежанку и заметался в поисках веревки.

— Он начинает приходить в себя, — ровным голосом сказал Эскиламп.

Волк дергал лапами и тихо скулил. В старом сундуке, где хозяин, чьи кости лежали сейчас у порога, хранил самые ценные вещи, отыскалась наконец веревка. Волк открыл глаза, но Конан уже ловко связывал ему лапы. Затем петлей затянул пасть и закрепил веревку на шее. Волк-Хепат окончательно пришел в себя и желтыми, как

янтарь, глазами наблюдал за ненавистными ему существами. Это была пища! Вкусная, сочная, от одного вида которой текли слюнки. И эта пища связала его, оставив совершенно беспомощным! Эти мысли сводили с ума, и оборотень заскулил сквозь сжатые челюсти. Стая ответила дружным воем. Конан глянул сквозь забранное решеткой окно. Парные огоньки волчьих глаз метались вокруг хижины.

— Ничего, — со смехом сказал Эскиламп, — дверь крепкая, а окна — с решетками. Ночь пересидим... Но с кобылой тебе придется проститься. Да все равно ее с собой не возьмешь.

Вспомнив про лошадь, Конан крепко и затейливо выругался. Бедная животина! Она была такой послушной!.. Вспомнился и спокойный философ-верблюд, которого, конечно, сожрали еще раньше.

5

Первое, что услышал Конан утром, были жалобы Хепата. Гном стонал, силясь разорвать веревки, и громко вопрошал друга — почему тот его связал.

— Ты хоть что-нибудь помнишь? — мрачно спросил Конан.

— Все помню... Недавно ты меня зачем-то приковал к дереву...

— А сны? — зевая, спросил Эскиламп.

Хепат надолго замолчал. Затем смущенно покашлянул и сказал:

— Сны очень яркие... Будто я бегаю по равнине, залитой лунным светом... Я — охотник... И когда удастся добыть пищу...

— Так вот, запомни, — перебил Конан, — это не сон! Тебя укусил волк-оборотень, и ты каждую ночь превращаешься! И пожираешь людей!

Хепат вдруг заплакал. Он смотрел на связанные руки, и слезы текли по его постаревшему морщинистому лицу.

— Я... я же не хотел... — всхлипывал гном, — не хочу... я не виноват...

— Никто тебя не винит, — мягко сказал Эскиламп, — мы постараемся помочь. А пока потерпи. Мы не вправе тебя развязать даже днем: ты можешь, сам того не желая, сбежать. Потерпи.

Когда окончательно рассвело, друзья вышли из хижины. Конан скрипнул зубами, увидев груду аккуратно обглоданных лошадиных костей. Даже клочка шкуры не оставили оборотни от его кобылы.

Эскиламп развел руками — что ж делать? Его крылатый монстр сидел на прежнем месте, будто никуда и не улетал со вчерашнего дня. Завидев хозяина, он радостно щелкнул клювом.

— Поспешим, — сказал волшебник, привязывая испуганного гнома к какой-то шишке на спине чудовища, — путь неблизкий и нелегкий...

Конан, стараясь не слишком глубоко дышать, уселся на костлявый хребет ящера, позади Эскилампа.

— Готов? — обернулся колдун. — Полетели! Расправив кожистые крылья и окутав Конана

своим неповторимым запахом, чудовище после короткого разбега устремилось в небо.

Вскоре леса превратились в траву, холмы — в маленькие, еле заметные неровности, а облака казались не дальше, чем потолок в доме.

— Приготовься, — крикнул Эскиламп, — сейчас будем прорезать облака!

Ровно и мощно работая крыльями, ящер окунулся в облачность. К удивлению Конана, облака оказались не густыми и липкими башнями, а легким полупрозрачным туманом, сквозь который он неплохо видел. Совсем как обычный, земной туман, иногда чуть гуще. Вырвавшись из пелены облаков, монстр продолжал набирать высоту.

— В какой стране живет эта царица? — спросил Конан.

— В другом мире... — неопределенно ответил Эскиламп.

Конан ждал продолжения, но так и не дождался. Очевидно, колдун не желал сейчас пускаться в объяснения и рассказывать о других мирах. Казалось, он был чем-то обеспокоен. Поглядывал по сторонам, затем несколько раз что-то крикнул своему «коню». И каждый раз ящер изменял направление полета, будто пробирался по невидимой, петляющей горной тропе.

Склонив голову, Конан смотрел на причудливые горы и валуны облаков, медленно проплывающих под крыльями ящера. Ему хотелось спрыгнуть и побродить, или, может быть, как в детстве, побегать по этим пухлым и нежным горам и долинам.

— Вот оно! — Эскиламп указал на странное, золотистое сияние в виде неправильного овала или арки. Монстр быстрее заработал крыльями. Сияние очертаниями напоминало кольцо табачного дыма, выпущенное умелым курильщиком. А по цвету — радугу с преобладанием золотистых тонов.

Ящер набрал скорость и промчался сквозь кольцо. Ничего не изменилось, но Конан почувствовал, что Эскиламп расслабился и похлопал ладонью по костям монстра, как ласково треплет наездник усталую лошадь.

Пошли на снижение. Конан никак не мог вспомнить, как зовут этого крылатого «коня» Эскилампа. А спрашивать почему-то не хотелось. Какое-то красивое, звучное и непонятное имя...

Прорезав облака, чудовище сложило крылья и камнем ринулось вниз. Почувствовав ужас падения, Хепат закричал. Сердце Конана билось у самого горла. Эскиламп обернулся и кивнул: все в порядке. У самой земли ящер расправил крылья и приземлился плавно и мягко, чего Конан от этого костлявого чудовища никак не ожидал.

Вокруг теснились горы, поблескивая на вершинах снежными пиками. Монстр сел в небольшом каньоне, со всех сторон окруженном зубчатыми скалами. Эскиламп деловито отвязал Хепата и передал Конану. Спеленатый гном выглядел как небольшой кулек. Только воинственно торпшилась борода и торчал крючковатый нос с двумя бородавками. Он смирился с судьбой и лишь смотрел на друзей печальными глазами.

— Где-то наверху берет начало река, название которой не произносят, — торопливо сказал Эскиламп, — она уходит вглубь горы, поглощает ядовитые вещества и превращается в поток с черной водой. Даже малейшие брызги сожгут кожу и плоть, будь осторожен. Войдешь в пещеру, — колдун показал на темной отверстие в скале, — дойдешь до реки, там должны быть лодки. Дальше вода тебя сама вынесет...

Эскиламп умолк и в сомнении покачал головой.

— Я бы пошел с тобой, но боюсь вызвать ее гнев. В прошлый раз мы немного повздорили... — волшебник грустно усмехнулся и продолжал. — Возьми кольцо, через него я буду тебя видеть. Узнаю, когда за тобой прилетать, если... Ну, словом, вперед!

Конан надел на мизинец кольцо с крупным сапфиром. Вгляделся в камень, и ему показалось, что в глубине мелькнул чей-то глаз.

— Королева-то, наверное, такая же карга, как на Острове Пауков? — ухмыльнулся воин, устравив под мышкой связанного Хепата.

Эскиламп с облегчением рассмеялся:

— Нет, эта симпатичнее будет... Сам увидишь. Но коварства ей не занимать, так что будь осторожен.

Конан кивнул другу и широким шагом направился к пещере.

Ступив под низкие своды, он огляделся. Узкий, длинный тоннель. Со стен сочится влага. Впереди — слабый свет, очевидно, в изобилии растет светящийся мох. Королева позаботилась,

чтобы гости не плутали в темноте... Конан осторожно двинулся вперед и вскоре услышал плеск. Пещера вывела к берегу черной подземной реки. Река до половины заполняла тоннель, стены которого были до блеска отполированы водой. Возможно, во время проливных дождей тоннель затопляло полностью.

Три небольших лодки лежали на камнях сверху дном. Рядом с каждой — весло.

Хепат впервые подал голос:

— Что будет, если где-то впереди вода поднимется?

— Тогда мы погибнем, — спокойно сказал Конан, — но не думаю, чтобы королева топила всех своих гостей... Разве, только некоторых.

— И она сможет снять с меня заклятие? — Хепат начал проявлять интерес к своей судьбе, и это был хороший знак.

— Тут не заклятие... — Конан возился с лодкой: перевернул и подтащил к воде. — В крови у тебя волчья зараза! Эскиламп считает, что королева сможет ее убрать.

Он уложил Хепата в лодку, прыгнул туда сам и осторожно опустил весло в черную, ядовитую воду.

— Я чувствую, что сейчас начну превращаться, — внезапно прохрипел гном, — в голове так мутно...

Значит, наверху уже ночь, подумал Конан. Он с грустью посмотрел на друга и внутренне содрогнулся, увидев ярость в желтых глазах с вертикальными зрачками.

Время, казалось, остановилось. Медленное движение лодки, увлекаемой течением, серые стены тоннеля с пятнами светящихся растений пуго, низкие каменные своды.

Конан невольно задремал...

— Мы, кажется, приехали, — голос Хепата был хриплым и грустным.

Стало быть, ночь прошла, смекнул Конан и, широко зевнув, взгляделся в полумрак. Они находились не遠далеке от берега обширного подземного озера. Своды и стены огромной пещеры терялись в темноте. А вдали, посреди озера, возвышался сверкающий дворец королевы демонов.

Конан долго смотрел на безумное великолепие прозрачных башен, отливающих всеми цветами радуги, на шпильи, горящие в полумраке рубиновым светом, на нисходящие к черной воде стены из прозрачного минерала, возможно, горного хрусталя или кварца.

— Помнится, бывали мы в подобном замке — алмазном, — подал голос Хепат. Глаза у него все еще отливали желтизной.

— Как ни крути, а тот был меньше, — Конан взялся за весло и медленно стал грести. — Возможно, и этот замок — алмазный, любят они этот камень...

Вскоре обнаружилось, что и в озере есть течение. Лодку закручивало, иногда она устремлялась в противоположном направлении, и Конан, работая веслом, с трудом выруливал в нужную сторону. Еще через некоторое время выяснилось, что озеро обитаемо! Из воды то и дело показыва-

лись спины огромных животных, лодка натакивалась на препятствия, которые вполне могли оказаться телами монстров, обитающих в глубине. Какие чудовища, какие порождения мрака могут жить в этой ядовитой воде? Так думал Конан, зорко глядя вперед. Какие гнусные демоны, к королеве которых, мы плывем? И, вообще, почему Эскиламп так уверен, что королева поможет? Сам он, как нетрудно догадаться, едва унес отсюда ноги! Они «немного повздорили»!

И все же Конан доверял суждениям волшебника, его знаниям, его осмотрительности и мудрости. Эскиламп уверял, что королева демонов поможет. Вот только плата...

Внезапно вода впереди забурилась и вспучилась. На поверхности, взбивая ядовитую пену, яростно извивались толстенные щупальца.казалось, несколько десятков огромных водяных змей сошлись в смертельной схватке.

Конан изменил курс и налег на весло, пытаясь обойти стороной подныскавшего на поверхность монстра. К несчастью, течение в этом месте оказалось сильным, и лодку, несмотря на старания гребца, несло в прежнем направлении.

Положение становилось угрожающим. Конан видел, что встречи с неизвестным обитателем глубин не миновать. Все, что он смог сделать, это слегка отвернуть в сторону от извивающихся, жаждущих добычи щупалец, после чего отложил весло и взял в руки меч. Монстр, заметив добычу, замер, как паук в засаде. Теперь из воды лишь слегка торчали кончики его чудовищных

щупалец, напоминавших корни затонувшего дерева.

Но стоило лодке приблизиться, как эти «корни» зашевелились, хищно нацелившись на жертву. Затем, будто с трудом раздвигая тяжелую, черную воду, показалась голова чудовища. Два мутных глаза, величиной с доньшко винной бочки, пристально уставились на Конана.

Движение лодки замедлилось. Вероятно, огромная туша гигантского спрута разбивала поток, создавая завихрения, в которые лодка и попала. Несколько черных щупалец, почти незаметных на фоне воды, медленно скользнули по борту. Конан поднял меч, и это словно побудило монстра к действию. Пришли в движение остальные щупальца. Потянулись, ухватились за борт лодки. Конан с трудом остановил замах — он вдруг ясно услышал голос Эскилампа:

— Не шевелись! Спрут видит только то, что движется! Если замрешь — чудовище тебя не заметит.

И действительно, стоило Конану застыть, окаменеть с поднятым мечом, как движения чудовища стали вялыми и неуверенными. Монстр неторопливо ощупал борт в поисках живого, которое виделось ему только в движении, и как бы нехотя погрузился в пучину. Из предосторожности Конан не спешил взяться за весло. Медленно, стараясь не делать резких движений, он вложил в ножны меч и взглянул на кольцо, переданное ему волшебником.

— Пока ты не вошел во дворец королевы, я

могу с тобой говорить, хотя это требует больших усилий, — вновь раздался из кольца далекий голос Эскилампа, — потом смогу только видеть... — последние слова прозвучали еле слышно, словно их относил порывами ветра.

Выждав для верности еще некоторое время, Конан взялся за весло. Сверкающий дворец приближался. Виднелась лестница, спускающаяся к воде, несколько лодок, застывших у причала.

Конан вновь поймал слабое течение, и вскоре дворец из прозрачного, испускающего свет камня предстал перед ним во всем своем великолепии. Гладкие, уходящие в глубины черного озера стены, бесчисленные башенки с рубиновыми шпилями, лестницы, как внутри дворца, так и снаружи — все это сверкало, переливалось всеми цветами радуги, ослепляло сказочной, неземной красотой.

Конан перестал грести и некоторое время любовался дворцом, как опытный ювелир наслаждается чистым светом бриллианта. Хепат впал в забытие или же просто спал, и Конан пожалел, что гном не может видеть великолепие дворца королевы демонов.

— Да, прекрасное зрелище, — донесся совсем слабый голос Эскилампа, — но поспеши, пока не настала пора нашему другу превращаться...

Осторожно подведя лодку к плоскому камню-причалу, Конан ступил на него, стараясь не замочить сапог. Затем вытащил лодку, сунул под мышку спящего гнома и направился к прозрачной лестнице.

Никто не вышел ему навстречу — ни рабы, ни воины, ни демоны. Конан поднялся по лестнице до величественной арки. Вход никем не охранялся. Дверей также не было, и Конан беспрепятственно вошел во дворец. На миг показалось, что он попал внутрь солнца. Глаза слезились. Нестерпимое сияние пульсировало, будто живое существо, лучилось, переливалось всеми цветами радуги.

Прищурившись, Конан сделал несколько шагов и остановился, не зная, в каком направлении двигаться. Прозрачные стены являли взору очертания залов, коридоров, лестниц, переходов и небольших будуаров.

— О чем ты хочешь просить меня, смертный? — раздался голос, подобный нежным переливам флейты.

Конан сглотнул комок, совсем некстати оказавшийся в горле, откашлялся и громко сказал:

— Мой друг стал оборотнем. Я прошу вернуть его... удалить из его крови...

Внезапно стены пришли в движение. Закружилась голова. Мимо проплывали прозрачные, словно сотканные из воздуха, лестницы... Возможно, стены и не двигались, а перемещался сам Конан...

Очнулся он в огромном зале с высокими сводами в виде арок и причудливыми резными колоннами, испускающими потоки нежно-голубого света. Сквозь прозрачные стены виднелись чер-

ные воды озера — вероятно, зал находился в одной из угловых башен дворца. Высокий, затейливый трон посредине напоминал сверкающий на солнце айсберг. Боль и слезы в глазах мешали разглядеть сидящую на троне женщину.

Внезапно свет потускнел, и Конан увидел наконец королеву демонов загадочной страны Эн-Кастер.

На троне в свободной позе сидела изящная молодая женщина в ниспадающих белых одеждах. Отстраненная, неземная красота ее бледного лица вызывала скорее грусть, нежели восхищение. Конан напомнил себе: перед ним — не человек, а демон, который может принять любое обличие. Но почему она решила выглядеть как земная женщина? Или все-таки это ее настоящий облик?

Решив отложить выяснение этого вопроса до лучших времен, Конан вновь заговорил о своей просьбе:

— Моего друга, гнома, укусил волк-оборотень... — но королева прервала его капризным, как показалось, голосом:

— Какую цену ты намерен заплатить за его исцеление? — огромные, сверкающие холодом глаза женщины смотрели с вызовом.

— Любую, — без колебаний ответил Конан.

— Готов ли ты ради друга пожертвовать жизнью?

— Готов!

В душе он все же надеялся, что такую плату королева не потребует.

Женщина вдруг оказалась рядом. Она с любопытством осматривала мужественную фигуру необычного просителя и даже легкой, как снежинка, рукой коснулась шрама на его подбородке. А Конан только сейчас разглядел, что одежда королевы была воздушной и прозрачной. По сути, перед ним стояла обнаженная женщина с гибким, как у танцовщицы, телом. Невольный вздох воина не укрылся от внимания королевы, и она, вскинув руки, как шаловливая девочка, сделала несколько танцевальных движений. Конан стоял столбом, все так же удерживая под мышкой спящего Хепата.

Женщина рассмеялась звонким, серебристым смехом и закружилась в невиданном никем из смертных танце. Необычные движения, похожие на плавный, странный ритуал, набегаящими волнами размывали сознание Конана, как морской прибой детские песчаные замки. Словно зачарованный, зная, что действует не по своей воле, он положил спеленатого Хепата на пол, снял пояс с мечом, кольчугу...

Оставшись в набедренной повязке и чувствуя себя невероятно глупо, он стоял, не сводя глаз с танцующей женщины. Королева внезапно остановилась, и Конан почувствовал, что его воля свободна. Чары исчезли. Но что было делать? Броситься одеваться? Смешно и глупо... Киммериец видел, что его осматривают, как товар. Взглядом знатока оценивают фигуру, мышцы, мужественность и красоту воина.

С некоторым вызовом, скрестив руки на гру-

ди, Конан стоял молча — спокойный и величественный, ощущая свою силу мужчины и данную ему природой власть над женщиной. Пусть даже эта женщина — королева демонов! Его прекрасное, совершенное тело воина в сиянии дворца отливало бронзой.

— Я излечу твоего друга, но ты будешь моим слугой до тех пор, пока я сама тебя не отпущу! — королева вновь восседала на троне и говорила холодно и высокомерно.

Конан молча склонил голову. Хепат вдруг проснулся и издал душераздирающий вопль. Разрывая веревки, забился в судорогах. На губах его выступила кровавая пена. На миг показалось, что в пульсирующем свете мелькнула тень волка. Метнулась ввысь и растворилась в сиянии. Хепат затих, слышались только жалобные стоны и хриплое дыхание.

— Он здоров, — сказала королева, — теперь он будет спать и во сне охранять твой меч и доспехи. Здесь они тебе не понадобятся.

Гном поднялся и, двигаясь рывками, как марионетка на ниточках, принялся собирать вещи Конана. Королева простерла руку, и он исчез.

— Без меча я чувствую себя голым, — усмехнулся Конан.

И в тот же миг ощутил, что его набедренная повязка исчезла. Обнаженная королева вдруг оказалась рядом, и ее глаза засияли волшебным, неземным светом.

* * *

Служба Конана состояла по большей части в удовлетворении похоти и капризов королевы. Опытный и сильный мужчина, он умел доставить женщине удовольствие и мог ласкать королеву несколько часов кряду или даже всю ночь.

Таким образом, эта часть его работы трудностей не вызывала.

Хуже приходилось во время пиров. Королева периодически устраивала в тронном зале долгие и обильные пиршества. Невесть откуда появлялись демоны самых невероятных форм и размеров: огромные, клыкастые и когтистые, как поднявшиеся на задние лапы остриженные медведи, с отвратительными складками кожи на брюхе и под мышками. Но были и небольшие, с хитрой шакальей мордой и телом уродливого горбуна. Встречались демоны-деревья и демоны-камни.

Некоторые и вовсе не имели формы и пребывали в виде клубящейся тучи. Но королева хмурилась, и Не Имеющий Формы спешно уплотнялся в некое подобие человека, после чего чинно сидел за столом, ел и пил наравне с другими.

Во время пиршества Конан обязан был стоять, скрестив руки, у подножья трона. И, что хуже всего, иногда его заставляли вступать в рукопашные схватки с особо буйными демонами.

Королева взмахом руки удаляла когти и клыки у одного из гостей и превращала его в некое подобие человека — уродливого, с огромными кулачищами, бычьей шеей и ногами-тумбами.

Конана выручала ловкость и быстрота. Силой он всегда уступал демону, но, непрерывно двигаясь, ускользал от медвежьих объятий чудовищ и с неожиданных позиций наносил сокрушительные удары в челюсть, в висок или затылок противника. После этого туша демона медленно уплывала из зала, а Конан с непроницаемым лицом равнодушно слушал одобрительные выкрики пирующих. Во время подобных схваток королева трепетала от страсти, и после каждой победы заставляла Конана заниматься с ней любовью прямо на троне, под завистливый вой пирующих чудовищ.

Затем Конан вновь стоял у трона, скрестив руки. Он надеялся, что скоро надоест королеве, и она отпустит его и Хепата восвояси. Может быть, даже наградит за усердие.

Если не считать пиров и гладиаторских схваток, жизнь во дворце текла однообразно. Королева часто и надолго исчезала, вероятно, вершила дела на местах, и тогда Конан отсыпался. Выспавшись, закатывал многочасовые обеды. Благо вино и еда появлялись сами собой. Не требовалось даже просить — дворец, казалось, сам знал, какое вино и какую закуску сегодня предпочитает воин. Конан входил в тронный зал — перед ним возникали прозрачные стол и скамья. Он садился, и появлялись яства. Воин ел и пил вволю, и единственным, чего ему не доставало, было общества Хепата, но все попытки найти его оказывались безрезультатными.

Долгими часами бродил Конан по дворцу в

надежде запомнить расположение залов, лестниц и коридоров, составить в уме план, и, может быть, найти друга. Но дворец был переменчивым, как осенняя погода в горах. Ни разу Конан не побывал дважды в одном зале, за исключением тронного, да и тот все время оказывался в новом месте. Потом появлялась королева, и все повторялось — пиры, схватки, любовь...

* * *

Конан скучал по обильному столу. Рассеянно оглядывая возникающие перед ним яства, он вспоминал харчевни Шадизара с их пестрой, многоголосой толпой, ссорами, драками и терпким, дешевым вином. В сияющем тронном зале, с возникающим из воздуха дорогим вином и изысканными закусками, ему не хватало простоты и незатейливости трактира толстого Асланкариба. Шума, гомона, смеха простого ремесленника или наемника, выпившего за один присест хороший кувшин вина. Конан знал, конечно, что, оказавшись в трактире, будет с грустью вспоминать изысканные угощения волшебного дворца. Но такова уж природа человека — только потеряв, он начинает понимать ценность того, что имел.

На сей раз королева появилась прямо перед ним. Подняв все еще затуманенный воспоминаниями взор, Конан увидел позади нее высокого стройного юношу с ниспадающими на плечи белыми, как снег, волосами. Отстраненная красота лица выдавала в нем существо иной, нежели че-

ловек, породы. Полукровка, почему-то подумал Конан, наблюдая за плавными, даже нежными движениями юноши.

— Твоя служба, Конан, близится к концу, — с усмешкой сказала королева. — Остается последнее испытание. Сумеешь победить — будешь свободен, вместе со своим другом. Проиграешь — не взыщи!..

Чувствуя тяжесть в голове от выпитого вина, а в желудке — от съеденного мяса, Конан молча встал и подошел к юноше. Слишком молод, слишком легок, наверное, быстр в движениях, но неопытен...

Новый любовник королевы — в этом Конан не сомневался — стоял спокойно, только глаза его внезапно налились кровью.

Сияние в зале усилилось, и Конан на миг зажмурился. Королева явно подыгрывала своему любимчику.

— Вначале верни Хепата, хочу, чтобы он видел бой! — Конан спокойно смотрел в глаза той, что еще недавно замирала в его объятиях, а теперь всем своим видом демонстрировала брезгливость и даже, похоже, ненависть.

Королева щелкнула пальцами, и в зале появился Хепат, прижимая к груди меч и доспехи друга. В глазах — тревога. Он уже не спал, ясно понимая, что будет наблюдать за смертельной схваткой на потеху женщине-демону.

— Не вздумай его убить, Конан, — зло сказала королева. — Твоя задача — победить, не убивая!

— Разве такое возможно?

— Постарайся! Иначе не жить ни тебе, ни твоему другу!

Юноша вдруг завыл. Тихо, заунывно. Широко открыл рот и вытянул шею, как взлетевший на плетень петух, собирающийся кукарекать. От его красоты не осталось и следа. Теперь перед Конаном стоял вурдалак с горящими кровавыми глазами, искаженным потусторонней злобой лицом и торчащими из слюнявой пасти клыками.

Киммериец усмехнулся, и королева посмотрела на него с ненавистью. Вой мерзкого упыря перешел в свист, от которого заложило уши. Конан шагнул вперед и занес кулак для удара. Но противника на месте не оказалось. Размытое, смазанное движение — и удар со спины. Воину показалось, что в поясницу со всего ходу врезалась телега с грузом. Мигом повернувшись, он отскочил в сторону, избежав еще одного коварного удара в спину. Быстрота противника была невероятной. Глаз не мог уследить за его перемещениями, виделись только белесые полосы размазанных световых пятен. Конан вновь ощутил удар по почкам, затем еще и еще. Ну и подлая же тварь! Пользуясь нечеловеческим умением мгновенно перемещаться, он будет бить в спину до тех пор, пока... Об этом не хотелось даже думать. Не хотелось представлять, во что превратится его спина через несколько минут.

Если в схватках с демонами Конана спасала быстрота и ловкость, то теперь могла помочь только сила. В скорости он полностью уступал необычному противнику. Его нужно схватить! И

тогда он не сможет порхать за спиной, как мотылек вокруг свечи!

Изменив тактику, Конан попытался поймать увертливого вампира. Он прыгал из стороны в сторону, стараясь предугадать, где противник окажется в следующее мгновение, чтобы ухватить, сжать, раздавить его тонкие кости! Морщась от боли в спине, на которую продолжали сыпаться удары, Конан метался, надеясь хотя бы случайно столкнуться с юношей. Но вурдалак, казалось, растворился в воздухе. И только саднящая боль напоминала о том, что он все еще кружит неподалеку и наносит коварные, предательские удары. Конан, рассыпая проклятия, продолжал неожиданно прыгать в стороны, нырять, нагибаться, крутиться юлой и наконец столкнулся с невидимым противником, успел вцепиться в его холодную руку. Вурдалак взвыл, пытаясь вырваться. Но Конан с рычанием сжал пальцы, чувствуя, как хрустнули под ними тонкие кости упыря. Затем раскрутил его, как пращу, и со всего маху ударил об пол.

Эхо прокатилось по залу. Закричала королева. Что-то торопливо говорил Хепат. Вурдалак, вновь став прекрасным юношей, без движения лежал на полу.

— Ты!.. Ты убил его! — рыдала королева, — убил моего сына! Ты умрешь за это!

— О, Кром! — воскликнул Конан, — я же не знал!..

Хепат тянул за руку, показывая на меч и доспехи.

— Скорее! Одевайся, бежим!

Королева исчезла вместе с телом сына. Свет вспыхнул с такой яростью, что Конан почти ничего не видел. Хепат помог надеть доспехи и пояс с мечом.

— Сейчас она вызовет демонов! Бежим!

— Да куда бежать?! — Конан яростно выругался. — Я пытался найти выход!..

— Я знаю! — кричал Хепат. — Мне рассказал Эскилампа... во сне!..

7

Спотыкаясь и рыча от досады, гном побежал прочь из тронного зала. Широким шагом Конан двинулся следом, от души надеясь, что подсказки волшебника Хепату не приснились. Они, конечно, именно приснились, но, как утверждал гном, по воле Эскилампа.

Сияние пульсировало в такт биению сердца. Прозрачные стены пришли в движение. Замок пытался поймать и раздавить ненавистных смертных, один из которых осмелился убить сына королевы.

Хепат, окончательно очнувшись от колдовского сна, уверенно находил дорогу. Прошли несколько сверкающих залов, пробежали, ныряя под сжимающиеся арки, через пульсирующие коридоры. Не обращая внимания на появляющиеся и исчезающие лестницы, переходы и залы, Хепат твердо держался нужного направления.

— Скоро! Скоро выход! — гном с утроенной

энергией бросился вперед и... остановился в страхе и замешательстве.

Посреди очередного сверкающего зала возвышалась огромная, косматая фигура.

Демон стоял неподвижно, как скала, вытянув кривые лапы с длинными, обломанными когтями. В целом он походил на недавнего знакомого — пещерного медведя. Только в отличие от заросших шерстью медвежьих глаз, огромные, как плошки, кровавые очи демона горели неугасимым рубиновым огнем.

Поросшее бурым медвежьим мехом брюхо свисало к самому полу, превращая фигуру чудовища в подобие каменного истукана. Из-под брюха торчали коричневые ступни, увенчанные расклевывшимися и тоже обломанными когтями. Очевидно, демон не был молод. Но старость не превращала его в слабого противника, скорее, наоборот — опыт всегда много значил в схватках.

Обнажив меч, Конан подошел к чудовищу. Хепат, как и положено оруженосцу, находился чуть позади.

— Королева хочет, чтобы я убил тебя в поединке, — раздался громовой рык, в котором с трудом можно было разобрать слова. — Она запретила мне использовать волшебную силу демона. Я должен убить тебя так, как ты убил ее сына.

— Я не знал, что сражаюсь с сыном королевы, и убил его ненамеренно, она должна это понять, — спокойно сказал Конан.

— Она поняла, — рывкнул демон, — иначе ты давно превратился бы в кучу пепла! А теперь те-

бе будет дарована смерть в бою! Цени это, жалкий кусок свежего мяса!

Демон пошевелился, и его огромная туша внезапно оказалась рядом. Только когти царапнули по сверкающему полу! Теперь Конан находился в пределах досягаемости кривых лап. Хепат незаметно стал заходить сбоку. Пальцы его сжимали рукоять фамильного кинжала.

Демон не обращал внимания на передвижения гнома. Кровавые глаза, полыхая ненавистью, неотступно следили за Конаном.

— Ты умрешь, и душа твоя вечно будет мучиться там, куда я ее унесу! Вечно!

Левая лапа чудовища вдруг с такой быстротой устремилась вперед, что Конана спасла только его реакция. В последний момент он успел нырнуть под когти и отпрыгнуть в сторону. Демон был опытным бойцом и теперь совсем не походил на каменного идола. Под кожей, поросшей бурой шерстью, перекачивались огромные, как удавы, мышцы. Бугрились, переплетались, вздувались.

Конан, нарочито растягивая слова, сказал:

— Ты быстрее, чем я думал...

Быстрыми, скользящими шагами он приблизился к демону и вонзил меч в его отвисшее брюхо. Но, отпрыгнув на безопасное расстояние, с тревогой заметил, что крови на клинке не было. Меч вошел в складки кожи демона, не причинив ему ни малейшего вреда.

— Жалкий смертный, — прорычало чудовище, — мою шкуру не проткнешь этой маленькой игрушкой!

Демон отрывисто залаял, что означало, очевидно, смех. Затем зарычал, и его косматые лапы пришли в движение. В любой момент Конан мог попасть под удар. Приходилось непрестанно уклоняться, отпрыгивать в сторону, даже отбегать, но демон двигался вперед с проворством, которого трудно было ожидать от такой туши. Всякий раз он оказывался рядом, и его кривые лапы мелькали с невероятной скоростью.

Непрерывно двигаясь, киммериец пытался обойти врага или хотя бы оказаться сбоку, но неизменно видел перед собой мохнатые лапы с обломанными когтями, отвисшее брюхо и красные, горящие ненавистью глаза. Рано или поздно демон сумеет зацепить увертливого противника, и участь его будет решена...

Улучив момент, Конан нанес рубящий удар по нависшей над ним огромной, кривой лапе. Клинок отскочил, как от камня, едва не вывернув киммерийцу руку. Оставалась последняя надежда — красные глаза демона. Но чтобы пронзить мечом глазницу, требовалось подойти к чудовищу на близкое расстояние. А значит, вероятнее всего, попасть под удар страшной когтистой лапы!

И тут Конан заметил, что на шерсти демона повис Хепат. Незаметно зайдя сзади, он ухватился за бурый, свалывшийся волос и теперь пробирався выше, намереваясь, очевидно, добраться до головы и глаз чудовища. Почувствовав присутствие чужака, демон попытался зацепить его лапой. Конан немедленно сделал выпад и погрузил

клинок в подмышечную впадину чудовища. На сей раз кончик меча оказался окрашен черной кровью.

Значит, демон уязвим! Стремясь отвлечь его от Хепата, Конан стал нападать яростнее. Теперь лезвие меча мелькало перед глазами демона, как крылья ветряной мельницы.

Хепат уже сидел на косматой шее, и его кинжал искал глаза чудовища. Заревев, демон ухватил гнома обеими лапами, вонзил кривые когти в его маленькое тело и с размаху швырнул на пол. Но меч Конана уже наполовину вошел в его кровавый глаз.

Страшный рев потряс сверкающий дворец. Сияние вспыхнуло ярче, затем неуверенно замигало и окончательно померкло. В нормальном свете воин увидел бьющееся в судорогах чудовище и неподвижного, истерзанного страшными когтями, окровавленного Хепата.

Конан метнулся к демону и несколько раз вонзил меч в другой глаз. Затем медленно подошел к неподвижному телу гнома. Упав на колени, припал к груди маленького друга. Сердце Хепата не билось. На страшных, рваных ранах запеклась кровь. Рука все еще сжимала резную рукоять фамильного кинжала. А в глазах навеки застыла боль.

Взревев, Конан бросился к содрогающемуся в последних корчах демону и стал рубить, колоть, снова рубить его отвратительное, поросшее медвежьей шерстью тело. Сколько времени продолжалось это безумие, киммериец не помнил.

Очнулся он, заметив в стороне королеву, пристально и печально наблюдавшую эту сцену последней мести поверженному врагу, отнявшему дорогого друга.

Тяжело дыша, Конан медленно опустил испачканный черной кровью меч. Не сводя сверкающих глаз с королевы, механически вытер клинок о бурю шерсть демона и вложил в ножны.

— Я потеряла сына, — тихо сказала королева, — ты потерял друга, ради спасения которого согласился служить мне, удовлетворяя все прихоти и капризы.

Конан молчал, и в синих глазах его медленно закипали слезы.

— Я не должна была уступать просьбе сына сразиться с тобой... Я сама виновна в его гибели... И в гибели твоего друга...

Рядом с телом Хепата засверкал всеми цветами радуги прозрачный горшок, наполненный драгоценными камнями.

— Прими мой прощальный дар...

Но Конан, не обращая внимания на сверкающее сокровище, поднял окровавленное тело друга и, бережно прижав его к груди, направился к выходу.

Увлекаемая течением лодка медленно двигалась среди темных вод подземного озера. Конан все еще прижимал к себе холодное тело Хепата, и в глазах его, все так же, голубыми льдинками, сверкали слезы. Только теперь он понял, чем был для него этот маленький преданный пьяница. Хепат незаметно избавлял Конана от одиноче-

ства. Разделял с ним радости и беды, ненавязчиво помогал пережить неудачи и огорчения, столь частые в этом несовершенном мире. Его почти незаметное присутствие стало чем-то обыденным, привычным, как меч на поясе, как кинжал под рукой. А теперь Конан вновь остался один. И горьким будет отныне его одиночество!

Он припомнил, как в юности наблюдал со скалы за встречей волка-одиночки с небольшой стаей — местным выводком, ведомым старой волчицей...

Огромный, сильный волк, в каждом движении которого чувствовалась мощь и необузданная природная свирепость, сохраняя поистине царское достоинство, принимал знаки почтения от членов случайно встретившейся стаи. Первой, виляя хвостом, подошла волчица. Обнюхав громадного чужака, шаловливо отпрыгнула, приглашая к любовной игре. Но одиночка, которого с радостью приняла бы любая стая, не обратил внимания на ухаживания самки. Он неподвижно стоял, пока остальные волки — драные и облезлые — как щенята, подползали на брюхе выразить покорность гордому великану.

Волчица вновь игриво ткнулась мокрым носом в шею чужака, который мог бы подарить ей щенят невероятной силы и выносливости. Сделать, таким образом, ее стаю самой сильной в округе.

Но великан предпочел одиночество. Гордо подняв голову, он шагнул в сторону, оглянулся в минутном раздумье, затем решительно засколь-

зил вверх по распадку, легкой тенью огибая валуны и вековые сосны. Ему не нужна стая. Он всегда был один. Он навечно останется гордым волком-одиночкой!

Даже издали Конан услышал, как тоскливо заскулила волчица. Как затем жалобно завывала, и этот вой подхватила стая, потерявшая возможность занять вожака, который мог бы принести ей много, много кровавой пищи.

Он, Конан, и был таким гордым волком-одиночкой! И теперь, после смерти маленького друга, останется им навсегда. Навсегда...

8

Эскилампа, зная о смерти Хепата, встретил Конана с болью в глазах. Молча принял холодное тело, бережно опустил на траву. Конан оттолкнул лодку, и она, увлекаемая волшебным течением, исчезла в тумане, который окутал вдруг сверкающий дворец королевы демонов Эн-Кастера.

— Где мы его похороним? — Эскилампа отвернулся, скрывая слезы.

— Только не здесь... В горах... На вершине. Или в пещере, он ведь был гном... пещерный житель, хоть и привык жить среди людей.

— Я знаю хорошую, сухую пещеру... Ему бы там понравилось. Тело его останется нетленным, и он вечно будет смотреть на столь милые его серацу цветные сталактиты.

Завернув тело Хепата в одеяло, Конан сел позади Эскилампа на крылатое чудовище с краси-

вым именем Газаланд. Поцелкав зубастой пастью, ящер расправил крылья и взмыл в голубую высь.

Пещера действительно была красивой и сухой. Легкий сквозняк шевелил бороду гнома, когда Конан бережно усадил его на камень, прислонив к стене так, чтобы он «видел» освещаемую солнцем часть пещеры. Разноцветные сталактиты играли бликами света, рассыпая по сторонам солнечные зайчики. Вкрапления кварца в стенах сверкали всеми цветами радуги. Но не радовало друзей великолепие последнего пристанища Хепата. Слезы застилали взор сурового киммерийца. Боль стояла в глазах Эскилампа. Молча прошившись с маленьким другом, Конан, неслышно ступая, вышел из пещеры. Эскилампа вполголоса прочитал несколько заклинаний, начертил в воздухе дымящийся охранительный знак и также тихо покинул вечную обитель последнего гнома из племени славного царя Вармина.

* * *

Конан и Эскилампа сидели у волшебного костра, неугасимое пламя которого радостно раздвигало нависший полог ночи. По молчаливому уговору о погибшем друге старались не говорить. Пройдет время, немного утихнет боль и тогда, при встрече, можно и нужно будет вспомнить маленького оруженосца и поднять наполненные до краев кружки за упокой его мятежной души.

Конан смотрел на пламя и вспоминал дни,

проведенные во дворце. Схватки с демонами, ласки королевы, обильные застолья... Эскиламп, пытаясь отвлечь друга от грустных мыслей, уже давно рассказывал что-то о секретах колдовства и заклинаниях.

— Я скажу тебе, Конан, одну вещь, за которую меня подвергли бы остракизму мои собратья по ремеслу, если бы сейчас услышали. На мой взгляд — а я думаю над этим очень давно — заклинания и ритуалы сами по себе ничего не значат!

Конан с удивлением посмотрел на друга. Не моргнув глазом, маг ниспровергал все то, чем занимались его собратья в течение тысяч лет! Ритуалы — ничего не значат?! Но ведь именно в них и заключается суть колдовства! Именно заклинаниям и ритуалам обучаются в первую очередь помощники и ученики колдунов!..

Эскиламп между тем продолжал тихим, печальным голосом:

— Все эти долгие ритуалы и заклинания просто помогают мозгу восприимчивого человека настроиться на нужный лад, испускать нужные волны... — он невесело рассмеялся. — Вот представь, что сидишь у пруда и тихонько бьешь по воде палочкой. По поверхности расходятся волны... Но если палочка на конце раздваивается, и по воде ударяют сразу два конца этой рогульки, то волны как бы остановятся... Они будут стоять до тех пор, пока ты будешь мерно, через равные промежутки, постукивать палочкой по воде...

— Мне даже в детстве не приходило в голову стучать палкой по воде, — усмехнулся Конан. —

Но я тебе верю, хотя и не могу представить волны, которые бы не расходились, а стояли. Так это и есть волшебство?

— Примерно так работает мозг волшебника, когда он читает заклинания: непрерывно испуская стоячие волны. Тогда воздействие более длительное.

— Стало быть, заклинания — это твоя палочка с рогулькой на конце?

— Вроде того... Мозг долбит и долбит реальность стоячими волнами и в конце концов изменяет ее! А ритуалы просто помогают сосредоточиться. Особенно если участвует толпа!..

Глаза волшебника заблестели.

— Если с помощью ритуала удастся направить мысли-волны по нужному пути... Такая сила способна породить многое!..

Конан невольно нахмурился:

— Может, лучше вообще ничего не порождать? Оставить это богам?

— Не всегда... — вздохнул Эскиламп. — Мы обязаны воздействовать на этот мир, хотя бы для того, чтобы его безраздельно не захватили силы зла.

Некоторое время оба молчали. Колдун поворошил сучья в костре, и веселые искры взметнулись к звездам.

— Но я ведь и сам читал заклинания, — сказал Конан. — И они срабатывали, хоть я и не волшебник!

— Они настроили твой мозг на нужную волну. Но у волшебника получилось бы еще лучше.

— У меня тоже получалось неплохо, — проворчал Конан.

Эскиламп не стал спорить. Задумчиво кивнул, пристально глядя на огонь.

— Ты ведь, Конан, тоже пытаешься изменить мир к лучшему — с помощью меча!

— Не знаю... Я просто брожу по земле в поисках лучшей доли. Ничего я не хочу менять. Да и не в силах я ничего изменить на этой земле!

Пляски огня в волшебном костре отодвигали стену ночи с ее звуками и мечущимися тенями. Изгибающиеся языки пламени вновь напомнили Конану гибких танцовщиц, исполняющих любимый во всех странах танец живота.

Ночь незаметно уступала место зарождающемуся дню. Где-то за горами вставало солнце, мягко, но настойчиво оттесняя темноту в глубокие ущелья и бездонные пропасти, которыми так богаты великие Карпашские горы.

Завоеватель

а шумной базарной площади Шадизара, среди гудящей, пестрой толпы торговцев и покупателей с отрешенным видом сидел, скрестив ноги, старик-дервиш. Длинная седая борода благостно ниспадала на грудь. Худое морщинистое лицо выражало спокойную умиротворенность. Казалось, усталый странник после долгих мытарств возвратился наконец домой. Возможно, так оно и было. Грудь старика равномерно вздымалась и опадала, глаза были закрыты. Дервиш спал... Или грезил? Или глубоко задумался о вечной суете бренной жизни? В любом случае, дух его витал очень далеко от шумной площади Шадизара.

Возможно, на сияющих вершинах он вел нескончаемые беседы с бессмертными мудрецами, живущими среди недоступных высот великих гор, раскинувшихся в далекой Вендии? Или, в со-

вершенстве постигнув недоступное простым смертным искусство волшебного экстаза самадхи, общался с грозными богами и прекрасными, светлоликими богинями? Или, пока уставшее тело его застыло в позе лотоса посреди базарной площади, предавался неистовой любви с вечно юными нимфами?

Те из многоголосой шумной толпы, кто равнодушно скользил взглядом по фигуре дервиша или бросал ему на колени медные монетки, ничего о том не знали. Не могли знать... В лучшем случае, они смутно догадывались о внутреннем богатстве старика, о его мудрости и поистине волшебной способности по своему желанию отделять бессмертный дух от бренного тела.

Высокий, широкоплечий воин с темным от загара лицом и гривой черных спутанных волос в раздумье остановился перед дервишем. В сверкнувших неожиданной синевой глазах зажглось любопытство. Воин бросил на колени старика несколько серебряных монет и тронул его за плечо.

— Я давно жду тебя, Конан, — ясно сказал дервиш, — мне нужно многое рассказать тебе...

— Кто ты? Откуда знаешь мое имя?

Но старик вновь закрыл глаза и, казалось, заснул. Только изрезанное морщинами, иссушенное ветрами лицо выдавало напряженную работу мысли. И в голове Конана неожиданным фейерверком вспыхнули яркие видения.

Единым мигом промелькнуло прошлое, неясными тенями предстало грядущее. Образы теснились, кружась, будто в смутном хмельном сне.

Виделись знакомые лица, злобные оскаленные пасти демонов, трон в огромном зале, кровавые битвы и веселые пиры, боги с головами зверей, череда мертвых воинов, уходящих в туманную, призрачную даль...

Старик задрожал от напряжения, и перед Конаном предстала Книга. Сами собой перелистывались страницы, открывая взору таинственные знаки неведомых смертным печатей, древние тексты, написанные кровью на давно забытом, мертвом языке.

Дервиш прошептал несколько слов, и Конан содрогнулся, ясно увидев ближайшее будущее и то, что он должен сделать.

* * *

Заросший до самых глаз черной кучерявой бородой человек стоял на вершине холма, воздев руки. Луна, словно саваном, укрытая дымкой, мертвенным светом освещала его застывшее, бледное лицо. Ветер трепал темный плащ, заполняя холодными щупальцами в широкие рукава, швырял в лицо горсти мелких песчинок — человек не обращал на это внимания. Нависшие над глазами мохнатые брови сошлись на бугрящейся складками переносице. В свете полной луны неподвижная фигура с поднятыми руками казалась высеченной из черного камня. Длинная тень, сползавшая по склону холма, причудливо шевелилась, хотя человек стоял неподвижно. Небольшие смерчи, то и дело зарождавшиеся вокруг,

скатывались по склону и тихо умирали, так и не набрав силы.

Почти не разжимая губ, человек стал произносить странные, изломанные слова. Чуждая человеческому слуху речь гулко разносилась над большим плоским камнем, венчавшим вершину холма. В черном небе внезапно появилась стая нетопырей. Призрачными ночными тенями носились они над непокрытой головой человека, почти задевая крыльями его развевающиеся волосы. Слова заклинаний звучали все более глухо. Казалось, исходят они не из уст говорящего, а из-под плоского камня, укрытого мрачными тенями, несмотря на то, что в небе оскаленным черепом сияет луна.

Человек запрокинул голову, выкрикнул, словно каркнул, последнее слово и исчез. Только смерчи продолжали кружиться на опустевшей вершине, да луна осветила наконец плоский, похожий на гроб камень с выдолбленным посреди не чашеобразным углублением.

* * *

Глубоко задумавшись, Конан сидел за выскобленным добела столом в харчевне толстого Асланкариба. Мальчик-слуга то и дело наполнял вином быстро пустеющую кружку, приносил лучшие куски копченого мяса. Свободные на данный момент жрицы любви нарочито громко смеялись, надеясь привлечь внимание воина, который хоть и не часто прибегал к их услугам, но платил всегда щедро.

Кивком Конан подозвал хозяина. Масленные глазки Асланкариба беспокойно забегали. Если киммериец бывал чем-то недоволен...

— Что ты знаешь о Книге Черных Врат? — не взглянув на трактирщика, спросил воин.

Асланкариб облегченно вздохнул. Почесал лоснящийся подбородок. На всякий случай протер чистой тряпкой стол, где блестили капли вина.

— Книгу эту мало кто видел... По слухам, она написана древними богами. Хранитель ее — великий мудрец и вечный скиталец Ниаматар, заклинатель демонов. Некоторые считают его богом. Иногда он является тем, кто избран и показывает книгу... — хозяин осекся.

Со страхом и любопытством посмотрел на сидящего перед ним воина и тихо сказал:

— Тебе показали книгу?.. Ты встретил Ниаматара? Где? Что он сказал?

Конан взглянул на перепуганного трактирщика. В синих глазах мелькнул недобрый огонек.

— Держи рот на замке! И забудь о том, что я спрашивал!

Асланкариб почтительно поклонился и, качая головой, отошел. Конан вспомнил, что сказал на прощанье старик-дервиш. «Не пытайся помешать ему. Лучше найди хорошего колдуна в помощь и готовься к походу». Да, таковы были последние слова Ниаматара. После чего он просто исчез. Не осталось даже следов на том месте, где сидел этот загадочный старик. А то, что показала Книга... Нет, об этом лучше не думать. Нужно найти колдуна... Есть, конечно, колдун. Очень хоро-

ший — Эскиламп, да только живет неблизко. Пока доедешь — княжну похитят...

Несмотря на предупреждения хранителя Книги, Конан все же решил попытаться помешать похищению одной из красивейших девушек Шадизара. Потому что после похищения с ней будут происходить ужасные вещи... Она изменится... Все это показала Книга.

Нужно кого-то послать за Эскилампом! Ехать самому — значит отдать княжну Ониксию на поругание. Даже хуже — на изменение...

Конан помнил красавицу-княжну, дочь одного из самых богатых работорговцев Шадизара. В сопровождении охраны Ониксия проезжала на белом скакуне по шумным улицам города, и перед ней, перед ее божественной красотой, склонялись и ремесленники, и знать, и грубые воины-наемники, и богатые купцы. Даже он, Конан, однажды поклонился, как все, когда заметил любопытный взгляд девушки, брошенный из-под полуопущенных ресниц на его громадную, резко выделяющуюся в толпе фигуру. Капитан личной охраны княжны — бретонец Бруккис, с которым Конан выпил не один кувшин вина в тавернах Шадизара — тогда с усмешкой покачал головой и подмигнул.

Нужно его найти, Бруккиса, предупредить... Попытаться спасти княжну.

В глазах Конана вспыхнуло видение. Огромная пещера, освещаемая чадающими факелами, клубы синего дыма под черными сводами, уродливые рогатые существа, с воем пляшущие во-

круг алтаря с распростертой на нем обнаженной женщиной... И ожидание... Кто-то должен явиться... Некто могучий и ужасный. И тогда...

Это был один из вариантов того, что должно произойти. Другие были не лучше. Все они пронеслись туманными и кошмарными видениями. Связанная княжна в тесной пещере в ожидании ползущего к ней страшного существа... Княжна, подвешенная за ребро на огромный крюк... Прелестная голова Ониксии, ставшая уродливой и рогатой... Распухающее на глазах тело княжны — не то умершей, не то еще живой...

Конан тряхнул головой, прогоняя видения. Проклятая Книга! Показанное навечно запечатлелось в памяти. И не сотрет эти ужасные сцены ни вино, ни время...

Ни в одном видении не было показано спасение княжны. И все-таки нужно попытаться...

* * *

Чернобородый, не отрываясь, смотрел на мутно-прозрачный камень величиной с крупное куриное яйцо. Внутри клубились туманы, маревом дрожали неясные силуэты. Тени странных горбатых и рогатых существ торопливо перебегали из угла в угол огромной черной пещеры, контуры которой дрожали и расплывались в тусклом свете факелов.

— Не показывается! — взревел чернобородый, — он все еще не показывается!

Резким движением ладони он смахнул со стола

камень. В чаше, сделанной из черепа ребенка, злобно замигал фитиль, пропитанный шакалым жиром. Несколько черных кошек, наблюдавших желтыми глазами за хозяином из угла комнаты, заорали мерзкими, скрипучими голосами. Заухала сова на чердаке. Заплясали сами собой колченогие табуретки, задрожали ножки дубового стола, за которым сидел разгневанный колдун. Станные шорохи донеслись из глубокого погреба, в который чернокожничник бросал мертвых, обескровленных людей после проведения нужных ритуалов. Загрохотал вдали гром, завыл за окном ветер.

Но колдун поднял руку, и все стихло. Устало и задумчиво погладил он кудрявую бороду. Его крупный крючковатый нос внезапно сморщился, толстые мокрые губы раскрылись в подобии улыбки, обнажая длинные, ослепительно белые, острые зубы. Несколько лающих звуков разорвали внезапно наступившую тишину.

— Ничего, — все еще смеясь, прошептал колдун. — Ничего... Мы подождем. Он придет. Обязательно придет! Не может не прийти, если сам выбрал жертву...

Кошки, почуяв перемену настроения хозяина, терлись о его заросшие шерстью ноги и мурлыкали. Одна даже игриво поскребла коготками по копыту.

2

Горшечник Ихарп, тощий и суетливый, в смущении потирал ладони. Конечно, он, Ихарп, вер-

ный друг и слуга Конана. Когда-то великий воин Конан спас его, Ихарпа, ничтожную жизнь... И он, Ихарп, и жена его, и дети — все благодарны. Но отправляться в горы на поиски волшебника... Да найдет ли он того волшебника?.. Да не убьют ли его, Ихарпа, кровожадные бандиты-горцы?.. А если не убьют, и если найдет... Согласится ли великий волшебник выслушать его, простого ремесленника, поедет ли с ним?.. А дома — жена, дети... Кто их станет кормить, пока он, повинувшись приказу друга, будет ползать по горам?..

Конан молча бросил на стол несколько серебряных монет. Горшечник опять потер ладони, но уже более энергично. Да, этого, конечно, хватит... Ему и за год не сделать столько горшков, чтобы заработать такие деньги!.. Вот только бандиты-горцы...

— Они нападают на караваны! — нетерпеливо сказал Конан. — Ты можешь их не опасаться! Что с тебя взять?!

Да-да, конечно... Ихарп торопливо закивал, незаметным движением сгребая со стола монеты. Но его лошадь... Она, конечно, старая кляча, но кто знает этих горцев...

— У горцев прекрасные скакуны! Твою кобылу они не возьмут даже на мясо! Тем более, на мясо! Для этого они специально выращивают мясных лошадей... ну и баранов, конечно!

Ихарп вынужден был согласиться. Все это так... Вот только его жена привыкла, чтобы он, Ихарп, еженощно ублажал ее плоть... Как же она останется без мужской ласки?..

Тут уж Конан не выдержал и расхохотался.

— Я найду на базаре пару нищих! Они будут рады ублажать твою любвеобильную супругу!

Нет-нет, не нужно нищих... Если сам Конан не желает, то уж пусть она потерпит... Тем слаще будет встреча! Но, вообще-то... его жена хороша собой и довольно молода. Любой мужчина с удовольствием согласился бы проводить с ней все ночи...

Конан вспомнил тощую, жилистую женщину, выглядевшую почти старухой.

— В эти дни мне будет не до женщин. Нужно обеспечить надежную охрану княжны!

Ну конечно, конечно... Ихарп все понимает... Красавица-княжна — это не то, что его жена... Но, с другой стороны, княжна — молода и неопытна, а вот его жена!..

Потеряв терпение, Конан грохнул каменным кулаком по столу. После этого горшечник больше не вспоминал ни о жене, ни о разбойниках.

Через час он, нагрузившись провизией, выехал на старой кляче в направлении Карпашских гор.

* * *

В распадке, меж двух поросших вековыми соснами холмов, притулилась ветхая хижина. Просевшая, крытая замшелым дерном крыша ежеминутно грозила рухнуть. Стены, таясь в тени сосен, поросли грибами и покрылись плесенью. Затянутое бычьим пузырем окно почти не про-

пускало света, а покосившаяся дверь — не закрывалась.

Но живущему в хижине козлоногому колдуну и не требовался свет — темнота была его стихией. А запираť дверь и вовсе не было необходимости: никто из местных жителей не рисковал даже приблизиться к его мрачной обители.

Звери и хищные птицы служили ему. Волки приносили задранных коз и оленей, совы и филины — кроликов и зайцев. С ревом голодного зверя впивался он в теплое парное мясо, рвал зубами, жадно глотал, давился, отрывивал и снова глотал уже побывавший в желудке полупереваренный вонючий кусок. Затем, насытившись, дремал, растянувшись на лежанке, а кошки слизывали шершавыми языками кровь и жир с его мокрых толстых губ.

Отец его был обитатель лесов — сатир, а мать — злая ведьма, жившая в небольшом селеении, где свирепые, кровожадные горцы боялись ее, как огня. И когда пришла пора колдунье зачать ребенка, чтобы передать ему черные знания, никто — ни один житель селения — не смог заставить себя лечь с ней в постель. Она грозила страшными карами, она сулила богатство, обещая открыть места, где хоронились клады — ни один горец не решился коснуться ее холодного тела, ибо, по слухам, ведьма давно умерла, и только колдовство поддерживало эту противоестественную жизнь медленно гниющего трупа.

И тогда поковыляла колдунья в сумрачные леса, взывая к мерзким тварям, таящимся от

солнца в сырых распадах. Зычно и сладострастно завывала она, томимая жадой совокупления. Но и звери, и твари лесные бежали, учуяв ее гнилостный запах. Наконец нашелся один старый, глухой и слепой сатир, позволивший ведьме совершить с ним отвратительный, противоестественный акт слияния мертвого человека и умирающего повелителя зверей.

Так ведьма зачала козлоногого. Родился он с кучерявой бородой и покрытыми шерстью ножками, на конце которых поблескивали слизью маленькие копыта. Быстро осваивал сын мертвой колдуньи премудрости чернокнижья. Заклинания и заговоры запоминал с первого раза, а колдовские чертежи и знаки, казалось, были ведомы ему еще до рождения.

И когда настала пора, мальчик-сатир, как и положено черному колдуну, убил свою мать: произнес заклинание, уничтожающее ее чары. И улыбаясь мокрыми губами, смотрел, как вздувалась, вспучивалась червями и распадалась ее плоть, как рассыпались в прах кости, растекалась мерзкой лужей ее черная кровь. А потом ушел жить в сумрачный распад, где обитал когда-то его отец. Сатиры, как медведи, живут в берлогах, но он построил хижину — все же мать его была когда-то человеком...

* * *

Капитан Бруккис был невысокого роста, но крепок, как раскидистый дуб. На могучих плечах

плотно сидела квадратная голова с тяжелой челюстью, а толстые, как колбасы, пальцы запросто могли гнуть подковы.

Выслушав рассказ Конана, он с невозмутимым видом показал хозяину таверны на пустые кружки, дождался слугу с кувшином, шумно выпил и смачно причмокнул толстыми губами.

— Значит, говоришь, книга показала? — он потер гладко выбритый подбородок, украшенный двумя шрамами.

— А книгу показал Ниаматар.

— Да, я слышал о Книге Черных Врат и ее хранителе... Конечно... Но почему ты думаешь, что эта именно она? Может, тот старик... просто шарлатан? Умеет насыщать морок?

— Он не шарлатан. А Книга... Я знаю, что это — она. Увидел прошлое и будущее... А старик-дервиш исчез у меня на глазах! Такое шарлатану не под силу, — Конан усмехнулся, — пусть даже умеющему насыщать морок!

Бруккис в задумчивости пробарабанил пальцами Марш Наемников. Даже немзыкально прогудел пару куплетов.

— И что ты думаешь делать? Если тот козлоногий колдун из твоего видения так страшен?..

— Я послал верного человека за белым колдуном. Очень хорошим. А пока нужно обеспечить княжне надежную охрану!

Лицо капитана потемнело.

— Уж не хочешь ли ты сказать, киммериец, что ее плохо охраняют?! — несколько посетителей таверны с любопытством оглянулись, ожи-

дая ссоры двух воинов, один из которых, похоже, оскорбил другого.

— Да нет, нет... Охрана, конечно, надежная... Но ты же не будешь возражать против моей помощи?

Бруккис допил вино и, успокоившись, буркнул:

— Возражать не буду. Только не слишком попадайся ей на глаза. Я вообще-то не имею права брать людей со стороны...

— Я буду невидим, — кивнул Конан.

Капитан расхохотался, представив киммерийца, пытающегося затеряться среди охранников.

— Она заметит сразу же! — он вновь поскреб толстыми пальцами тяжелый подбородок. — Нет, придется тебе, как положено, подать прошение. Поступить на службу в отряд охраны. А я за тебя поручусь. Кстати, и жалование неплохое, и харчи хорошие! По праздникам — бесплатная выпивка! А некоторые молоденькие служанки не прочь поразвлечься!

И Бруккис захохотал так, что даже привычные к шуму и смеху посетители таверны воззрились на него с почтительным удивлением.

* * *

Княжна Ониксия была молода, прекрасна и по-детски наивна. Ее огромные серые глаза смотрели на мир восторженно и ласково. Ее прелестный носик знал только запахи роз и цветущих деревьев в отцовском саду. Ее нежные руки ни-

когда не ведали тяжелой работы, от которой у женщин появляются мозоли и вздуваются вены.

Она не представляла, какие страдания приносит людям ее отец — крупнейший в Заморе работорговец. На рабов она смотрела, как на милых домашних животных и считала, что другие смотрят так же. Она знала, что провинившихся рабов иногда наказывают, но не задумывалась о жестокости и бесчеловечности этого наказания. Всего лишь небольшая порка!..

— ...И этот ничтожный раб не оценил оказанного ему великодушным хозяином доверия, в третий раз попытавшись бежать... — монотонно читал помощник судьи.

Бхутта уже не чувствовал боли в стянутых сыromятными ремнями руках. Вот ноги... Они еще не потеряли чувствительность и продолжали нестерпимо ныть. Какая разница?.. Все равно вскоре он будет мертв. О эти жестокие белые! Если бы они могли испытывать жалость!.. Если бы могли... Они бы убили его быстро и безболезненно. Но нет! Им надо показать, что бывает с теми, кто пытается бежать...

Бхутта вспомнил порки после первого и второго побега. Много дней он лежал, подвывая от боли, а старая колдунья Нгана смазывала его исполосованную спину жиром барсука, убитого в полночь на заброшенном кладбище.

А теперь его ждет порка до смерти. Чтобы другим рабам было неповадно бегать от своих великодушных хозяев!.. Скорее бы все кончилось! Сегодня он увидит в толпе добрые карие глаза

старой колдуньи Нганы, которая так похожа на его мать... А потом придет огромный свирепый палач. Никто не знает его имени, никто не видел его лица, потому что он всегда надевает островерхий колпак с маленькими прорезями для глаз. Для сверкающих злобным торжеством и похотью глаз! Все слышат его сладостные стоны, когда он с оттяжкой наносит очередной удар по спине раба... По спине, превратившейся в кусок окровавленного мяса... И чем громче кричит раб, тем сладостнее стонет палач. Да покарают его боги за эту мерзкую страсть! Потому что люди не могут покарать — не знают имени, не видят лица... И еще потому, что боятся... А после казни!.. Что делает он с изувеченными телами рабов — никто не знает. Он с рычанием, как дикий зверь, предвкушающий обильную трапезу или любовную игру, уносит на плече окровавленный труп... Куда, для чего?.. Лучше не думать об этом...

Они уже идут!.. Идут помощники палача. Сейчас они привяжут меня к столбу... Нет! Убирайтесь, жадные гиены! Я не пойду! Я...не... пойду!..

Его выволокли из клетки и, не обращая внимания на крики, потащили к столбу. Толпа, жадно ожидающая казни, заволновалась. Ведут! Тащат! Скоро они услышат свист кнута, увидят, как первые удары рассекают темную кожу, как лопается она, будто перезрелый плод, гниющий на солнце...

Бхутта кричал и вырывался. Ноги отказывались держать его, хотя их он еще чувствовал — руки ему связали крепче. А ноги... Кому охота

носить связанного раба? Пусть идет сам... Ноги связали только для вида. Но теперь они подкосились...

Его потное от страха тело покрылось пылью. Белки вытаращенных глаз сверкали, как у молодого быка, перед глазами которого смеющийся мясник точит огромный нож. Он кричал и плакал, звал мать, выкрикивал имена богов, которым когда-то молился.

Толпа, состоявшая по большей части из ремесленного и торгового люда, из воров, бандитов, проституток и нищих с хитрыми бегающими глазами — ликовала. Зрелище! Сейчас они будут наслаждаться Зрелищем! Уже наслаждаются! Разве не наслаждение видеть страх, отчаяние и слезы этого раба? Но еще большее удовольствие — в предвкушении кровавой порки. Они увидят, как слезает кровавыми лоскутами кожа, как обнажаются измочаленные кнутом мышцы, как брызжет во все стороны кровь!..

И только небольшая часть толпы состояла из рабов. Пригнали тех, кто не смог отговориться крайне необходимыми делами, очень важными для хозяина... и они стояли молча, опутив кудрявые головы, среди хохота, улюлюканья, веселого свиста остальных. Толпа пришла насладиться!..

Вот и палач! Огромный, с мощными волосатыми лапами. Как всегда, в остроконечном колпаке. Как ловко он умеет работать кнутом! Это великий мастер! Да когда же привяжут этого поганого негра?!

Бхутту накрепко привязали к пропитанному

кровью и потом, отполированному сотнями тел столбу. Он уже не кричал, а отрешенно смотрел перед собой. Вряд ли он видел ликующую толпу, важно сидевшего на возвышении князя, своих братьев-рабов...

Палач взмахнул кнутом. Пока только проба. Еще раз. Витой длинный кнут со свистом разрезал воздух. Закорженевший от крови предыдущих жертв, он тем не менее оставался достаточно гибким. А может быть, искусник-палач перед каждой казнью разминал его своими красными уродливыми руками?..

Князь подал знак. Толпа затихла. Ожидание... Предвкушение... Палач неспешно отошел на нужное расстояние. Взвесил в руке кнут. И почти не размахиваясь, нанес первый удар. Крик раба потонул в диком реве толпы. Все было так, как они и ожидали! Лопнула кожа, брызнула кровь... Еще! Еще!! Бей же, палач, бей!..

Ничего этого милая княжна никогда не видела. Она жила в своем, ласковом и упоительно счастливом мире. Ездила верхом в сопровождении охраны по шумным улицам Шадизара. Покупала в лавках богатых купцов роскошные ткани — шелк, парчу, и украшения — кольца, броши, ожерелья.

Иногда охотилась, никогда не подъезжая близко к убитому ее стрелой оленю, чтобы не видеть его глаз, в которых — она знала, несмотря на наивность — навеки застыл ужас смерти и извечный укор убийце.

Она, конечно, понимала, что на свете существ-

вуют смерть и страдания. Муки и несправедливость. Но все это было так далеко... И не с ней — с другими.

Шестнадцать раз встречала весну счастливая княжна Ониксия. И в последние два года она стала испытывать странное волнение, глядя на мужчин. Суровые воины, украшенные шрамами лица... Сверкающие отвагой глаза, сильные руки... В ее охране появился высокий могучий воин, воплощение мужественности, силы и какой-то первобытной, дикой ярости!.. И его неожиданно синие глаза, неотступно следящие за каждым ее шагом, всегда так волновали...

3

Когда Ихарп добрался наконец до пещеры, похожей на раскрытую пасть дракона, он устал так, что готов был упасть на камни и тут же уснуть. Уже ничто не волновало горшечника. Ни скользкая тропинка над пропастью, на которой он как раз и стоял, ни предстоящая встреча с великим волшебником, о которой он всегда думал с волнением, ни воспоминания о призраках...

В первую же ночь в горах — появились призраки. Остатки волос на многострадальной голове Ихарпа встали дыбом, когда закружился вокруг него страшный хоровод полупрозрачных тел.

Вжимаясь в землю, горшечник ждал неминуемой смерти. Молился всем богам, о которых хоть что-нибудь когда-то слышал. Может, кто-то из них и помог...

Во всяком случае, призраки его не тронули, хотя и водили свой дьявольский хоровод каждую ночь. А утром не выспавшийся, усталый посланник с трудом седлал лошадь и весь день клевал носом, изредка окидывая окрестности осоловевшим взглядом.

Затем, когда пала от усталости его бедная лошадь (не забыть стробовать с Конана ее стоимость), он долго полз по еле заметной тропе над пропастью, ежесекундно рискуя жизнью. Конечно, его друг, могучий воин Конан, как всегда щедро вознаградит его за такой риск — не забыть только рассказать поподробнее. Поведать, как страшно было смотреть в пропасть, у которой нет дна! Только клубящиеся туманы на немыслимой глубине! Да... киммериец, конечно, родился и вырос в горах... его не испугать бездонной пропастью... Но все равно — рассказать! Пусть знает, на какие мучения он, Ихарп, пошел ради друга! Пусть знает... и вознаградит!

Полумертвый от усталости горшечник присел на плоский камень перед входом в пещеру. Голова кружилась. Показалось даже, что пасть пещеры с выступающими «зубами дракона» как-то придвинулась. Ихарп протер глаза. Действительно, пещера приближалась. Что за наваждение? Будто он едет... Горшечник вскочил с камня. Большая горная черепаха, вытянув морщинистую шею, спешила в пещеру. Ихарп почесал затылок. Может быть, у волшебника... как бишь его? Эскилампа! У волшебника Эскилампа черепахи служат вместо лошадей?

Кряхтя, охая и хромая на обе ноги, стертые до кровавых мозолей, горшечник поплелся вслед за черепахой. Из пещеры вышел чернокожий мальчик с веселыми смышленными глазами.

— Мир тебе, — почтительно сказал Ихарп.

— И тебе, — степенно ответил мальчик.

— Пусть в доме твоём всегда будет радость и достаток! — Ихарп решил не ударить в грязь лицом. Несмотря на усталость, он все же догадался, что перед ним не сам волшебник, а его ученик. Хитрый горшечник знал, как много зависит от мнения того, кто доложит хозяину о просителе.

— И в твоём доме, почтенный, пусть всегда будет полный достаток! — мальчик с интересом смотрел на усталого, но такого учтивого путника.

— Могу ли я лицезреть великого волшебника Эскилампа? — приступил наконец к делу горшечник.

— Учителя нет... Уже три дня, как он улетел... по неотложным делам, — мальчик, казалось, был искренне огорчен, хотя в глазах его прыгали солнечные зайчики.

Ихарп стоял с осоловевшим взглядом. Вот тебе и на!

— Что же я скажу Конану? — тупо спросил он у мальчика.

— Конану? Так ты от Конана?

Ихарп кивнул. На лице его столь явно читалась растерянность, что мальчик засмеялся. Затем взял горшечника за руку и повел в пещеру.

— Меня зовут Дриан. Если Конану нужна помощь, я поеду с тобой!

Ихарп растерянно посмотрел на такого уверенного в себе мальчика.

— Да... но Конан сказал привезти волшебника Эскилампа...

— Он придет позже... Если сможет. А сейчас подкрепись и расскажи, что случилось.

Он ввел Ихарпа в просторную полутемную пещеру. Высокие своды украшали цветные сталактиты, так похожие на зубы дракона... В дальней стене — арки. За ними, как понял Ихарп, коридоры, и у каждого — свой цвет. Один коридор освещен пурпурно-красным светом. Другой — синим, третий — зеленым... Нагнув голову, горшечник вслед за мальчиком вошел в зеленый тоннель. Опять несколько коридоров. И каждый имеет свой оттенок, на сей раз зеленого цвета.

— Это мой цвет, — с гордостью сказал мальчик. После некоторого колебания он вошел в небольшую пещеру, мягко освещенную зеленовато-бирюзовым светом. Ихарп с интересом огляделся. Прямые, хорошо обработанные, отполированные стены из зеленого камня. Малахит? Потолок тоже ровный, как в обычном каменном доме. Приятный, успокаивающий зеленый свет излучали, казалось, сами камни. Удобные кресла вокруг массивного стола из глыбы хорошо обработанного малахита. Серебряные (или золотые? — не разобрать при этом освещении) кувшины с вином, украшенные изумрудами кубки, блюда с только что поджаренным, испускающим немыслимый аромат мясом...

Если так живет ученик, то в какой же роско-

ши должен жить сам волшебник? Ихарп вздохнул и набросился на еду.

Через некоторое время, когда в голове приятно шумело, а желудок наполнился блаженной тяжестью, горшечник наконец вспомнил о цели своего прихода.

— Конан увидел что-то в какой-то книге и собирается спасти какую-то княжну! И так втюрился в нее, что отказался даже от моей красавицы-жены!

Мальчик с сомнением посмотрел на горшечника. Возможно ли, чтобы жена этого немолодого усталого ремесленника была красавицей? Ну... это дело вкуса.

— Ты упомянул о книге. Что за книга?

— Какая-то волшебная... — Ихарп размышлял над серьезным вопросом: выпить еще вина, или же это будет не совсем удобно?

— Конан ее сам видел?

— Кого?

— Книгу!

— Ну... да. Вроде бы... То есть ее показал... прямо в голове... какой-то нищий. Или дервиш. Странник, словом, — нетвердой рукой Ихарп все же подлил себе вина. — Как бишь его звали?.. Ниаматар!

— Что?! Ниаматар? — мальчик подпрыгнул и в волнении заходил по комнате, заложив руки за спину. Очевидно, так делал его учитель в минуты раздумья.

— Ниаматар, — подтвердил горшечник. — Он еще исчез потом...

— Книга Черных Врат... Любой волшебник отдаст правую руку, чтобы только раз заглянуть в нее!

Ихарп зачем-то повертел перед глазами кистью правой руки, будто решая, отдать ее или нет. Затем внимательно проследил, как ловко обхватили ее пальцы горлышко кувшина. Нет, он бы ни за что не отдал правую руку! Левую — это еще куда ни шло!

— И что же явилось Конану в книге? — прервал мальчик его размышления.

— О, что-то страшное... Колдун с копытами вместо ступней. Да и вообще, ноги у него были вроде...

— Козлоногий?! Я слышал про него! — Дриан опять барсом прошелся по комнате.

Горшечник кивнул, после чего голова его уже не поднялась. Все же он очень устал, выполняя поручение Конана... Не забыть бы стребовать с него...

* * *

Черное ночное небо над Шадизаром искрилось россыпью звезд. Казалось, каждую ночь боги разбрасывали по небосводу щедрой рукой горсти сверкающих бриллиантов. А спустя несколько часов вечно юные нимфы утренней зари камень за камнем торопливо собирали рассыпанное богатство, спеша укрыть его от огненного испепеляющего взгляда просыпающегося Митры, дарителя жизни.

Ониксия любила выходить на балкон ночью и наблюдать за алмазным мерцанием неба. Казалось, достаточно раскинуть руки, встать на цыпочки, потянуться к звездам — и они приблизятся, окружат веселым роем, одарят невероятным, неземным блаженством.

Но огромная странная тень мелькала сегодня над городом. Пронеслась в воздухе густом черноты, закрывая звезды, вселяя ужас и наполняя могильным холодом сердца тех, кто смотрел в эту страшную ночь на небо...

* * *

— Тревога! Тревога! — кто-то орал в самое ухо Конана.

Топот кованых сапог, крики, шум, гвалт...

— Кто стоял в карауле?! Немедленно ко мне! — надрывался капитан Бруккис.

Конан уже все понял. Быстро одевшись, он вместе с другими свободными в эту ночь охранниками вышел в коридор. Солдаты охраны были расквартированы на первом этаже северного крыла роскошного княжеского дома. Южное крыло занимала прислуга. Круглосуточно охраняемая широкая парадная лестница вела на второй этаж, где располагались гости и многочисленные родственники князя. Третий этаж отводился под танцевальные и банкетные залы, игорные комнаты и будуары для отдыха. И наконец на четвертом, последнем этаже, утопая в роскоши, жили князь, его жены и дети, в их числе и прекрасная Ониксия.

Охранялись все лестницы, этажи, все двери, все подходы к зданию, и даже у каждого фонтана в саду стоял часовой.

Охранников было так много, что произошедшее казалось немыслимым, невероятным. Исчезла юная княжна Ониксия!

* * *

— Наконец-то! О Великий Заган, ты получишь намеченную тобой жертву! Ты даруешь мне часть своей силы! — козлоногий в иступлении плясал вокруг сложного чертежа, нарисованного кровью младенца на шершавом полу огромной пещеры. Торчащие по стенам факелы не столько светили, сколько чадили, добавляя запах гари к ужасному смраду. А в центре чертежа без чувств лежала княжна.

Сатир остановился и, раздувая ноздри, долго смотрел на девушку мутными глазами. Хороша! Великий Заган будет доволен! Скоро, скоро он явит свой ужасный облик. И вознаградит верного слугу! А княжна пока пусть отдохнет после внезапного ночного полета. Колдун мокро усмехнулся толстыми губами. Еще раз, сжав ладони, посмотрел на лежащую без чувств девушку. Действительно хороша. Юна, красива, невинна.

Острое, жгучее желание вдруг огнем полыхнуло по жилам. Кровь запульсировала и бросилась в голову, туманя взор. Ну почему, почему он должен отдавать эту красавицу ужасному Загану, который, как и в прошлый раз, вероятно,

явится в облике огромного быка и просто разорвет ее пополам? Который не сможет, не сумеет насладиться ее юными прелестями?

Теперь глаза козлоногого колдуна полыхали огнем. Ревность к своему ужасному божеству кривила губы сатира. Отдать быку эту красавицу, даже не насладившись ее юным телом?! Тот, кто перенес ее в жертвенную пещеру — тот и должен быть первым!

Княжна слабо застонала, приходя в сознание. С трудом пошевелилась, и полы ночного халата из тончайшего кхитайского шелка разошлись, невольно открывая похотливому взору сатира недоступные простым смертным прелести.

Козлоногий замычал. Замотал головой. Нет... Нужно дождаться Великого Загана... Он не простит, если я...

Но руки, покрытые черным кудрявым волосом, уже сбрасывали с плеч плащ, срывали набедренную повязку, обнажая огромный козлиный фаллос.

Он не простит... Но ведь это я ее перенес... Она должна достаться мне!..

Ониксия пришла в себя в узкой, похожей на нору пещере. Низкие, угрожающе нависшие своды. Вход забран толстой ржавой решеткой. Где она? Как сюда попала? Неяркий переменчивый свет вперемешку с тенями метался где-то за углом, скупо освещая ее обнаженное, измятое, кусанное тело. Княжна с трудом приподнялась на локтях. Что с ней сделали? Она стояла чудной ночью на балконе...

Игриво подмигивали звезды, и ночная прохлада легким ветерком ласкала уставшую от дневной жары кожу. Затем... Облако? Вихрь? Тень? Огромная тень упала на нее и... Что было дальше? Почему она лежит здесь — искусанная и с саднящей болью во всем теле? Снился ужасный, чудовищный сон... Ее терзало какое-то существо, источающее удушливый козлийный смрад...

Ониксия закрыла глаза. Это просто сон... Кошмар, навеянный духотой летней ночи. С первыми лучами солнца она проснется в своей комнате, придут служанки, оденут ее, расчесут волосы и с притворным ужасом в глазах выслушают рассказ об ужасном сновидении...

4

Конан, морщась с досады, слушал обстоятельный рассказ Ихарпа. Полутемная, скупо обставленная комната в доме горшечника пропиталась неистребимым запахом прокисшей капусты. «Красавица»-жена, посверкивая глазками, налила в кружки напоминающее уксус вино и принесла черствого хлеба, с которого украдкой соскоблила плесень. А потом уютно устроилась в углу, присев на корточки и забыв, или не пожелав, одернуть юбку. Приехавший вместо Эскилампа Дриан ошалело таращился на жену горшечника и не мог связно рассказать, куда уехал его учитель и, главное, скоро ли вернется. Сам Ихарп изводил Конана деталями. Как из последних сил полз над пропастью, как пала его бедная лошадь, за кото-

рую он заплатил когда-то круглую сумму, как пугали его призраки...

Глотнув вина и стараясь не слишком кривить-ся, хотя челюсти сводило, Конан подвел итог:

— Когда придет Эскилам — неизвестно, без него мы не сможем узнать, где княжна и, следовательно, освободить ее.

— Я попытаюсь узнать, — подал голос Дриан, виновато взглянув на Конана. — Учитель рассказывал, что нужно сделать...

— Конечно, попытайся, — киммериец пригладил тяжелой ладонью кудрявые волосы мальчика. — Попытайся...

Ихарп украдкой вздохнул, взглянув на жену, все так же безмятежно сидевшую в углу.

— Я не виноват, что волшебника не оказалось на месте...

— Кром! Никто не винит ни тебя, ни Дриана! — Конан начал терять терпенье. Затем, вспомнив долгий рассказ горшечника, усмехнулся и отсчитал несколько серебряных монет. Ихарп, искоса глянув на жену, сунул деньги в карман. На лице его застыло выражение неземного блаженства.

Дриан выудил из потухшего камина уголек и, ползая по полу, начертил пентаграмму.

— Мне нужны свечи...

Жена Ихарпа наконец поднялась и, бросив на мужа из-под полуопущенных ресниц томный взгляд, отправилась искать свечи. Ихарп поспешил следом — помочь в поисках. Конан только рукой махнул с досады. Присел за колченогий

стол, пригубил вино и схватился за челюсть. Мальчик, прислушиваясь к звукам, доносившимся из соседней комнаты, наносил на чертеж таинственные знаки.

Спустя долгое время появился раскрасневшийся Ихарп и положил на стол несколько свечей. Дриан сосредоточенно расставил их по углам пентаграммы, зажег и монотонно затянул заклинание. Свечи мигали. Конан нетерпеливо барабанил пальцами по столу. Ихарп под предлогом врожденного страха перед колдовством опять ушел в соседнюю комнату. Дриан тонким голосом пел мантру. Свечи шипели и трещали. В комнате стало темнее. Казалось, в центре пентаграммы стужается тень. Внезапный сквозняк пошевелил волосы, прошелся холодком по спине. Конан ощущал чье-то присутствие. Мальчик кого-то вызвал. Кого? Сможет ли он совладать с ним?

— Только покажи нам дорогу! — пронзительно крикнул Дриан и сделал охранительный знак. На лице его читалась тревога, граничившая с отчаянием.

Внезапно Конан понял, что знает, где находится похищенная княжна и как туда добраться. Остальное — и самое страшное — когда-то показала Книга...

— Да, готов заплатить... — простонал Дриан, — только оставь мне хоть немного...

Конан едва успел подхватить ослабевшее тело мальчика. Тень, стужившаяся в центре пентаграммы, исчезла. Свечи вновь горели ярко и весело.

— Он взял половину моей крови... — прошептал Дриан, теряя сознание.

Конан с Дрианом на руках вышел в соседнюю комнату, одним движением смел с лежанки Ихарпа и его «красавицу»-жену и уложил мальчика, бережно укрыв его вытертым заплатанным одеялом. Не глядя на растерянных супругов, так и оставшихся лежать на полу с раскинутыми ногами и вытаращенными глазами, бросил:

— Будете за ним ухаживать. Он потерял много крови... Выживет, но долго не сможет двигаться. А я должен найти капитана Бруккиса, если его еще не казнили!..

Через час отряд вооруженных до зубов конников, возглавляемый Конаном и Бруккисом, спешно покинул город.

* * *

Ониксия лежала на каменном полу пещеры, но боли от впивающихся в спину острых камешков не чувствовала. Она вновь услышала топот копыт. Этот ужасный звук! Он означал, что сейчас в пещеру опять вползет ненасытный сатир, отвратительно воняющий козлом, и набросится на нее, как хищник на добычу. Да она и есть добыча... Этот хрипящий, сопящий в ухо, причиняющий боль зверь с помощью какого-то колдовства сумел похитить ее и теперь пользуется своей властью. Сколько раз она подвергалась истязанию? Не сосчитать... В голове — туман, в онемевшем теле — остатки боли.

Стук копыт приближался. Послышалось тяжелое дыхание возбужденного самца. Сейчас он отодвинет решетку и с сопением протиснется в нору... Потом, жадно подгребая под себя ее тело, брызгая вязкой слюной из вонючей пасти, войдет в нее, причиняя жгучую боль... О боги! Почему вы позволяете зверю терзать тела своих жертв? Почему вы вообще позволяете существовать злобным хищникам? Мучающим, терзающим, убивающим...

Внезапно вспомнились глаза умирающего оленя. Это было в первый раз... В тот день, когда она поняла, что нельзя смотреть в глаза тем, кого ты убил. И страшная истина открылась молодой княжне, ожидающей в тесной пещере очередного изнасилования. Да ведь она — тоже зверь! Она — такой же хищник, убивающий беззащитных! Человек — вот самый ужасный злодей, присвоивший право лишать других жизни!

А ее отец?.. Ее заботливый, любящий отец? Разве не он устраивает на потеху толпе публичные казни?! Он не знала, не хотела знать... Но слышала разговоры... Как лопается кожа, обнажается истерзанная плоть, затем кость — ребра, позвоночник... Как умирает в муках жертва... Разве ее отец лучше этого сатира, который сейчас ползет к ней, снедаемый похотью? И может быть, муки, которые она испытывает, это искупление его грехов? Грехов, совершенных и совершаемых зверями в облике благонравных, всеми уважаемых горожан?

Ониксия почувствовала мерзкое дыхание подползающего сатира. Нестерпимая козлиная вонь

колючками заползала в нос, забивала горло, мешала дышать. Или это его истекающие слюной губы уже заткнули ей рот?

И не отвернуться, не избежать его вонючей пасти — грубые руки, царапая когтями щеки, держат голову... И эта боль внизу живота!.. Эта нестерпимая боль!.. Она растекается волной по телу, током содрогания поднимается по позвоночнику, туманит голову. Заставляет глубже и порывистее дышать, вызывает стоны. Но и теплоту тоже... И какое-то новое, щемяще-сладостное чувство! Наконец наступает момент, когда боль превращается в наслаждение. О, как он велик и могуч, ее повелитель!.. Повелитель зверей и людей! Он дает ей могущество! Его семя прорастает в ней невероятной силой!..

И княжна, издавая сладостное рычание, царапала волосатую спину сатира отросшими острыми когтями...

* * *

Конан внезапно натянул поводья. Отряд остановился, и пыль, поднятая копытами коней, наконец догнала всадников, окутала серым, мглистым облаком. Капитан Бруккис вопросительно глянул на огромного киммерийца, утверждавшего, что он знает, где спрятана княжна.

Конан, сжав в кулаке поводья, нахмурился. Стоит ли теперь спешить? Каким-то образом он понял, что Ониксия начала меняться. Так и показывала книга... Но он все же надеялся, вопреки

всему. А теперь?.. Ехать, чтобы оторвать злобную ведьму от ее возлюбленного? Да она выцарапает глаза своим спасителям!

Невидящим взором Конан посмотрел на Брук-киса. Его казнят, если княжна не будет найдена и спасена... Что ж, они найдут ее... Вот только понравится ли теперь князю его дочь?

Киммериец хмыкнул. Может, доставить ее вместе с возлюбленным? Нет, нет... Книга показала, что он должен сделать. Еще и поэтому нужно ехать вперед... И дело тут вовсе не в княжне...

Он тронул коня, и скоро отряд, оставляя за собой клубящееся облако, вновь неся по пустынной дороге туда, где на горизонте вставали призрачные синие горы.

* * *

— Сегодня в полночь явится Великий Заган, — козлоногий мрачно уставился на княжну. — Он наметил тебя в жертву и не простит мне ослушания. Нужно бежать.

— Как скажешь, мой повелитель... — Ониксия лениво приподнялась на локте и окинула взором хижину. — Но мне здесь так нравится...

— Лучше, чем в пещере?

— Мне и в пещере с тобой было хорошо!

Княжна посмотрела на сатира ярко-желтыми глазами и порывисто вздохнула.

Ноздри козлоногого колдуна затрепетали. Он долго и с видимым наслаждением смотрел на ее обнаженное тело. На спине и животе Ониксии

уже кучерявилась жесткая шерсть, глаза с узкими полосками зрачков стали воистину прекрасны, а кокетливые рожки на голове выглядели такими беззащитными...

Он и не подозревал о своей способности трансформировать живые существа, даруя им себя и направляя волю на желаемые изменения. Вероятно, от отца перешел к нему этот великий дар. Но как он мог о нем догадаться, если до сих пор довольствовался совокуплением с козами и шакалами?! Они сразу же убегали... Но теперь... Он захотел, чтобы голову его женщины украсили маленькие рожки — и они стали расти уже на следующий день! Он пожелал, чтобы глаза ее стали желтыми... Он хотел, чтобы тело ее увидели кудрявые волосы... Он теперь может сделать с ней все, что захочет!

О великий Заган! Он же может вырастить из нее гиганта! Страшное существо, подвластное только ему, сокрушающее все на своем пути! Голова ее будет достигать небес, рык ее услышат в самых дальних распадках Карпашских гор. Он вырастит женщину-мстителя! И настанет день, когда он выведет ее на равнину и пойдет войной на город! И все — все! — падут перед ним на колени! Ее сила, мощь, свирепость и его колдовство!.. Никто не устоит!

Стоп! А почему бы не создать целую армию женщин-монстров? Он похитит несколько десятков девушек и изменит их по своему желанию! И настанет великий день — во главе армии великанов он двинется по земле, покоряя города, захва-

тывая земли и создавая все новых монстров! И скоро весь мир покорно ляжет к его ногам!

Неохотно вернулся козлоногий к действительности. Скривил губы. Закряхтел. Пока нужно бежать. Спастись от гнева мерзкого божка, которому он когда-то суру поклялся служить. Необходимо спрятаться где-нибудь в глубокой пещере, переждать... И продолжать изменять женщину! С каждой порцией семени она должна расти, расти... Пусть сила ее будет невероятной, а кожа — дубленой! Такой, чтобы не пробила ни стрела, ни копьё! И пусть она любит и почитает только его — своего повелителя, своего бога, дарителя силы!

Колдун стал собираться в дорогу. Заспешил, затопал копытами по глиняному полу. Бережно уложил в мешок амулеты, свой любимый мутный шар, завернутые в тряпицы порошки, пучки высушенных трав, странные, неестественно изогнутые кости.

— Собирайся! Скоро полночь. Не увидев нас в жертвенной пещере, Заган может навеститься сюда.

— Кто такой этот Заган, и чем он так страшен? — лениво спросила Ониксия, нехотя заворачиваясь в халат.

— Это один из древних богов-демонов... Он дал мне силу, и я поклялся ему служить... — козлоногий торопливо осмотрел хижину. — Вроде, все... Пора! Мы должны на время спрятаться.

— А потом?

— Потом? Мы завоюем всю землю! Я завладею такими талисманами, что смогу помериться си-

лами с самим Азатотом! Но вначале сокрушу Ниаматара и завладею Книгой Черных Врат!

И два странных и страшных существа вышли из полуразвалившейся хижины, чтобы уже никогда в нее не вернуться.

5

— Здесь! — Конан указал на темное отверстие, сливающиеся с тенями, которые окутывали гору.

Бруккис молча смотрел на вход в пещеру.

Два небольших утеса стояли по бокам, как часовые. Изломанные линии нависших скал навевали тревогу. Исчезающее за горой солнце, казалось, навсегда прощалось с людьми, дерзнувшими на закате приехать в эти дикие места. Солдаты, опытные, закаленные в боях воины, чувствовали себя детьми, забравшимися на спор ночью в заброшенный дом с привидениями.

Двадцать конников, пугливо озираясь, сбились в кучу, бормоча молитвы. Бруккис, осматривая окрестности, пытался понять, что же ему здесь так не нравится. Ну да — мертвый распад, по которому они приехали и по которому когда-то текла речка... В былые времена веселое журчание воды звучало в этих местах. Но высохла речка... Не по сердцу здешним духам была ее песня! И навалилась, набросилась на окрестности вязкая, гнетущая тишина. Высосала жизнь из деревьев — остались только гниющие колоды да голые, мертвые ветви давно засохших великанов. Выгнала птиц, что песнями тревожили ее — су-

мрачную, таящуюся; разогнала зверей... Только летучие мыши, эти маленькие вампиры, тут чувствуют себя привольно — облепили окрестные скалы, мерзкими гроздьями весят у входа в пещеру. А сколько их внутри? Там, куда не заглядывает солнце, где царит вечная, вязкая, гулкая тьма?..

Тревога заметалась в глазах бесстрашного капитана. Мрачный распадок привел их к этой горе, похожей на могильный курган — на огромный, насыпанный давно исчезнувшими гигантами могильный курган. И там внутри, куда им нужно идти, лежат, верно, гниющие кости давно умерших великанов.

Мрачно, страшно вокруг! Не зря кони хрипят и волнуются. Умные животные — они чувствуют извращенную природу этого места. Они чувствуют смерть. Да, именно так! Смерть! Бруккис огромным усилием воли сдерживал крик, рвущийся изнутри, из глубин естества человека, столкнувшегося с мертвящим ужасом неестественного.

Солнце давно село, и распадок окутала душная тьма. Конан, нахмутив брови, задумчиво смотрел на черное жерло пещеры. Вспоминал видения, навеянные Книгой. Бруккис, до боли сжав челюсти, твердой рукой — пока еще твердой — сдерживал рвущегося прочь коня. Солдаты позади громко молились, некоторые читали охранительные наговоры, другие ругались, пытались гневом прогнать навалившийся огромной темной глыбой страх.

Даже Конан чувствовал неясную тревогу. Са-

ма местность, мрачный, мертвый пейзаж навевали безысходную тоску и леденящий, змеей заполняющий в душу ужас.

— Мы должны туда идти? — голос капитана предательски дрогнул.

— Да, — сказал Конан, — да...

— Дождемся утра?

— Думаешь, утром там будет светлее?

— Утром будет светлее в наших душах...

Только сейчас Конан заметил, как испуганы солдаты. Как тревожно ржут лошади. Как тщетно пытается бороться со страхом его старый собутыльник — капитан Бруккис.

— Ночевать в таком месте еще хуже, чем идти в пещеру! Ты уверен, что за ночь солдаты не превратятся в испуганных мышей?

— Ты прав, киммериец! — Бруккис скрипнул зубами.

Затем откашлялся и суровым голосом отдал приказ:

— Приготовьте факелы! Мы едем в пещеру.

Цепочка конников, понукая лошадей, въехала под темные своды. Длинный и узкий, как нора огромной змеи, тоннель уходил в самую глубь земли. Наклон был так велик, что лошади спотыкались.

— Клянусь, эта дыра ведет прямо в преисподнюю, — проворчал Бруккис, тщетно пытаясь разглядеть что-то в крошечной тьме, нехотя отступающей перед факелами.

— А назад-то выберемся? — проворчал кто-то из солдат. — Кони будут скользить...

— Выберемся, — буркнул Конан. — Если в живых останемся...

Наконец спуск прекратился. Отряд теперь двигался по ровной поверхности. В стенах стали появляться темные провалы — небольшие пещеры; иногда был виден их конец, иногда только тьма ухмылялась солдатам из бездонной норы. И казалось, что из темноты каждого отверстия смотрят злобные желтые глаза. Конан действительно несколько раз увидел мелькнувшие в глубинах огоньки. Но были ли это фторесцирующие глаза чудовищ или отсветы вкраплений кварца, сказать трудно. Бруккис, похоже, также заметил мелькание в боковых тоннелях. И тоже промолчал — ни к чему нагонять страху на и так достаточно испуганных людей.

Выбрались в большую пещеру. Стук копыт искаженным эхом отражался от дальних стен. Казалось, навстречу едет другой, гораздо больший отряд. Или стая... табун кентавров. Или...

Конан поднял руку. Солдаты остановились. Факелы чадили, тени металась по углам, ища места, где схорониться. Нет, это не та пещера... Вперед! Отряд тронулся, и эхо вновь наполнило подземелье странными звуками.

— Как подумаю, какая над нами тяжесть... — прошептал Бруккис, — ну, если рухнет?!

— Этой пещере тысячи лет! — спокойно сказал Конан. — Уж если раньше не рухнула!..

— Ты всегда находишь ответ, киммериец! — с раздражением продолжал капитан. — Ты что же — ничего никогда не боишься?

— Бывает по-разному, — усмехнулся Конан.

— А вот сейчас? — не унимался капитан.

— Что гора рухнет — не боюсь. Другого боюсь...

Бруккис прислушался. Эхо исчезло. Под копытами коней был мелкий песок, глушивший шаги. Впереди опять тоннель. Длинный, извилистый, зловещий. Ведущий — куда? В ад? В преисподнюю? В самое пекло?

— Чего же ты боишься, Конан? Чего? — капитан тяжело, с натугой дышал. Воздух, казалось, стал тягучим и вязким, как сироп.

— Того, что ждет нас в пещере... Того, что показала Книга.

— Эта книга?! Да не приснилось ли тебе?! — Бруккис терял самообладание. — Нам нужно было бежать! Бежать в другую страну, а не лезть в недра горы, потому что так-де показала книга!!

Солдаты слышали истеричные нотки в голосе командира и недоуменно загомонили. А Конан неожиданно наотмашь ударил Бруккиса. Капитан покачнулся, но усидел в седле. Отряд остановился. Никто не произнес ни слова. Тишину нарушало только ржание лошадей да тяжелое, хриплое дыхание Бруккиса, медленно вынимающего из ножен меч.

Солдаты заволновались. Ни к чему сейчас ссора и схватка двух командиров. Не к месту. Не в этом мрачном подземелье затевать свару...

Простые воины признали Конана кем-то вроде атамана. Капитан Бруккис — назначенный князем начальник, Конан — молчаливо выбран-

ный лидер, поразивший наемников не только силой и искусством работы с мечом... Умение мгновенно оценить ситуацию, в считанные секунды принять верное, мудрое решение, абсолютное хладнокровие в то время, когда даже опытные воины теряют голову — эти качества молодого варвара-киммерийца быстро снискали уважение солдат.

— Сейчас не время! — крикнул кто-то, и остальные согласно закивали.

Конан спокойно смотрел в яростные глаза капитана. Он не притронулся к рукояти меча, будучи уверен, что успеет выхватить оружие даже после того, как грузный Бруккис замахнется.

— Ладно, киммериец, — капитан с трудом овладел собой. — Мы к этому вернемся позже.

Он резким движением задвинул меч в ножны.

— Вернемся, если будем живы, — усмехнулся Конан.

Напряжение спало. Кто-то из солдат отпустил сальную шутку. Другие захохотали с облегчением, смехом вытесняя глубоко засевший страх. Конан хлопнул Бруккиса по плечу.

— Теперь стало веселее!

— Ты думаешь, я испугался того... о чем ты говорил? — процедил капитан.

— Так мне показалось.

— Именно! Тебе показа... О боги! Что это?!

Под землей раздался гулкий, протяжный, тоскливый вой. Словно сотня волков сговорилась и затеяла спеть одну песню. Ржание испуганных лошадей на миг ее заглушило, но когда люди ус-

покоили испуганных животных, они вновь услышали этот жуткий звук. Он тянулся, как нескончаемая осенняя ночь во время ночлега в поле на холодном ветру. Невыразимая смертная тоска надрывала душу, проникала в мозг, как раскаленная игла под ногти, как удар кнута по обнаженным нервам. Солдаты затыкали уши. Многие падали и с воплями катались по земле. Бруккис плакал навзрыд, склонившись к шее лошади, в страхе прядающей ушами. Конану показалось, что на плечи ему положили огромный валун. Не хватало сил держать его, такой неподъемно-тяжелый, твердый...

Пещера наполнилась воплями, рыданиями и стонами. А вой продолжал вытягивать душу, сжимать, сминать железными пальцами сердце, рвать мозг острыми крючьями ужасных звуков. Солдаты бились головами о камни, некоторые, не выдержав напряжения, бросались на мечи, надеясь в смерти найти избавление от изощренной пытки.

Звук прекратился так же внезапно, как и начался. Словно кто-то выбил рог у трубача, возвещавшего ужас и смерть. Конан с трудом пришел в себя, потряс головой, прогоняя остатки неимоверной тяжести, и огляделся. Повсюду валялись трупы солдат. Факелы, выпавшие из ослабевших рук, потухали один за другим. Кровь заливала песок, уже не впитываясь, застывала темными лужами. Лошади стояли смирно, только уши их беспрестанно шевелились, чутко улавливая малейшие посторонние звуки. Значит, вой убивал только людей! Мучил, сводил с ума и убивал.

Конан поднял несколько факелов, укрепил в расщелинах. Стало светлее. Теперь следовало осмотреть солдат. Может, кто-то еще жив... С факелом в руке, Конан одиноко бродил среди мертвецов.

Вот лежит капитан Бруккис... Остекленевшие глаза смотрят с ужасом и... укором. Из-под ребра торчит рукоять кинжала. Рука старого воина была так сильна, что клинок пробил кольчугу, как не раз пробивал кольчуги врагов в сражениях. Последний удар бывалого наемника...

Дальше окровавленные тела нескольких солдат — в нестерпимом ужасе бросились они на мечи, верно служившие им в боях. Еще дальше... Что это?! У некоторых отрублены головы! Конан до боли сжал челюсти. Они «помогали» друг другу! Воистину, безумие овладело людьми...

Тихий стон раздался в ватной тишине, поглотившей пещеру. Конан мигом обернулся. Так и есть — один жив. Лоб разбит о камень. Все ясно: бился головой и успел потерять сознание прежде, чем расколол себе череп.

— Что это было? — простонал наемник, с помощью Конана поднимаясь на ноги.

Киммериец долго молчал. Хмурясь, перевязал солдату голову.

— Плач Загана, — сказал он наконец.

Охранник — звали его Култар — смотрел на Конана непонимающими глазами оглушенного человека.

— Книга говорила об этом... Неважно! Нам следует поскорее собраться и трогаться в путь,

пока... — Конан с досадой замолчал, а солдат так и не решился спросить, что имел в виду этот могучий варвар, выстоявший против страшного воя.

Пошатываясь, Култар таращился в темноту, словно увидел там нечто занятное.

— У меня в глазах до сих пор искры пляшут... — объявил он наконец.

Конан встряхнул его и сурово глянул в глаза.

— Отбери двух лошадей. Они повезут поклажу. Остальных направь обратно, я думаю, они найдут дорогу домой... Поторапливайся!

Солдат побежал к животным. Сам Конан собрал запасы пищи и воды, связал в охапку запасные факелы. С грустью посмотрел на погибших товарищей. Нет времени их похоронить... Нужно спешить. Нужно успеть к этому богу-демону, пока он опять не «заплакал»... К Загану! Так было сказано в книге.

* * *

Козлоногий ящерицей вполз в расщелину, совершенно незаметную со стороны. Миг — и его копыта скрылись в темном отверстии. Ониксия с трудом протиснула между камней свое ставшее таким большим тело.

— Скоро эта нора расширится... — хрипел колдун, — я знаю... бывал здесь раньше... в конце будет уютная пещера...

Ониксия была готова жить где угодно, лишь бы повелитель дарил ей любовь и ласку. Пусть в

пещере. Она ползла за сатиром, и ноздри ее трепетали, улавливая такой родной, такой восхитительный, чарующий звериный запах. Она, конечно, помнила, как ненавидела это запах раньше. Смешно и глупо! Она была просто дурочкой! Боялась смотреть в глаза убитым оленям... Не хотела ничего знать о расправах и казнях, которые вершил ее отец... Глупышка! Нет ничего более упоительного, чем застывший ужас и смертная тоска в глазах убитого тобой существа! Нет большего наслаждения, чем причинение нестерпимой боли другому!

— Я произнесу охранительные заклинания, и нас никто не найдет, — колдун забормотал непонятные слова на странном, чужом языке. Он уже вполз в пещеру и теперь заботился о безопасности. Как умен, как могуч и велик ее повелитель! Как хорошо он пахнет! Как сильно он ее любит! Какое наслаждение дарит! Ониксия осмотрела пещеру. Вполне хватит места для бесконечных любовных утех! Здесь, глубоко под землей, она будет наслаждаться ласками господина. Но... ведь самое большое наслаждение — причинять боль другим...

Она вдруг представила, как кричит ее возлюбленный!.. Как мечется он, не зная, куда деваться от ужасной нестерпимой боли!.. А она — такая большая теперь, такая сильная!.. Она может получить от него, своего повелителя, это чарующее наслаждение... Но не сейчас. Может быть, потом...

* * *

Конан и Култар спешили извилистыми ходами к Жертвенной пещере. Несмотря на то, что недра горы представляли собой настоящий лабиринт, Конан легко находил нужное направление. Книга и Ниаматар вели его. Бесконечные подземные залы, большие и малые пещеры, переходы, норы, ответвления — и наконец Конан остановился перед грубо обработанной аркой.

Подобие колонн, полустертые лики древних богов, драконы с обломанными крыльями — неизвестный первобытный скульптор не был большим мастером. Или, может быть, в те времена не придавали особого значения реалистичности изображений. Как бы там ни было, но Конан знал, что стоит на пороге той самой пещеры, где находится алтарь, обгаренный кровью бесчисленных жертв. Где ожидает его ужасное божество.

— Коней лучше оставить здесь, — Конан спешился и на всякий случай стреножил лошадь. Подождал, пока то же сделает испуганный Култар. Кивнул ему на запасные факелы. В пещеру идти не хотелось.

Култар с перевязанной головой походил на уроженца далекого Иранистана. Повязка напоминала столь любимую южанами чалму.

Конан с мрачной задумчивостью посмотрел на солдата. Худощавый, но крепкий, глаза темные и как будто немного раскосые... Борода черная. Наверное, действительно южанин... Нет времени расспрашивать... Да и не стоит.

Конан давно понял, что лучше не расспрашивать товарищей о детях и женах, о родных местах... Да и самому не делиться сокровенным. Увы — такова жизнь. Друзей лучше не заводить — слишком тяжело их терять. Конан вздохнул, вспомнив Хепата.

Нет, лучше никого не подпускать к себе близко... Сегодня друг жив, а завтра — нет. Зачем взваливать на себя такую тяжесть? Лучше быть одному. Так что он не будет расспрашивать Култара о его родине. Пусть он останется просто солдатом. Наемником. Временным спутником.

Тут Конану пришло в голову, что Култар-то не обязан лезть за ним в пасть к этому богу-дьяволу, который, вероятно, ждет сейчас в пещере. Похоже, что служба охранников княжны закончилась с гибелью их отряда и капитана.

Южанин стоял перед Конаном, как перед начальником, ожидая распоряжений. А ведь они оба — просто солдаты охраны, наемники...

— Култар, — сказал Конан, — ты можешь вернуться назад. Мне сдается, что твоя служба у князя кончена...

Солдат молчал. Конан посмотрел на драконов с обломанными крыльями, почесал подбородок.

— Княжну мы не спасем, это я знаю точно. Бе уже не спасти. У меня теперь другое задание...

— Какое? — ничего нельзя было прочесть в темных глазах южанина.

— То, которое дал мне Ниаматар и показала Книга. Моя служба в охране тоже закончилась, как и твоя. Так что ты свободен.

Солдат по-прежнему молчал. Конан подумал, что Култар может счесть, будто его прогоняют.

— Я тебя не гоню, — уточнил он. — Можешь идти со мной. Я просто хочу сказать, что ты свободен в выборе.

— Я пойду с тобой, — ровным голосом сказал Култар.

— Хорошо, — кивнул Конан. — Но потом не жалуйся.

Медлить дальше было невозможно. Бог-демон не любит ждать... Конан повернулся и решительно зашагал к арке. Позади слышалось дыхание Култара.

Жертвенная пещера оказалась ничем не лучше других. Те же сталактиты, такие же валуны, разбросанные там и тут, высокий, неровный свод... Только посередине возвышался плоский камень, уложенный на высокий постамент. К нему вели грубые ступеньки, по которым, наверное, жрецы восходили к алтарю, ведя за собой связанную красавицу, приносимую в жертву...

«Собственно, почему именно красавицу? — подумал Конан. — Почему во всех легендах и сказаниях в жертву приносят именно красавиц? Почему бы не принести в жертву самую уродливую, самую безобразную девицу, или, еще лучше, старуху? Вообще-то, божеству положено самое лучшее, — продолжал он размышлять, приближаясь к алтарю, — наверное, поэтому и жертвовали красавицами...»

И вдруг всей кожей, всем существом Конан ощутил присутствие зла. Только что пещера ка-

залась пустой, даже брошенной. Миг — и страшное, могучее, до боли чужое существо царит в ней, одним своим существованием вселяя в смертных невыразимый, ни с чем не сравнимый ужас. Киммериец остановился в нескольких метрах от основания постамента. Чуть позади замер, тяжело дыша, Култар.

Туманное облако клубилось на жертвенном камне. Менялось, корчилось, уплотнялось в некое подобие человеческой фигуры.

И таким ужасом веяло от этого сгустка дыма, что Конан невольно опустил голову. Лучше не видеть появление Загана — одного из Властителей Древности, о котором предупреждала его Книга. Ужасный лик с золотой короной на голове мелькнул тогда перед глазами Конана — навешанный Книгой и силой Ниаматара. Теперь же предстояло воочию лицезреть жуткого бога и более того — попытаться с ним договориться.

— Где мой слуга? Где женщина, выбранная мной в жертву? — от звуков голоса Загана, казалось, сотрясались своды пещеры.

Конан поднял голову. На алтаре высилось существо, внешне напоминающее человека. Пурпурная царская мантия, переливаясь, ниспадала на бурую поверхность жертвенного камня. Пальцы с холеными ногтями были унижены перстнями, и каждый перстень стоил целого королевства. На курчавой голове покоилась золотая корона, украшенная драгоценными камнями небывалой величины.

Плавню ступая, Заган величаво сошел по сту-

пенькам и остановился в двух шагах от Конана. Повеяло могильным холодом, будто приоткрыли дверь в старый склеп. Немигающими глазами царь посмотрел на Култара, и тот рухнул, как марионетка, у которой внезапно перерезали все нити. Сам Конан держался из последних сил. Казалось, бог-демон своим присутствием вытягивает тепло из тела, выпивает кровь, отбирает жизнь.

— Я жду ответа, — на сей раз голос Загана был вполне человеческим.

Конан внезапно понял, отчего вид этого существа так ужасен. В лице демона — на первый взгляд, обычном — было нечто, отличающее его от людских лиц. Несоответствие. Несовпадение. Будто кто-то содрал кожу с давно умершего человека и надел на себя. А под кожей — шевелятся, ползают, пытаются выбраться черви. И всё — все размеры, пропорции — нарушены.

— О великий Заган, — заговорил Конан, перебив себя. — Твой слуга предал тебя! Он захватил женщину, намеченную тобой в жертву, но не отдал ее тебе. Он сделал ее любовницей, хочет вырастить из нее монстра и бросить вызов богам!

Немигающим змеиным взглядом Заган впился в самую душу Конана. Зрачки его — бездонные черные дыры — заслонили мир. Или это потемнело в глазах?

— Я вижу, смертный, что тебя послал Ниаматар! Когда-нибудь мы разделимся с этим глупцом, считающим себя стражем Врат! Когда-нибудь!..

Конан держался из последних сил. Ужасная, непреодолимая сила тянула его к земле. Хотелось лечь на камни и наконец отдохнуть. Уснуть. Забыться и не видеть, не слышать, не знать...

— Помоги мне найти козлоногого... — прохрипел киммериец, падая на колени. Не было сил стоять... Но возможно, бог понял это как проявление покорности, как жест преклонения.

— Хорошо. Ты будешь знать, где он. Этот неблагодарный раб решил спрятаться!.. От меня! — хохот раздался в пещере, и сверху посыпались небольшие камни.

И уже теряя сознание, Конан услышал:

— Он должен умереть на этом алтаре! На сей раз он сам будет жертвой...

7

Ничто, казалось, в этот вечер не сулило беды. На Шадизар опускалась благословенная ночь. Еще один суетливый знойный день канул в лету. Благостный сон надвигался на землю — спокойный и глубокий. Спит, сладко причмокивая, толстый купец в объятиях любимой жены, устало раскинулся ремесленник, наскоро насладившись жилистым телом немолодой супруги, сопит во сне хлебопашец, богатырски храпит воин, хлебнувший доброго вина. Спит трудовой и послушный закону народ славного города. Не слышит тяжелой поступи надвигающейся беды.

А если бы и услышал? Разве сумел бы ее остановить? Ведь были и те, кто услышал. Кто не

спал. Лихие люди: воры, грабители — слышали. Проститутки с горячими, измятыми телами не спали — слышали. Солдаты — те, что несли вахту на стенах города — услышали первыми...

Грохот далекого обвала... Тяжелые удары, будто камнем по камню, только камни эти, должно быть, были не меньше утеса... Громоподобный смех, доносящийся откуда-то из-под самых небес... Приближение ужасной беды.

* * *

Когда Конан с Култаром выбрались из пещеры, на небе сияло солнце. И таким оно показалось ослепительным, таким животворящим после темноты подземелий, что, проехав совсем немного, Конан объявил привал. Остановились на опушке хвойного леса, зеленой шерстью покрывающего небольшую сопку. Пустили пастись изголодавшихся в пещере лошадей. Сами не спеша закусили, затем со вздохом облегчения растянулись на траве.

— Кто это был, в пещере? — Култар никак не мог подавить нервную дрожь. Руки, чтобы трясущиеся ладони его не выдали, пришлось закинуть за голову.

Конан промолчал. Казалось, он заснул, подставив лицо солнцу.

— Я помню только ужас... — продолжал солдат. — А когда очнулся — ты нес меня, как мешок с мукой.

— Хочешь совет? — Конан говорил сонным го-

досом, не открывая глаз. — Поезжай в Аквилонию, наймись там в охрану и забудь о том, что ты видел.

— Почему именно в Аквилонию?

— Хорошая страна... — Конан замолк, и вскоре дыхание его стало спокойным и ровным.

Ужаснувшись, как может этот гигант спать после всего пережитого, Култар закрыл глаза и долго лежал, пытаясь вспомнить жуткий облик подземного царя. Но образ почему-то исчезал, расплывался, дрожал, как отражение в пруду. В конце концов, заснул и Култар.

Следующие несколько дней Конан был хмур и молчалив. Он почти не давал отдыха лошадям. Култар ни о чем не спрашивал, хотя множество вопросов вертелось у него на языке. Они скакали к Шадизару. Торопились так, будто от этого зависели судьбы мира.

Вскоре им стали встречаться беженцы. Вначале отдельные семьи, затем небольшие караваны. Шадизар разрушен! Бегите, если можете! Другие говорили, что разрушены только стены и некоторые дворцы, в том числе дворец князя-работоговца. Сам князь убит — раздавлен огромными лапами чудовища...

Те, кто был расположен поговорить, подробно рассказывали о нападении на город невероятной величины монстра, сходного видом с человеком, с женщиной... Она шутя сокрушила городские стены и, сея смерть и разрушение, двинулась по улицам города, явно направляясь к центру. На ее чудовищной голове, держась за рога, сидел

странного вида человек или, скорее, сатир и указывал направление, отдавал приказы...

Кто-то рассказал, что сатир будто бы предъявлял требования самому правителю города, а также всем богатым купцам и вельможам.

Никто не мог толком рассказать, чего же требовал козлоногий. Одни говорили — власти над городом, другие — богатств. Все должны отдать три четверти своих богатств — принести их во дворец, где он решит поселиться... Кто-то утверждал, что сатир затребовал тридцать самых красивых девушек города для плотских утех, кто-то спорил — не тридцать, а триста! А кроме того, население обязано было кормить его огромную жену, которой ежедневно требовалось несколько быков или десятка два баранов.

— Где же войско? — спрашивал Конан.

— Наемники разбежались, как только увидели гигантскую рогатую женщину, прочие пытались обстреливать ее из луков, но были тут же растоптаны. Да и не могли стрелы пробить ее шкуру!..

— Что мы будем делать в городе? — спрашивал Култар.

— То, что показала мне Книга...

— Надеюсь, она показала, как одолеть это чудовищное создание... — бормотал солдат, не считывая на откровение товарища.

К Шадизару подъехали на закате. Полуразрушенный город медленно погружался во тьму. В нескольких местах тянулись к небу дымные столбы пожаров. Одни здания были разрушены до основания, другие — только до половины. У

некоторых были просто сорваны крыши. Люди, кто не успел или не захотел бежать, попрятались в норы — в погреба, в чуланы, в сарай. Зловещая тишина стояла над городом.

Конан и Култар, оставив коней в ближайшей роще, бесшумно пробирались к кварталу ремесленников. Петляя по знакомым улочкам, они наконец вышли к хижине Ихарпа.

Горшечник встретил их, приложив палец к губам.

— Тс-с, спит...

— Кто именно?

— Оба! Дриану стало гораздо лучше. Жена его каждый вечер укачивает... А я — сижу тут, в соседней комнате...

Конан снял плащ, отстегнул пояс с мечом и присел на шаткую скамью.

— Что творится в городе? Беженцы рассказывали разные ужасы...

Ихарп принес вина и хлеба, жестом пригласил к столу Култара.

— Появилась чудовищная баба. На голове у нее сидит сатир и показывает, что и где разрушить. Стрелы ее не берут, а в него попасть не могут — слишком высоко. Поразвалила она тут кучу дворцов... Да и ладно! Нас-то, простых, не трогает!

— Тронет и вас, если ее не остановить! — Конан мрачно глянул на рассказчика.

— Само собой! Доберется и до нас... Так вот. Они требуют... много чего. И денег, и баб побольше, и чтобы власть...

— Знаю. Слышал.

— Ну и... все. Пока сидим, ждем, что будет.

Култар выпил вина, зажмурился, скривился и пробормотал:

— Что будем делать, командир?

— Спать, — бросил Конан. Ихарп засуетился и принес охапку старых драных одеял, расстелил их на полу у стены.

Наутро город казался все таким же безлюдным. Редкие прохожие торопливо перебежали от дома к дому. Конан и Култар, не прячась, но и не особенно высовываясь, направились к центру. Многие дома казались покинутыми, многие были разрушены.

— Вон она! — воскликнул Култар, указывая на восток.

В свете солнечных лучей, выше самого высокого дворцового шпиля, стояла уродливая волосатая женщина. Прищурившись и заслонившись рукой от солнца, Конан разглядел на ее голове маленькое вертлявое существо с козлиными ногами.

— Мы действительно нашли ее в Шадизаре, — пробормотал Конан, — как и говорил Заган.

— Жаль, что он не сказал, как с ней справиться, — прошептал Култар.

— Почему? Он сказал... И Книга показала, в общем, то же... Только сделать это будет непросто.

Огромная женщина нагнулась и подняла что-то с земли. Конан увидел у нее в кулаке вельможу в роскошном одеянии. Ониксия поднесла его

к глазам и, казалось, внимательно рассматривала. Вельможа отчаянно жестикулировал, кричал и пытался кланяться.

— Где девушки для моего господина?! — донес ветер хриплый голос женщины. — Где золото, серебро, камни?!

Сатир на ее голове приплясывал от негодования. Затем резко махнул рукой и что-то крикнул. Ониксия медленно поднесла зажатого в кулаке человека к пасти и откусила ему голову. Затем присосалась к обезглавленному телу, как девочка к сладкому леденцу, и долго пила кровь. После тщательно разжевала обескровленную плоть и съела вместе с одеждой.

Конан только крикнул. Прячась в тени домов, двинулся дальше. Култар бормотал что-то неодобрительное, но шел следом. Скоро они подошли достаточно близко, чтобы слышать визгливый голос сатира. Выкрикивая страшные проклятия, он требовал золота и девушек. Срок дал до вечера. Если к ночи у него не будет требуемого, жена начнет разрушать город!

Вельможи, робко стоявшие на площади, поклонились и отправились восвояси.

— Ихарп пошел договариваться с оружейниками, — шепнул Конан Култару, хотя и не собирався посвящать солдата в свои планы, полагая, что тот вскоре сбежит.

Однако Култар тенью следовал за киммерийцем, решив, вероятно, что этот начальник будет лучше, нежели покойный Бруккис.

— Оружейники сегодня изготовят большой

арбалет. — продолжал Конан. — Вечером мы должны будем отвлечь женщину...

— Вряд ли ее убьешь с первого раза, — протянул Култар, глядя на гигантскую волосатую фигуру.

— А потом, — невозмутимо продолжал Конан, — мы захватим козлоногого и привезем его в пещеру.

Вернувшись в хижину Ихарпа, Конан и Култар пообедали тем, что послали в этот день боги и выставила на стол жена горшечника. Дриан, хотя и был бледным, выглядел вполне здоровым.

— Жаль, что тебе пришлось понапрасну отдать кровь, — вздохнул Конан. — Я ведь знал, что князю не спасти... Книга это показывала.

— Ты должен был попробовать, — рассудительно сказал мальчик. — А я теперь буду осторожнее, вызывая демонов.

Пришел Ихарп. Хмурился, пытаясь придать лицу серьезное и таинственное выражение.

— К вечеру все будет сделано. Арбалет отвезут на площадь, завалив бараньими тушами. Стрела будет окована железом и отравлена! Если даже эту бабу сразу не убьют — сдохнет потом!

Конан молча барабанил пальцами по столу.

— Одно плохо... — горшечник замялся. — Никто не соглашается ехать на площадь... Кто-то ведь должен управлять лошадей... и спустить тетиву...

— Нацелиться и выстрелить смогу я, — сказал Култар. — Нужно только переодеться крестьянином.

— Хорошо, — кивнул Конан. — Я буду поблизости и отвлеку ее в нужный момент.

— Арбалет лучше везти не на лошади, а на быках, — добавил Дриан. — Лошадь может испугаться... А быкам — все нипочем! Но им нужен погонщик. Лучше меня не найти!

— Только не забудь убежать после того, как пригонишь быков! А дальше уж наша забота.

К вечеру все было готово. Пара спокойных быков, погоняемых чернокожим мальчиком, неспешно тащила телегу, доверху нагруженную бараньими тушами. Угрюмый крестьянин восточного вида чинно восседал на повозке.

На площади уже стояли вельможи и ожесточенно спорили, обвиняя друг друга в сокрытии части драгоценностей, принесенных в дар козлоному. Огромная женщина пожирала заранее приготовленную тушу быка. Сатир рассеянно наблюдал, как рабы приносят все новые сундуки с серебром. Повозка, запряженная двумя быками, ни у кого не вызвала удивления. Мальчик-погонщик остановил телегу и неспешно отошел в сторону. Крестьянин отбросил несколько бараньих туш и стал возиться с каким-то механизмом, установленным на телеге...

И тут Ониксия увидела острые стрелы, направленной ей в сердце. Козлоногий, также почувствовав неладное, что-то закричал, указывая на Култара. Вельможи, ничего не поняв, на всякий случай бросились врассыпную. Конан с обнаженным мечом зашел со спины женщины-чудовища, подготовившись к атаке.

Все это произошло в одно мгновение. В следующий момент Култар ударом меча перерубил веревку, удерживающую тетиву арбалета, и огромная, как оглобля, стрела устремила к сердцу женщины. Но Ониксия как раз нагнулась, протягивая чудовищную руку к повозке, и стрела всего лишь оцарапала ей плечо. Оставалась надежда на яд, но когда еще он подействует...

Конан со всего маху рубанул по сухожилию женщины — чуть выше пятки. Ониксия взревела и обернулась. У Култара появилась возможность унести ноги, что он и сделал незамедлительно. Из развалин соседнего здания по команде Ихарпа (хотя нужды в команде и не было) выбежали лучники и осыпали женщину тучей стрел. Наконечники также были отравлены, и хотя большинство стрел отскочили, как от камня, все же некоторые смогли слегка оцарапать кожу чудовища.

Конан в этот момент уворачивался от огромных ступней — женщина-монстр старалась раздавить одного из своих бывших охранников, даже не вспомнив, что когда-то смотрела на него с восхищением! И вдруг... Козлоногий не смог удержаться на голове жены, сорвался и грохнулся на землю.

Увидев распростертое тело повелителя, женщина застонала, горестно воздев руки; потом, опустившись на колено, осторожно тронула колдуна пальцем. Не обращая больше внимания ни на Конана, ни на текущую из раны кровь, Ониксия рыдала над телом козлоногого.

Стрелки в смущении опустили луки. Женщина вдруг зашаталась, тяжело оперлась рукой о землю, медленно обвела площадь помутневшим взором и опустилась рядом с телом возлюбленного. Из последних сил свернулась она клубком, как собака возле умершего хозяина, и закрыла глаза. Некоторое время она еще дышала — тяжело, с надсадой и хрипами, а затем грудь ее застыла, и огромное тело расслабилось.

Дриан плакал, наблюдая, как умирает огромная женщина рядом с телом любимого. Култар — и тот тайком вытер глаза. Даже Конан чувствовал странное смущение, словно он сделал что-то такое, чего делать не стоило бы... И только вельможи гомонили, второпях разбирая свои сокровища.

* * *

— Значит, бог-демон так и не получил свою жертву, — подвел итог Дриан.

Минутой раньше Конан подробно рассказал историю похода в жертвенную пещеру и встречи с Заганом.

— Не получил... И мы не знаем, что теперь может случиться, — Конан хмуро посмотрел на жену горшечника, которая опять принесла все то же прокисшее вино.

— Может, надо... — начал Ихарп, — опять съездить к Эскилампу? Уж он-то знает, что к чему... Что-нибудь посоветует...

— Я ему все расскажу, — перебил Дриан. — Если дело серьезное, он сам приедет!

Култар посыпал хлеб солью, собрался с духом и залпом выпил кружку вина.

— Что дело серьезное, — просипел он, перекосившись, — мы и так знаем... Этот древний бог, не получив жертву, начнет мстить.

Раздался далекий удар грома. За ним второй.

— С гор, наверное, идет гроза, — обронил Ихарп и вдруг испуганно уставился на Конана. В комнате повисла тишина.

— Это просто гроза! — Конан поморщился.

Дриан выскочил на улицу и вернулся обеспокоенный.

— Молнии бьют непрерывно!

Култар налил еще вина. Как истинный наемник, он не мог воздерживаться, когда на столе стоял целый кувшин. Все хмуро проследили за процессом наполнения кружки. Отчетливо слышалось характерное бульканье.

Ихарп откашлялся.

— В это время грозы не так уж часты... И они никогда не приходят со стороны гор...

— Не будем умирать раньше времени! — Конан хотел было тоже налить вина, но вовремя вспомнил перекошенную физиономию Култара.

— Ну а хранитель книги? Как его? Ниама-тар? — горшечник с надеждой смотрел то на Конана, то на свою жену. — Может, он подсобит, если что?..

Киммериец пожал широченными плечами.

— Ты ведь все сделал, как было надо? — не унимался Ихарп.

— Книга показала, что если не убить козлоно-

гого, он захватит мир... Наделает целую армию женщин-монстров. Мир мы спасли. А до нас богам вряд ли есть дело!

Култар с готовностью кивнул.

— Богам главное — равновесие. А не жизни нескольких человек...

Ихарп с уважением посмотрел на южанина, изрекающего такие мудрые слова.

— Так мне говорил на родине один старый мудрый человек, — пояснил Култар, наливая еще вина.

Дриан снова выскочил за дверь. Грохотало непрерывно. Вернувшись, мальчик внимательно посмотрел на Конана и тихо сказал:

— Гроза приближается.

СОДЕРЖАНИЕ

Дух погибели

Брэнт Йенсен

Глава 1 О том, что предрешиено	7
Глава 2 О новой жизни	47
Глава 3 О следах и знаках	77
Глава 4 О переменах	137
Глава 5 О визитерах	179
Глава 6 О гранях разумного	211
Глава 7 Об огне	239
Ник Харрис Цепь оборотня	287
Завоеватель	351

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Литературно-художественное издание

КОНАН И ЦЕПЬ ОБОРОТНЯ

Руководитель проекта *Дмитрий Невостнов*

Составитель *Наталья Баулина*

Художественный редактор *Петр Богданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.А.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Почта электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Прессо»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Гринбродова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

САЖА О КОНАНЕ

КОНАН И САУГА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛЕК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68	КОНАН И ДЛАЯ ПЕНАТЬ 69	КОНАН И ТАИЩЕ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕМУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКОЛНИЦА ТАРАНТИИ 77	КОНАН И ИСФИРОВОЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРЕЛОВОЙ МОРЕИ 80	КОНАН И ПУТЬ ПЕРОВ 81
КОНАН И РАДЫМКА АЕСА 82	КОНАН И НАТРАДА НАЕДВКА 83	КОНАН И ЛЕГНОИ ЗАРИ 84	КОНАН И ПАЛМА КОМЕДИИ 85	КОНАН И ТРОИ ВЕДМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИИ 89	КОНАН И ВОЛНА БАШНИ 90
КОНАН И КАЯТВА БАРВАРА 91	КОНАН И СКОПЕР МАТА 92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАЛЛЕРА 93	КОНАН И ЛЕГЕНДА ЛЕМУРИИ 94	КОНАН И ЯРОСТЬ ТИТАРЖ 95	КОНАН И ТАЯНА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАД ТАМЕСМАНА 97	КОНАН И ГОЛОД ОВЕРЕННЫХ 98	КОНАН И ЧАРЫ КОЛАДУНИ 99
КОНАН И ГЕРОИ ХАЙБОРНИ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ 101	КОНАН И ЗАКАТЫ РОКА 102	КОНАН И ПАГОДА СНА 103	КОНАН И РИТУАЛ ДУШ 104	КОНАН И АЛЫ СТИСЫ 105	КОНАН И ТЕМНОТА ОХОТНИК 106	КОНАН И КАМЕНЬ АСУРЫ 107	КОНАН И СУД БОГНИИ 108
КОНАН И ПУТЬ ВЕДЕНИИ 109	КОНАН И ДАКИ АХЕРОНА 110	КОНАН И ОКАЖЕНЫ ОСТРОВ 111	КОНАН И ДЕМОН СТЕПЕЙ 112	КОНАН И ЧАРОДЕН ЮЛА 113	КОНАН И УЗНИКИ КАМНЯ 114	КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО 115	КОНАН И ГЛАЗ ПАУКА 116	КОНАН И ЦЕЛЬ ОБОРОТНИ 117

ISBN 5-17-032179-1

9 785170 321797